

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 22

Саратов
Издательство Саратовского университета
2020

УДК [9(470.44)+[882:069.02](470.44-25)](082+929)
ББК 46.3.1
Ч45

Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материа-
Ч45 **лы** : сборник научных трудов / редакционная коллегия: А. А. Гапоненков (ответственный редактор) [и др.]. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2020. – Вып. 22. – 184 с. – Имеется электронный аналог.

ISSN 2619-0621

Выпуск посвящен 100-летию Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского и включает работы исследователей из России, Белоруссии, США и Японии по проблемам мировоззрения Чернышевского, его воздействия на общественное мнение, диалога с современниками (Ф. М. Достоевским, А. В. Дружининым, К. Н. Леонтьевым), юмора, гендерного прочтения романа «Что делать?», журналистики, литературной критики, воспитания и образования. Републикована забытая статья «Разум и сердце Чернышевского» (1928) Н. К. Пиксанова, который вместе с М. Н. Чернышевским и его семьей создавал саратовский музей писателя.

Для филологов, философов, историков и культурологов.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, профессор *Ю. Н. Борисов*, доктор филологических наук, профессор *А. А. Гапоненков* (отв. редактор), заместитель директора по научной работе ЗНБ СГУ *А. В. Зюзин* (отв. секретарь), доктор философских наук, профессор *В. К. Кантор*, доктор исторических наук, профессор *В. А. Китаев*, доктор философских наук, профессор *Е. В. Листвина*, кандидат исторических наук, директор Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского *Е. Н. Манова* (зам. отв. редактора), заслуженный работник культуры РФ *Г. П. Муренина*, кандидат юридических наук, профессор *Он Оя*, доктор филологических наук, профессор *В. В. Прозоров*

УДК [9(470.44)+[882:069.02](470.44-25)](082+929)
ББК 46.3.1

ISSN 2619-0621

© Авторы статей, 2020
© Саратовский университет, 2020

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Минул целый век с того момента, когда известный по саратовским дореволюционным открыткам дом писателя Н. Г. Чернышевского в Саратове стал мемориальным музеем. Произошло это благодаря самоотверженным усилиям младшего сына русского мыслителя – Михаила Николаевича Чернышевского, перевезшего из Петрограда в Саратов личные вещи и рукописи своего отца. Всемерную поддержку данному начинанию оказал первый заведующий кафедрой русского языка и литературы Саратовского университета Николай Кирьякович Пиксанов. В настоящем сборнике мы приводим его статью «Разум и сердце Чернышевского» (1928) с предисловием Ю. Н. Борисова, ныне забытую, а также воспоминания о встречах с Пиксановым его ученицы Нины Михайловны Чернышевской, которая почти полвека была директором музея.

Советское правительство помогло претворить в жизнь замысел М. Н. Чернышевского и закрепило в официальных документах сам факт создания дома-музея писателя. Так была заложена основа для научного изучения его жизни и творчества. В 1920–1930-е годы в помещениях усадьбы с рукописями Чернышевского работал профессор Александр Павлович Скафтымов, глава саратовской филологической научной школы. К сожалению, в начале Великой Отечественной войны рукописный архив Чернышевского был перевезен на постоянное хранение в Москву (РГАЛИ).

Создание музея, установка памятника Чернышевскому, переименование ул. Большой Сергиевской в ул. Чернышевского, присвоение Саратовскому государственному университету имени Н. Г. Чернышевского способствовали тому, чтобы саратовцы не забывали своего земляка и чтили его как одного из первейших выразителей мощной *демократической традиции* XIX века, о которой нельзя забывать в угоду новой политической моде всякого рода «перестроек» и глобальных трансформаций. Чернышевский с юности хорошо знал и изучал многонациональный народ Поволжья, его историю, религию, культуру, этнографию, языковое своеобразие, чаяния и умственные интересы. Философ и писатель В. В. Розанов, посетив в 1908 году города на Волге,

в первую очередь обратил внимание на «богатые литературные и общественные традиции Саратова. Это – родина Чернышевского, Пыпина и вообще “движения шестидесятых годов”...». Именно в 1860-е годы Чернышевский стал «лидером общественного мнения». Об этом размышляет с позиции сегодняшнего дня В. В. Прозоров. Один из ключевых авторов данного сборника Он Оя (Университет Саппоро) отмечал, что Чернышевский, убедившись в отказе от либеральной реформы «сверху», не стал радикализировать свои требования к власти, был против насильственных действий, оставаясь мирным писателем и философом Просвещения. Между тем царское правительство отправило его в Сибирь на долгие годы.

Почти все публикуемые в 22-м выпуске сборника работы позволяют обновить наши представления о проблемах мировоззрения Чернышевского, его воздействия на общественное мнение, диалога с современниками (Ф. М. Достоевским, А. В. Дружининым, К. Н. Леонтьевым), юмора, гендерного прочтения романа «Что делать?», журналистики, литературной критики, воспитания и образования. Впервые публикуются краткие воспоминания о Чернышевском отца писателя К. А. Федина Александра Ерофеевича.

В целом сборник выражает идею содружества университетских профессоров, преподавателей, аспирантов и музейных сотрудников в деле дальнейшего изучения наследия Н. Г. Чернышевского. В выпуске собраны статьи, написанные по материалам докладов на XL–XLII международных научных чтениях «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» (2018–2020 гг.), традиционно проходивших в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского¹.

---

¹Все цитаты из произведений Н. Г. Чернышевского приводятся в тексте статей сборника в круглых скобках с указанием тома и страницы (кроме специально оговоренных случаев) по изданию: *Чернышевский, Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 16 томах / под общей редакцией В. Я. Кирпотина [и др.]. – Москва : Гослитиздат, 1939–1953.

I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

УДК [821.161.1:069](470.44-25)|1920|+929Чернышевский

Е. Н. Манова

E-mail: manova-el@mail.ru

Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, Саратов

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО: СТАНОВЛЕНИЕ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА (1920-е ГОДЫ)

Аннотация. В статье рассказывается о становлении Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, о Михаиле Николаевиче Чернышевском, который был его первым заведующим. История этого музея отражена в рукописном наследии М. Н. Чернышевского, его «Дневнике» 1917–1924 годов.

Ключевые слова: Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, М. Н. Чернышевский, литературный музей, экспозиция, мемории.

E. N. Manova

Museum-Estate of N. G. Chernyshevsky

FROM THE HISTORY OF THE MUSEUM-ESTATE OF N. G. CHERNYSHEVSKY: FORMATION AND RESEARCH WORK (1920s)

Abstract. This article is about the first years of the Museum-Estate of N. G. Chernyshevsky and about M. N. Chernyshevsky, its first head. The manuscript heritage of M. N. Chernyshevsky and his “Diary” 1917–1924 provides an insight into the museum’s history.

Keywords: Museum of N. G. Chernyshevsky, M. N. Chernyshevsky, literary museum, exposition, memorials.

Советским правительством в 1920-е годы были четко определены сущность мемориальных музеев, их специфические особенности и отличие от музеев иного профиля. Согласно этому мемориальные музеи

должны были создаваться на территории и в домах, где жили великие люди, причем главной задачей построения экспозиции становилось воссоздание с предельной точностью той обстановки, которая окружала меморируемое лицо при жизни. Работа музеев, созданных в первые годы советской власти, заключалась в комплектовании фондов и расширении экспозиционного показа собранных коллекций [1, с. 133–134]. Исключением не стал и музей Н. Г. Чернышевского.

После переезда в Саратов в 1919 году младший сын Н. Г. Чернышевского Михаил Николаевич узнал, что некая группа лиц выступила с инициативой разместить в доме Чернышевского «музей революционного Саратова». С такой постановкой вопроса М. Н. Чернышевский был категорически не согласен и настаивал на том, «что весь дом должен быть посвящен, прежде всего, самому Н. Г. Чернышевскому». «Если окажется возможность и место, – отмечал Михаил Николаевич, – то я, конечно, ничего не имею против того, чтобы предоставить это место “революционному Саратову”, но чтобы “революционный Саратов” отнюдь не занимал доминирующее положение» [2, л. 17 об.].

Подобные вопросы способствовали тому, что М. Н. Чернышевский в своем дневнике констатировал, что ранее он, по-видимому, «недостаточно обдуманно редактировал наименование музея, назвав его музеем имени Чернышевского, так как присвоить чье-либо имя можно всякому учреждению с любым внутренним содержанием; тогда как моя мысль, моя мечта и задача моей жизни, – подчеркивал он, – была устроить музей специально для увековечения памяти моего отца, чтобы каждый уголок дышал духом той эпохи, в которой родился, жил и работал мой отец. Поэтому наименование музея должно быть “Музей памяти Н. Г. Чернышевского”» [3, с. 74]. Тогда же им был намечен примерный план размещения в комнатах дома экспозиции. Предполагалось использовать практически все его помещения, за исключением комнаты служителя, столовой и кухни. При этом следует обратить внимание на одну весьма характерную особенность: выделенные под экспозиции комнаты Михаил Николаевич именовал не иначе как музеями. Всего же в Доме-музее Н. Г. Чернышевского таких обособленных «музеев», по задумке его основателя, должно быть пять.

М. Н. Чернышевский ставил перед собой весьма сложную задачу построения экспозиции, совмещающей мемориально-бытовую обстановку и историко-литературные материалы, а также предполагающей глубокое и всестороннее освещение деятельности и творчества Н. Г. Чернышевского. Отсутствие тематико-экспозиционного плана не позволяет определить хронологию тематических комплексов. Не совсем понятны характер использования экспонатов в тех или иных разделах и степень их соответствия теме [4, с. 22].

В начале 1920-х годов эти планы были еще в перспективе. и М. Н. Чернышевский писал в губернский отдел народного образования 9 декабря 1919 года, что, «не дожидаясь ремонта в полном объеме», он «организовал ячейку в одной комнате, поместив туда некоторые вещи и портреты с тем, чтобы при первой возможности открыть эту часть музея» [2, л. 26 об.].

Основа первой экспозиции музея была заложена 5 марта 1920 года, когда в самой большой из комнат – помещении бывшей приемной отца писателя – был открыт мемориальный уголок имени Н. Г. Чернышевского. В то время она состояла всего из 40 экспонатов: портретов Н. Г. и О. С. Чернышевских, фотоснимков мест ссылки писателя и портретов шестидесятников – друзей Чернышевского.

Не имея возможности обеспечить экспонатам должную безопасность, Михаил Николаевич вынужден был лично присматриваться к людям, которые приходили в музей: «Публика захаживает, но я не всякого пускаю – опасно: большинство ходит не только из праздного любопытства, но прямо с целью что-нибудь стянуть. Было уже несколько таких случаев. . . » [5, л. 17 об.]. Комната была изрезана узкими простенками, поэтому основная экспозиция заполнила только одну стену.

М. Н. Чернышевский выступал и в качестве экскурсовода. Готовясь к каждой новой встрече гостей музея, он вынимал личные вещи отца, папки с его дневниками, газетными вырезками, письмами. Вещи раскладывал на маленьком столике у окна, а папки – на письменном столе Н. Г. Чернышевского 1860-х годов, который ранее находился в Радищевском музее. Сегодня этот экспонат является частью литературной экспозиции «Отечества достойный сын». Михаил Николаевич рассказывал посетителям музея о творчестве, ссылке, последних годах жизни отца, делился личными воспоминаниями о поездке к нему в Сибирь в 1866 году.

Следует заметить, что большая часть экспонатов по-прежнему находилась в Петрограде – в Рукописном отделении библиотеки Академии наук, в Зимнем дворце и в художественной мастерской В. А. Пыпиной, троюродной сестры Михаила Николаевича, на Васильевском острове. Летом 1920 года они были перевезены в Саратов. Таким образом, как писал Михаил Николаевич, в музее оказалось сосредоточено «почти все мое собрание вещей и материалов, имеющих отношение к моему отцу, собрание, представляющее собою целое высококультурное богатство, которое несомненно будет оценено будущими исследователями творений Чернышевского и его эпохи» [6, л. 1].

Сотрудники музея в 1920 году завели первую инвентарную книгу, в которую были внесены прежде всего мемориальные предметы Н. Г. Чернышевского, переданные его сыном. Большое количество семейных реликвий – личные вещи, фотографии, библиотека и предметы

домашней обстановки писателя – поступили в музей от его родных и знакомых. Музейные фонды обогатились и пыпинской коллекцией материалов, связанных с именем Чернышевского, содержащей в себе обширную переписку, рукописи и фотографии. Так была заложена основа одного из первых литературно-мемориальных музеев страны.

В фонды музея в начале 1920-х годов поступило собрание портретов и рисунков, которое заполняло стены петербургского кабинета Михаила Николаевича. Из Академии наук были доставлены книжный шкаф Н. Г. Чернышевского и ящики с книгами. Отправлять в Саратов рукописи и корректуры отца 1860-х годов в такое тревожное время сын писателя не решился, они были оставлены под опекой историка литературы, библиографа Вс. И. Срезневского, работавшего в библиотеке Академии наук. Михаил Николаевич занимался пополнением музейного собрания новыми экспонатами и в период своих частых командировок. Он имел портреты Н. Г. Чернышевского, фотографировал памятные места, связанные с его жизнью. В Пушкинском Доме Михаилу Николаевичу подобрали экземпляры некрасовского «Современника», книги и портреты, а в Историко-революционном архиве – журналы «Былое», «Минувшие годы» со статьями о Н. Г. Чернышевском.

Музейное собрание в доме семьи Чернышевских хранилось в ящиках и шкафах и не могло быть выставлено для обозрения широкой публикой из-за непригодности помещений дома и отсутствия необходимого оборудования: «... есть книги, но нет шкапов для них; есть портреты, но нет для них ни рамок, ни стекол; есть вещи-реликвии, но нет витрин, да если бы и были, то их пока некуда поставить, т. к. <...> большинство комнат Музея должна занимать временно моя семья», – писал в отчете М. Н. Чернышевский [6, л. 2].

В ближайшей перспективе Михаил Николаевич планировал значительно расширить музейные фонды, в которых должны присутствовать не только предметы и материалы, имеющие непосредственное отношение к жизни отца, но и документальные свидетельства в целом об эпохе 60-х годов XIX века. К таковым он в первую очередь относил полные журнальные комплекты «Современника» (с 1848 или 1853 по 1856 год), «Отечественных записок» (с 1853 по 1856 год), «Атеня», «Военного сборника» (за 1858 год). На основе этих и других печатных изданий предполагалось организовать при музее библиотеку-читальню для лиц, изучающих эпоху шестидесятников, приспособив для нее одну из комнат дома семьи Чернышевских, выходящую на Гимназическую улицу (ныне ул. Некрасова). Помимо портретов самого Н. Г. Чернышевского, его родных и близких, в музее его памяти должны были экспонироваться и изображения всех выдающихся литературных и общественных деятелей 1860-х годов. Таким образом, к числу главных задач музея должно быть отнесено собрание предметов и материалов той эпохи, выразителем которой являлся Н. Г. Чернышевский.

К концу 1921 года музейная экспозиция занимала уже две комнаты [7, л. 141]. Из-за тесноты помещения группы посетителей не превышала десяти человек и должны были приходиться к двум часам дня. В другие часы музей принимал экскурсии по согласованию с заведующим. При этом плата за посещение не взималась [7, л. 140 об.]. В 1921 году музей посетили 150 человек, в 1922 году – 131, в 1923 году – 332 [8, с. 11].

Никаких отделов, отмечалось в музейном отчете за первое полугодие 1923 года, создано не было [9, л. 140 об.]. Экспозиция музея не претерпела никаких изменений и в следующем календарном году. Весь музейный материал при этом делился на четыре основных раздела: рукописи, портреты и снимки, реликвии (мебель и другие вещи), библиотека (книги Н. Г. Чернышевского, литература о нем, журнальные статьи и газетные вырезки) [10, л. 1 об.].

С октября 1920 года в штат музейных сотрудников входили: М. Н. Чернышевский (заведующий), М. М. Чернышевская (хранитель), Е. М. Чернышевская (библиотекарь), В. И. Благовещенский (по 15/Х) (служитель), М. С. Лукьянов (служитель), С. И. Быстров (служитель).

В августе 1921 года была сокращена единица библиотекаря [10, л. 1 об.]. Процесс сокращения и изменения штатного расписания музея Н. Г. Чернышевского продолжался и далее. Так, приказом заведующего Губмузеем А. Д. Скалдина от 13 ноября 1921 года от занимаемых должностей были освобождены заместитель директора М. М. Чернышевская и служитель С. И. Быстров. Одновременно с этим была введена ставка научного сотрудника. Согласно вновь утвержденному положению штат сотрудников музея состоял из трех единиц: заведующего М. Н. Чернышевского (16-й разряд), научного сотрудника Н. М. Быстровой (14-й разряд) и сторожа В. И. Баженова (4-й разряд). Даже в то время, когда по причине разразившегося в Поволжье голода из центра поступали приказы о пересмотре и сокращении количества сотрудников в других музеях города и области, штат музея Чернышевского оставался прежним [10, л. 3]. Деятельность Михаила Николаевича по организации музея теснейшим образом переплеталась с его интенсивной исследовательской работой, заключавшейся в разборе и приведении в порядок биографических материалов Н. Г. Чернышевского. Документальный фонд нуждался в строгой и грамотной систематизации. Причем этому занятию он был вынужден посвящать большую часть своего свободного времени. Некоторые рукописи требовали обязательного переписывания, поскольку из-за многочисленных вставок и помарок их зачастую нельзя было прочесть.

За пять лет, проведенных в Саратове, Михаилом Николаевичем были переписаны: письма отца из Сибири, изъятые III Отделением; дело Н. Г. Чернышевского из архива III Отделения; документы о шпионской

слежке за ним в 1861–1862 годах; автобиография Н. Г. Чернышевского; роман «Повести в повести»; мелкие рассказы; повесть «Отблески сияния»; письма 1846–1851 годов, а также последнего периода жизни (Астрахань и Саратов); дневники 1848–1853 годов; письма и воспоминания 1860-х годов [11, л. 84]. Михаилом Николаевичем в 1920-е годы велась активная работа по публикации в периодических изданиях статей Н. Г. Чернышевского. Так, в 1923 году он передал П. Е. Щеголеву через В. А. Пыпину рукопись Н. Г. Чернышевского «Критический взгляд на современные эстетические понятия» [12, с. 202–231].

В последние годы жизни Михаил Николаевич вместе с В. А. Пыпиной работал над третьим изданием библиографического указателя всей известной к тому времени литературы о Н. Г. Чернышевском. Существовало несколько вариантов указателя. Один из них был выполнен на карточках. За основу другого варианта было взято второе издание библиографического указателя (1911 год). Для переписки и систематизации эти два варианта указателя были отправлены в 1920 году в Петроград В. А. Пыпиной. Рукопись библиографического указателя так и не была опубликована. Н. М. Чернышевская в письме к В. А. Пыпиной отмечала, что, скорее всего, Михаил Николаевич отвез рукопись в Москву [13, л. 44]. Она сообщила, что библиографический указатель с ее рукописными пометами был отправлен Н. К. Пиксанову. Николай Кирьякович должен был содействовать его изданию, для чего и передал одному из заместителей Председателя Совета народных комиссаров [14, с. 264]. Возможно, рукопись действительно была передана одному из заместителей Наркомпроса, а именно Л. Б. Каменеву, который еще при жизни Михаила Николаевича принимал деятельное участие в его делах и мог способствовать публикации. Именно в архиве Л. Б. Каменева рукопись пыталась найти в 1928 году Нина Михайловна. Ныне один из вариантов указателя Михаила Николаевича хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства [11, д. 216]. Видимо, это были черновые наброски указателя, а не готовый к печати материал. Рукопись состоит из 230 листов. В ней содержатся материалы, касающиеся всех трех указателей, подготовленных М. Н. Чернышевским. В РГАЛИ она была передана из музея Н. Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны вместе с другими рукописями писателя. Но это не та рукопись, поисками которой занималась Нина Михайловна. Судьба данной рукописи в настоящее время неизвестна.

В рукописно-документальном фонде музея Н. Г. Чернышевского сохранился алфавитный указатель к библиографии, составленный Михаилом Николаевичем в феврале 1922 года [15]. На его листах пометы автора с указаниями для печати. Эта рукопись дает представление о масштабе готовящегося издания. М. Н. Чернышевский проделал большую исследовательскую работу. Библиографический указатель охватывал период с 1854 по 1923 год.

Научно-исследовательская деятельность М. Н. Чернышевского не ограничивалась работой с музейными материалами. Кроме того, он выступал на вечере в городском театре имени Н. Г. Чернышевского, посвященном тридцатилетию со дня смерти писателя [2, л. 26], а также с докладами в университетских аудиториях. 28 сентября 1919 года профессор Н. К. Пиксанов предложил Михаилу Николаевичу принять участие в «сезонном открытии Общества Филологии и Этнографии», прочитать письма отца из Сибири. Спустя некоторое время Николай Кириякович организовал заседание, посвященное памяти Н. Г. Чернышевского, на которое также был приглашен сын писателя. Кроме М. Н. Чернышевского и Н. К. Пиксанова в нем участвовал известный специалист в области этнографии и литературоведения профессор Саратовского университета Б. М. Соколов [2, л. 26].

Сын писателя принимал участие и в других мероприятиях, организованных Саратовским университетом. О них в своем дневнике Михаил Николаевич рассказывал особенно подробно: «30 октября 1922 года в день смерти Чернышевского в Университете состоялось торжественное заседание. . . Было прочитано 5 докладов, в т[ом] ч[исле] и я читал отрывок из Автобиографии» [2, л. 127].

Находясь в самом эпицентре научно-просветительской жизни Саратова, М. Н. Чернышевский в 1922 году стал ученым секретарем Саратовского общества истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ). По официальным отчетам ИСТАРХЭТ за 1920–1924 годы им было сделано семь сообщений по неизданным документам, непосредственно относящимся к жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского [16, д. 312].

В апреле 1924 года состоялась последняя командировка М. Н. Чернышевского в Москву. От имени Саратовского губернского исполнительного комитета он отправился в очередной раз хлопотать о выделении средств на ремонтные и реставрационные работы. Михаил Николаевич надеялся добиться выделения средств для завершения работ по дому Н. Г. Чернышевского, дому Пыпиных, на ремонт двух флигелей, находящихся на территории музейной усадьбы, на сооружение канализации и водопровода, благоустройство территории (разбивка сквера, установка фонтана) [17, л. 2].

Ремонтные и реставрационные работы в музее планировалось завершить к празднованию в 1928 году 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Однако самому Михаилу Николаевичу стать свидетелем торжества главного дела всей своей жизни не довелось: 3 мая 1924 года, находясь в Москве, он скончался. Но именно благодаря его усилиям в Саратове появился первый литературно-мемориальный музей, который и ныне является одной из визитных карточек города. Сегодня продолжают работы по благоустройству музейной усадьбы,

не прекращается также научно-исследовательская и издательская деятельность. Экспозиции представлены журналами, книгами, портретами и мемориями, собранными Михаилом Николаевичем Чернышевским.

Дело ушедшего из жизни Михаила Николаевича продолжила его дочь Нина Михайловна Чернышевская, ставшая заведующим музея. В 1925 году были выделены средства для завершения капитального ремонта и реставрации музея. Тогда же семья Чернышевских смогла переселиться во флигель Е. Н. Пыпиной. Городской совет признал дом Е. Н. Пыпиной жилым помещением, переданным семье Н. Г. Чернышевского в пожизненное пользование.

Первая стационарная экспозиция в музее была открыта в ноябре 1927 года. К тому времени изменился облик музея: «Из дома, где жили потомки Н. Г. Чернышевского, из одной комнаты, где находилось собрание мемориальных вещей, он значительно вырос, занял весь дом» [18, с. 101]. Экспозиционный материал теперь выстраивался по хронологическому принципу. Столетний юбилей со дня рождения писателя привлек к музею внимание ученых, и в результате работы специальной комиссии экспозиция заметно изменилась. Была дана социально-экономическая канва трех эпох: «предшествующей Николаю Гавриловичу, современной и последующей» [18, с. 101].

Мемориально-литературный комплекс, объединяющий строения и прилегающие к ним усадебные участки двух родственных семей – Чернышевских и Пыпиных, – является историко-культурным заповедным уголком Саратова и позволяет посетителям погрузиться в атмосферу городской усадьбы XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононов, Ю. Ф., Хевролина, В. М. Мемориальные музеи, посвященные деятелям науки и культуры СССР (1917–1956) // Очерки музейного дела в СССР: сборник научных трудов. Москва : Советская Россия, 1963. Вып. 5. С. 119–188. (Труды научно-исследовательского института музееведения ; вып. 9).
2. Дневник М. Н. Чернышевского 1917–1924 гг. Рукопись // МНГЧ. ОФ. № 529/3.
3. «Из дневника» М. Н. Чернышевского / публикация В. В. Смирновой // Пропагандист великого наследия : сборник статей / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. Вып. 1 : Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского. С. 74–78.
4. Костин, Ю. М. Первые экспозиции // Пропагандист великого наследия : сборник статей / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. Вып. 1 : Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского. С. 21–35.
5. Письмо М. Н. Чернышевского В. А. Пыпиной от 26 апреля 1920 г. // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 163. Оп. 4. Д. 103.

6. Отчет о деятельности музея памяти Н. Г. Чернышевского с 1 июля 1920 г. // МНГЧ. ОФ. № 497.
7. Материалы по организации Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Рукопись // МНГЧ. ОФ. № 525.
8. *Муренина, Г. П.* Становление // Пропагандист великого наследия : сборник статей / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. Вып. 1 : Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского. С. 8–21.
9. *Чернышевская, Н. М.* История Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Очерк (1918–1924 гг.). Рукопись // МНГЧ. ОФ. № 7347/2664.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 271.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 212, 216.
12. *Чернышевский, Н. Г.* Критический взгляд на современные эстетические понятия // Звезда. 1924. № 5. С. 202–231.
13. Письмо Н. М. Чернышевской В. А. Пыпиной от 16 мая 1924 г. // РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 423. Л. 44.
14. *Чернышевская, Н. М.* К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского : (сотрудничество В. А. Пыпиной в 1920–1930-е годы) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. Вып. 8. С. 263–278.
15. Алфавитный указатель к библиографии о Н. Г. Чернышевском. Рукопись // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (МНГЧ). Основной фонд (ОФ). № 594.
16. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 312.
17. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 89.
18. *Степанов, П. Д.* Нижневолжский краевой музей. Краткий обзор деятельности и характеристика принципов экспозиции // Советский музей. 1931. № 3. С. 99–106.

УДК 32.019.5+929Чернышевский

В. В. Прозоров

E-mail: prozorov@info.sgu.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ КАК ЛИДЕР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ МИФА

Аннотация. Размышляя над трагической судьбой Н. Г. Чернышевского, мы запутываемся в поисках ответа на важный вопрос: каковы вменяемые мотивы жестокой расправы властей над известным журналистом-литератором. И ключевое объяснение, как мне кажется, обнаруживает себя в том, что Чернышевский стал деятелем, для которого наши времена изобрели своё именование – лидер

общественного мнения. Лидеры мнения отличаются в глазах адептов высоким социальным статусом, достойным уровнем информированности, устойчивым авторитетом и обаянием. Молодое поколение России открывало для себя в работах Чернышевского нравственно-политические ценности широкого диапазона. Но и сам Чернышевский давал к этому несомненные внятные поводы. В образе мыслей его, в текстах – органичный синтез и мудрых реформаторских идей, и страстного демократического просветительства, и пафос деятельного ожидания самых что ни на есть радикальных перемен. Этого ожидания-призыва власти убоялись сильнее всего. Образ Чернышевского – властителя дум молодых людей, борца за права личности, первого в истории России лидера массового оппозиционного мнения – навсегда останется притягивающим к себе внимание потомков.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, лидер общественного мнения, миф, реальность, В. К. Кантор, Он Оя, Е. И. Покусаев.

V. V. Prozorov

Saratov State University

NIKOLAY CHERNYSHEVSKY AS AN OPINION LEADER: THE REALITY OF MYTH

Abstract. Pondering the tragic fate of N. G. Chernyshevsky, we are hard pressed to locate an understandable rationale for the violent act of reprisal that the state took against the well-known journalist and writer. In my opinion, the key explanation is that Chernyshevsky became what in today's terms could be defined as an opinion leader. Opinion leaders are perceived by their followers to possess high social standing, to be well-informed and charismatic. In Chernyshevsky's works, the new generation of Russians discovered widely applicable moral and political values, and his personality was in harmony with this view. His worldview and his texts convey a fusion of astute reformative ideas, a passion for democratic enlightenment, and a sense of proactive anticipation of the most radical change. It is this anticipation, morphing into a call to action, that scared the authorities the most. The image of Chernyshevsky – a thought leader for the young people, a champion of the rights of individuals, the first Russian leader of mass opposition – will always attract the attention of future generations.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, public opinion leader, myth, reality, V. K. Kantor, On Oya, Ye. I. Pokusayev.

Со своими студентами я часто говорю о человеке, имя которого носит Саратовский университет. Расспросы, как правило, ставят многих из них в тупик относительно рода занятий Чернышевского, времени и обстоятельств его жизни, творческого наследия и даже – связи его с нашим городом. Я убежден, что это не их беда, а наша вина – не смогли найти общего языка, не получилось заинтересовать судьбой этой из ряда вон выходящей личности.

И вот недавно услышал я целый поток порадовавших меня недоуменных размышлений о Чернышевском. От кого? От студентки магистратуры, потомственного, кстати сказать, филолога. Меня поразил этот эмоциональный всплеск на фоне беспечного заговора молчания в юной гуманитарной среде вокруг фигуры нашего земляка. Хорошо начитанная, чуткая к наблюдениям родных, студентка стала эмоционально

припоминать, как по-разному в масштабах чередующихся исторических эпох преподносится нашему обществу автор романа «Что делать?».

Сперва он представлялся (официальной идеологией, школой, вузом, музеем) прямым предтечей коммунистических идей. Старшее поколение хорошо знало, кого он «перепыхал». Советской аудитории внушалось, что Чернышевский делал всё для того, чтобы народ вышел на дорогу борьбы с деспотизмом.

В перестройку революционно-демократический образ Чернышевского был подвергнут обструкции и уже в его адрес метались громы и молнии за все прегрешения советской власти. А знавшие ему цену люди принялись спешно «перекрашивать» его в пылкого просветителя, далёкого, однако, от крайнего радикализма. Несколько стыдливо, хотя и азартно защищали от набоковского «Дара» с его Годуновым-Чердынцевым.

В последнее время (с опорой на факты) рождается новый образ смиренного реформатора, следовавшего христианским принципам, во все и не помышлявшего ни о каких серьезных радикальных методах «перемены декораций» в российском обществе.

Кто же он, как говорится, на самом деле? Отчего стал возможен такой поразительный разброс мнений? Ни с одним из его великих современников (как бы по-разному к ним ни относились в разные эпохи), например со Львом Толстым, Достоевским или Салтыковым-Щедринным, такого случиться не могло. И не случилось! А почему с Чернышевским такие оценочные метаморфозы стали реальностью? Вот вопросы, которыми задается студентка. И добавляет: вовсе странно и удивительно выглядят нынешние часто звучащие недоумения по поводу того, за что же он был подвергнут царскими властями долгой и мучительной расправе. Всё решительно запутывается.

В самом деле, кто же он, Николай Гаврилович Чернышевский? Безбоязненный мыслитель-революционер, последовательный атеист, умеренный постепеновец, проницательный кабинетный аналитик, смиренный христианин если не по верованиям своим, то по складу самой жизни и по умопостроениям? Разумеется, особенно чувствительны эти отнюдь не риторические вопрошения в пространстве его родного города, где Чернышевский – это и улица, и площадь, и памятники, и мемориальные доски на старинных домах, и университет, и музей-усадебка, наконец, могила на Воскресенском кладбище... Я собрался с ответом, решив адресовать его, в частности, и студентам.

Чернышевский – одна из самых загадочных и удивительно многозначных личностей русской истории, русского общественного мнения. Чернышевский, конечно же, не от мира сего. Странности его характера, его способа ведения дел, его судьбы способны и сегодня находить исполненный искреннего запрашивающего интереса отклик и отзываться в душах прежде всего молодых людей самых разных жизненных

исканий и готовностей. А эти попадания в юных – в каждого по-своему – сами по себе дорогого стоят.

Загадка – в причудливости его уникальной, многими описанной и им самим удостоверенной личности, и прежде всего в его горделивом и несокрушимом чувстве самоуважения. Это Чернышевскому принадлежит жизненная максима, ставшая для него путеводной: «для человека, привыкшего уважать себя, смерть гораздо легче унижения» (VII, 284). Самоуважением проникнуто и его ключевое, в высшей степени откровенно и напористо выраженное убеждение: «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» (VII, 285). И жизнь свою автор «Антропологического принципа в философии» строил, руководствуясь этим страстным убеждением. Он знал, что делать. Хорошо знал. Делами своими и поступками надо приносить себе удовольствие. Следовать принципу удовольствия, принципу эгоизма. Разумного и честного.

Загадка кроется и в его сотканном из множества противоречий характере. В его поступках, могущих показаться с точки зрения так называемого здравого смысла непоследовательными. В его оригинальном строе мыслей, не в последнюю очередь связанном с отношением к женщине, к семье, к воспитанию детей и ко многому другому на белом свете.

Новым импульсом к обсуждению этих вопросов стал ценный и цельный капитальный труд В. К. Кантора «Срубленное древо жизни» – книга, в которой огромная по своим масштабам аналитическая источниковедческая работа органично сочетается с благородным популяризаторским пафосом [1]. Автор пристально и пристрастно обращает внимание на такие грани личности Чернышевского, как потрясающая работоспособность, неприхотливость в обыденной жизни, бесстрашная дневниковая искренность, не покидающая его самоирония, по-детски наивная застенчивость, целеустремленная предусмотрительность, необузданная горячность и страстность. Чернышевский великодушен и деликатен, непочтителен к авторитетам и влюбчив, снисходителен и неколебимо честен. Мечтал самостоятельно изобрести вечно-двигательное устройство, а позднее последовательно и самозабвенно стремился предусмотреть, предначертать, предъявить соотечественникам по возможности нравственно справедливое и разумное, по его представлениям, социально-нравственно-экономическое мироустройство.

Мы высоко ценим огромный вклад в изучение Чернышевского, который вносит наш коллега из Японии профессор Он Оя, внимательно

и аргументированно, шаг за шагом, год за годом открывающий в наследии Чернышевского доселе так глубоко не прочитанные и актуально звучащие социально-экономические мотивы [2].

Вновь и вновь обращаясь к обширному наследию Чернышевского, к огромной литературе вопроса и одновременно размышляя над его трагической судьбой, мы с новой силой запутываемся в поисках внятного ответа на очень важный вопрос: каковы же были вменяемые мотивы жестокой расправы властей над русским журналистом-литератором? Чем так опасен был *им* Чернышевский? Д. Л. Быков вопрошает: «Категорически непонятно, чем именно вызывал писатель такую ненависть у правительства?» [3, с. 49]. Вопрос витает в воздухе: как объяснить жестокую месть человеку, призывавшему к осмотрительности в решении важнейших социальных вопросов? В книге Кантора «Срубленное древо жизни» читаем: «Чернышевский противопоставлял идее бунта идею реформы» [1, с. 372], а славу революционера-страдальца «подавило Чернышевскому самодержавие» [1, с. 370]. В этих заключениях большая правда, подтверждаемая строгой системой последовательно предъявляемых автором фактических доказательств. Но некоторое смущение всё же остается. И право на подобное смущение оставляет за собой сам Чернышевский.

Ключевое объяснение, как мне кажется, готово себя обнаружить в том, что Чернышевский всей совокупной и многозначной логикой своих жизненных проявлений стал человеком, для которого новые, наши уже с вами времена неожиданно изобрели своё именование – ЛОМ, лидер общественного мнения. Невольные ассоциации этой аббревиатуры с Никитушкой Ломовым... Понятие, ныне весьма актуальное, способно, я думаю, неожиданно пролить дополнительный свет и на наши суждения о загадочности Чернышевского и о трагедии его жизни.

Лидеры мнения, согласно широко распространенным ныне определениям, – люди, отличающиеся в глазах своих многочисленных последователей высоким социальным статусом, достойным уровнем информированности, устойчивым авторитетом и обаянием. ЛОМы оказывают чувствительное влияние на общественное мнение и поведение. Высоко оценивается их нынешняя внеофициозная роль в социально-культурной и экономической жизни. Лидеры мнений – те, чьи рекомендации для пользователей Сети имеют несомненно повышенный интерес, очень часто служат руководством к действиям. **У них громадное количество подписчиков, лайков и комментариев под их постами.** К лидерам мнений, своего рода социальным наставникам относятся самые известные блогеры. К ним постоянно пополняемая «своя» аудитория испытывает почти гипнотическое доверие. Речь идет о новой, вполне реальной мифологии. Им посвящают эмпирико-социологические труды. Пробуют объяснить механизмы передачи информации от лидеров

к обширной аудитории. Этим заняты общественно-научные институты, экспертные центры и т. д. Лидеры эти не назначаются властями, но порой оказываются таковыми вопреки властным ожиданиям. Лидеры общественного мнения сами по себе уже вполне реальная власть, взявшаяся неведомо откуда и как.

Так вот, на мой взгляд, Чернышевский был первым русским ЛОМом. Чернышевский хорошо знал, что «каждый человек с развитою головою очень сильно интересуется политическими событиями» (VII, 284). И он становится в своём журнале постоянным автором для своих «с развитою головою». Чернышевский жаждет общения с ними, он рассчитывает на обратную связь. 7 тысяч подписчиков, мы помним, у журнала «Современник» в 1861 году (для сравнения: у «Русского вестника» – 5700, у «Отечественных записок» – 4000). Он предельно внимателен к динамике читательского спроса на «Современник». Откликаясь на чувствительное снижение роста подписчиков журнала в 1861 году по сравнению с 1860 годом, он прямо пишет: «Каждый из наших сотоварищей по литературе и каждый из читателей замечал по разговорам в обществе в два последние года, что публике начинает надоедать бесплодность хлопот нашей литературы. Прежде, читая журналы, она ждала, что выйдет какая-нибудь польза для жизни из того, что пишут журналы. Обманувшись в своем предположении, справедливо начала терять охоту к занятию этой напрасной болтовней» (X, 455). Социально-утилитарное назначение литературно-журнального дела для него несомненно.

Чернышевский прекрасно чувствует время назревшей крутой перестройки и, насколько возможно в подцензурной печати, будоражит мысль своей всё расширяющейся, привыкающей жадно ему внимать аудитории: «Иной раз тянутся долгие годы, и не заметно никаких перемен в существующих отношениях. А то приходит такое время, что беспрестанно совершаются новости и вся обстановка жизни быстро переделывается» (X, 102). Он очень хорошо чувствует своих оппонентов, внушает к ним рассудительное презрение: «При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело. Люди эти действуют, как машины» (X, 107). И ещё из «Писем без адреса»: «Каков бывает ход дел при бюрократическом порядке: начинают тем, что видят надобность чего-нибудь существенного и великого, стремятся к нему и успевают сделать лишь нечто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное» (X, 110). В продолжение этой мысли – анатомия бюрократического круговорота: «Созываются люди, чтобы рассмотреть дело, но с первого же раза им предлагают заключения, которыми уже решается все дело; а ведь оно еще не рассмотрено ни ими, ни лицом, предлагающим эти решения /.../. Как произошла такая перемена в их назначении? /.../ Она произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в

силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления» (X, 110–111). Но это же приговор существующему жизнеукладу!

Чернышевский прекрасно понимает, что такое в подцензурной печати чтение между строк. И регулярно сообщая в «Современнике» 1860 года о европейских политических новостях, признавался: «Что хорошо и что дурно, пусть судит сам читатель, – мы полагаем, что у каждого не меньше рассудка, чем у нас» (VIII, 122). Рассуждая о политике неаполитанского короля, Чернышевский задаётся вопросами, которые отзываются в душах его публики: «Кто не считает своею обязанностью защищать свои права? Кого можно порицать за это?» (VIII, 122). Он верит в своего читателя, и читатель в не меньшей степени доверяет ему.

Совершенно справедливо (хотя говорить об этом стало немодно) в советской науке (в частности, в работах Е. И. Покусаева [4]) сообщалось: описывая события в других странах, Чернышевский умело подводил читателя к аналогиям с русской жизнью, подвигая его делать выводы, которые заметно отличались от официальных или либеральных толкований тех же самых событий.

Безусловно прав В. К. Кантор: «Чернышевский был звездой оппозиции» [1, с. 492]. «Власти нарвались на мифологическое сознание общества, сами при этом создав миф о Чернышевском-революционере» [1, с. 341]. Миф этот, однако, возростал не на голой почве. Не фантом подвергли гражданской казни и надолго в Сибирь отправили, а реально опасного для властей лидера социального протеста. И случилось это, когда впервые в российском обществе протест этот стал обретать вполне себе осязаемые формы борьбы за человеческие права. Чернышевский в мае 1860 года писал на страницах «Современника»: «Такая вещь, как систематическое устранение всяких улучшений, даже в чисто материальном быте населения, свидетельствует о ненормальности господствующей системы ещё гораздо сильнее, чем всякий полицейский произвол, вражда к просвещению, стеснение политических прав» (VIII, 113). Какой же это миф или фантом? Это отчетливый оппозиционный радикализм в глазах власть имущих и всех, кто склонен был их поддерживать!

Публика обретала в текстах Чернышевского ровно то, что искала. «Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения», – припоминал Ф. М. Достоевский свои слова, адресованные Чернышевскому по поводу его реального влияния на молодое поколение 1860-х годов [5, с. 26]. Но и сам Чернышевский давал к этому несомненный внятный повод. В образе его мыслей, в текстах – гремучая, пылкая смесь, органичный синтез и мудрых реформаторских идей, и страстного демократического просветительства, и пафос деятельного ожидания радикальных перемен. А где ожидание, там и призыв. Этого

ожидания-призыва власти боялись сильнее всего. Последовала суровая расплата. И не надо полагать, что нам неведомы её причины.

Молодое поколение России открывало для себя в работах Чернышевского многозначительные нравственно-политические программные ценности широкого диапазона и живого колебания мысли по поводу сложнейших вопросов социального бытия. Вот почему образ Чернышевского – властителя дум молодых людей, борца за права личности, первого в истории России лидера общественного, действительно массового оппозиционного мнения – был и остаётся притягательным для потомков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кантор, В. К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с. (Российские Пропилеи). ISBN 978-5-98712-661-5.

2. *Оя, Он.* Английский утилитаризм и «гипотетический метод» Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Гапоненков. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018. Вып. 21. С. 34–40. ISSN 2619-0621.

3. *Быков, Д.* Тайна Чернышевского // Дилетант : журнал. 2012. № 1 (Январь). С. 49–53. URL: <https://history.wikireading.ru/267832> (дата обращения: 28.08.2020).

4. *Покусаев, Е. И.* Н. Г. Чернышевский. Очерки жизни и творчества : пособие для учителей. 5-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Просвещение, 1976. 223 с. (Библиотека словесника).

5. *Достоевский, Ф. М.* Дневник писателя. 1873 г. // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 томах / редакционная коллегия : В. Г. Базанов (главный редактор) [и др.]. Ленинград : Наука, 1980. Т. 21. С. 5–136.

УДК 1(470+571)(09)+929Чернышевский

Он Оя

E-mail: oyaon@sapporo-u.ac.jp

Университет Саппоро, Япония

КРИТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ПРОТИВ «ЛИБЕРАЛОВ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗУМА

Аннотация. В статье критика Н. Г. Чернышевским, философом Просвещения, «либералов» рассматривается с точки зрения его веры в разум. Как известно, он ужесточил свою критику «либералов» с начала 1858 года. Например, в статьях «Кавеньяк», «Борьба партий во Франции» Чернышевский, анализируя политическую историю Франции, раскрыл антидемократический характер французских либералов. В статье «Критика философских предрассудков», в которой речь шла о крупной выплате выкупа как самом большом недостатке плана российского правительства по освобождению крестьян, он отчаянно кричал: «лучше пропадай все дело!».

Мы привыкли считать, что Чернышевский в этот период превратил свою политику из либеральной в революционную. Но это мнение оспаривается в данной статье. Автор считает, что доказательств приверженности Чернышевского революционному движению обнаружить не удалось. Он высоко ценил английских либералов и писал «безадресные письма» Александру II даже после «освобождения». Чернышевский оставался мирным писателем. Поэтому мы предлагаем объяснять «критику» Чернышевского не его радикализмом, а его философией Просвещения. Его критика была направлена не на умеренный курс либералов, а на всех политических игроков, которые не могли действовать разумно.

Ключевые слова: либерал, Кавеньяк, эмансипация, Просвещение, разум.

On Oya

University of Sapporo (Japan)

CRITICISM OF N. G. CHERNYSHEVSKY AGAINST “LIBERALS” FROM THE POINT OF VIEW OF MIND

Abstract. In this article the criticism of N. G. Chernyshevsky, as an Enlightenment philosopher, to the “liberals” is reexamined from the viewpoint of his believe in the Reason. As it is well-known, Chernyshevsky intensified his criticism to the “liberals” from the beginning of 1858. For example, in his articles “Cavaignac”, “Struggle of parties in France”, Chernyshevsky, analyzing the political history of France, disclosed the antidemocratic nature of French liberals. In the article “Criticism of philosophical prejudice”, in which Chernyshevsky saw the large Redemption Payment as the biggest defect of the Emancipation plan of Russian government, desperately screamed: It’s better to vanish all!

So we were accustomed to regard that Chernyshevsky turned his policy from liberal to revolutionary in this period. But this contention is disputed by the author in this article. Author points out, that the evidence of his commitment to revolutionary movement could not be discovered, that he highly estimates the English liberals, and that he wrote “letters without address” to Alexander II even after the “Emancipation”. He remained a peaceful writer. So author suggests that the “criticism” of Chernyshevsky should not be explained by his radicalism, but by his Enlightenment philosophy. The essence of his criticism was focused not on the moderate course of liberals, but on all the political players, who couldn’t act reasonably.

Keywords: liberal, Cavaignac, Emancipation, Enlightenment, Reason.

Как известно, после рескрипта В. М. Назимову от 20 ноября 1857 года Н. Г. Чернышевский принимал активное участие в оживленной дискуссии по вопросу отмены крепостного права и защищал интересы крестьянских масс. С конца 1858 года он все реже развертывал критику в адрес «либералов»

Например, в статье «Кавеньяк», которая была опубликована в 1-м и 3-м номере «Современника» за 1858 год, анализируя ход политических событий во Франции во время Второй республики, Чернышевский обрушил суровую критику на Кавеньяка и его партию «умеренных республиканцев». Особое внимание он уделил тому, что после Февральской революции 1848 года, потерпев неудачу в попытке создания Национальных мастерских, они их закрыли, и в июньском событии Кавеньяк

беспощадно подавлял восставших рабочих, его бывших союзников в Февральской революции.

Почти полгода спустя в 8-м и 9-м номере «Современника» за 1858 год Чернышевский опубликовал ещё одну статью – «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Рецензируя первый том «Воспоминаний» бывшего французского министра Гизо, Чернышевский в своей работе отметил, что этот том «оказался книгой не замечательною», потому что «книга эта проникнута либеральными идеями» (V, 213–214). Сама книга Гизо интересовала Чернышевского в меньшей степени, чем политические события периода Реставрации. Проанализировав французскую историю, он отметил, что «либералы обыкновенно питают к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведёт к деспотизму и гибелен для свободы». Для Чернышевского «либералы почти всегда враждебны демократам и почти никогда не бывают радикалами» (V, 217).

Что же касается королевской власти, то, по мнению Чернышевского, «легче и выгоднее всего был бы для Бурбонов союз прямо с народом мимо всяких союзов с либералами», но «Бурбоны по своей истории, по своей натуре, по всей своей обстановке не могли действовать иначе, нежели как действовали» (V, 276). Если перенести идею этих строк в тогдашнюю русскую действительность, то она могла бы показать как «легче и выгоднее всего был бы для Александра II союз прямо с крестьянами мимо всяких союзов с помещиками», «но он не мог действовать так». Кажется, что в данный момент Чернышевский уже не надеялся на реформу «сверху», говоря, что «оставим надежды ребятам, взрослому человеку неприлично ожидать виноградных гроздов на терновнике» (V, 277).

В конце года в 12-м номере «Современника» Чернышевский опубликовал ещё одну статью по этой тематике. В начале своей работы «Критика философских предубеждений против общинного владения» он неожиданно раскаивается в своем неблагоприятии. «Я стыжусь самого себя» – говорил он (V, 358). Как было выше сказано, после рескрипта Чернышевский участвовал в дискуссии по вопросу реформы в защиту общинного владения, потому что он надеялся на реформу «сверху». Но оказалось, что при «освобождении» требуется большой выкуп и оно не принесет пользу крестьянам. Оказалось, что Чернышевский пропустил вопрос о выкупе. Далее в этой статье он признавал правоту своего противника и то, что напрасно взялся за дискуссию. «Лучше пропадай все дело, приносящее вам только разорение!» – пишет Чернышевский в отчаянии (V, 361). Именно в этом отчаянии мы видим его окончательный отказ от либеральной реформы «сверху» и поворот «от реформенного курса к революционному».

Так ранее воспринимался вопрос об отмежевании Чернышевского от либералов. Тут хотелось бы отметить несколько моментов. Во-

первых, то обстоятельство, что, несмотря на «революционность» Чернышевского, его участие в революционном движении не доказано, как и авторство прокламации [1, с. 110–111]. Следовало бы считать, что он оставался «вполне мирным журналистом» [2, с. 305].

Во-вторых, когда в начале 1859 года Чернышевский основал отдел «Политика» в «Современнике», он высоко оценивал роль английских либералов. Следя за ходом парламентской реформы в Англии, он называл руководителей либеральной партии «честнейшими и наиболее практичными из государственных людей Англии» (VI, 44). Его сочувствие к английским либералам очевидно.

Более того, хотя Чернышевский отчаянно прокричал: «лучше пропадай все дело» (поэтому мы полагали, что он бросил дискуссию), он продолжает считать, что «дело это уже не может быть брошено». Далее он говорит, что «если дело, которому лучше бы быть брошено, уже не может быть брошено, то нечего делать, надобно участвовать в его ведении» (V, 361). Таким образом, он вовсе не бросил дискуссию, как и надежду на реформу. На самом деле даже после Положения от 19 февраля Чернышевский писал о несовершенстве реформы в «Письмах без адреса», которые были предназначены именно Александру II. Он не перестал стараться оказывать давление на ход реформы.

Теперь более внимательно проанализируем текст Чернышевского с точки зрения его «веры в разум», а не радикализма.

Начнем с «Кавеньяка». Как уже было отмечено, в этой статье Чернышевский резко критиковал Кавеньяка за то, что он не смог выполнить требования народа и подавил недовольство рабочих. По оценке Чернышевского, Кавеньяк недостоин быть «государственным человеком. . . . В нём не было качеств, нужных государственному человеку» (V, 6–7). «При всем своём желании быть полезным родине он во время своего диктаторства принёс ей гораздо больше вреда, нежели пользы» (V, 6). Не понимая истинной потребности народа, Кавеньяк враждебно относился к нему. «Ошибки правительства привели к неизбежной междоусобной войне» (V, 26). «Он наделал ошибок, которые дорого стоили Франции» (V, 7).

Значит, суть критики Чернышевского заключается в том, что из-за нехватки дарования Кавеньяк не сумел разумно управлять ситуацией, а это привело к июньской трагедии. Здесь надо обратить внимание на то, что в данной статье Чернышевский критиковал не только Кавеньяка, но и других политических деятелей Франции. На самом деле, Чернышевский видел в истории Франции только «что каждая из партий наделала много ошибок и что вследствие того события имели гибельный ход» (V, 5). «Ошибок было наделано столько всеми партиями» (V, 14).

Например, в июньские дни «массы шли на битву без всяких предводителей». По мнению Чернышевского, «отчаяние – вот единственное

объяснение июньских дней» (V, 29). Неразумный поступок рабочих привел их к гибели. Кавеньяк и его партия «умеренных республиканцев» тоже неразумно поступили: те, которые хотели утвердить республиканскую форму, должны были постараться прекратить борьбу с рабочими, потому что они были единственными во Франции защитниками такой формы государственности. «Умеренные республиканцы» этого не понимали. «Подавлен будет класс, который один предан республиканской форме», она «остается беззащитна, она падет и с нею умеренные республиканцы погибнут сами» (V, 33).

Событием, которое послужило прямой причиной июньской трагедии, Чернышевский считал закрытие Национальных мастерских. Чернышевский называет это событие «самым печальным и вместе самым нелепым эпизодом», «гибельной нелепостью» (V, 14). Дело в том, что после Февральской революции были устроены Национальные мастерские. Хотя название мастерских было заимствовано из системы Луи Блана, их учредил один из республиканцев. Потому что большинство временного правительства были не социалисты, а их «непримиримые противники» – республиканцы. Естественно, они не могли реально воплотить этот замысел. Чтобы не соперничать с интересами частной промышленности, работа в мастерских была ограничена совершенно пустым пересыпанием земли с одного места на другое. Хотя работа там была «нелепой пародией труда», все-таки надобно было платить работникам (V, 19). Расходы на Национальные мастерские были страшной тягостью для казны, кроме того, они стали «колоссальной нелепостью» (V, 20).

Закрытие мастерских привело к восстанию рабочих, из-за подавления которого Кавеньяк потерял свою опору среди народа, что и стало причиной колоссальной победы Луи Наполеона на президентских выборах. Из этой истории Чернышевский извлёк определенный урок: «Правила благоразумия во всех странах вечно неизменны» – «поступай благоразумно и рассчитывай последствия своих поступков» (V, 51–52).

В статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», рецензируя «Воспоминания» Гизо, Чернышевский анализировал ход событий во время периода Реставрации во Франции (1814–1830). В ней он реже критиковал французских либералов, размежевывая границу между либералами и демократами.

В то же время Чернышевский подчеркивал, что «в каждой стране, в каждую эпоху общая идея принимает особенный характер». Он, в частности, отмечает, что «французский либерализм в эпоху Реставрации» «отличался особенностями». Главной особенностью французского либерализма Чернышевский считал «несоответственность между именем и сущностью». Во Франции либерализм – «это обманчивое понятие» (V, 219). Потому «между так называемыми либералами было. . .

мало здравых понятий о свободе». Хотя либералы боролись с роялистами (ультрароялистами), воображали себя защитниками свободы, они «совершенно ошибались». «Когда они получили силу, осрамили себя, оказавшись худшими друзьями свободы, нежели сами роялисты» (V, 220). Хотя сущность либерализма заключается в свободе, французские либералы на самом деле не поступали как следовало.

Более того, ошибались не только либералы, но и роялисты. «Но этими словами “свобода” и “престол” нимало не выражались их действительные стремления» (V, 222). Здесь стоило бы обратить внимание на то, что критика Чернышевского направлена против либералов и роялистов, а также Бурбонов, и даже против французского народа. По понятию Чернышевского, Бурбоны и роялисты, народ и либералы – четыре силы политического движения периода Реставрации.

И главное, что все четыре политические силы тогдашней Франции одинаково ошибались. «Либералы совершенно ошибались, воображая себя защитниками свободы; роялисты совершенно ошибались, воображая себя защитниками престола; Бурбоны совершенно ошибались, думая, что должны опираться на роялистов; народ совершенно ошибался, воображая, что должен ожидать себе спасения от либералов» (V, 220). Критика Чернышевского за «несоответственность между именем и сущностью» была адресована не только французским либералам, но и другим политическим партиям. Ни либералы, ни роялисты, ни Бурбоны, ни народ не поступали так, как указывал разум. Отсюда «невообразимо бестолковая путаница», «Комедия ошибок» (V, 220).

Если рассматриваемая статья была адресована не исключительно либералам и если Чернышевский имел в виду именно русскую действительность, то следовало бы считать, что она предназначалась именно Александру II. Кроме того, Чернышевский извлек из истории один урок: «если бы Бурбоны во время реставрации заботились о выгодах своей власти, они нашли бы самым выгодным для себя делом поддерживать народ против аристократии» (V, 262).

Значит, эту статью Чернышевского можно принимать как его предупреждение русскому царю, чтобы он правил разумно, иначе вспыхнет революция, подобная французской. И действительно, даже в СССР сталинского периода существовало мнение, что данная статья была адресована именно царю. Перенося суть статьи Чернышевского на русскую действительность, В. Евгеньев-Максимов пришел к выводу, что «если Александр II желает благо и своему народу и себе, он должен, опираясь на поддержку масс, идти путем широких демократический реформ». Если он на это не решится, «неизбежны потрясения, быть может даже революция» [3, с. 246].

Рассмотрим далее статью Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», которая была опубликована непосредственно после того, как в декабре 1858 года Главным

комитетом была принята новая программа крестьянской реформы. В отличие от предыдущей новую программу можно считать относительно прогрессивной, потому что в ней установлено освобождение крестьян с землёй. Но для этого они должны были заплатить большой выкуп.

Эту статью Чернышевский начал с объяснения своего молчания. «Долго молчал я в споре», – говорил он. На самом деле Чернышевский почти целый год не участвовал в дискуссии. Причиной этого не следовало бы считать то, что он уже не надеялся на реформу «сверху». По словам Чернышевского, «берусь я за перо, чтобы снова защищать общинное владение» (V, 357). Он вовсе не перестал направлять ход реформы. Тогда почему же он долго молчал?

Прежде всего отметим, что перед тем как Чернышевский возобновил дискуссию, он принес свои раскаяния: «Я стыжусь самого себя», «я раскаиваюсь в своём прошлом неблагоразумии». Как признал сам Чернышевский, «быть побеждён учеными доводами, конечно, неприятно». Но в то же время он говорит, что «мой стыд другого рода» (V, 358). Тут возникает вопрос: откуда его молчание и стыд?

После публикации статьи «О поземельной собственности» против И. Вернадского в 9-м и 11-м номере «Современника» за 1857 год он был убеждён в своём успехе в защиту общинного владения. По словам Чернышевского, возражения со стороны противника были «до того избиты, что, признаюсь, я не имел интереса прочесть до конца почти ни одной из статей против общинного владения». Таким образом, он был уверен в своей правоте по поводу этих статей, «предположив их вовсе не заслужившими прочтения» (V, 359). Итак, Чернышевский молчал не потому, что потерял надежду на реформу, просто он был убеждён в своей победе в дискуссии.

Но оказалось, что он не только пропустил вопрос о выкупе, но и не победил в дискуссии, она ещё не была закончена. Раз получилось так, что «пошло в ход глупым образом начатое мною дело об общинном владении», «надобно участвовать в его ведении» (V, 361). Чернышевский решил продолжить обсуждение крестьянского вопроса, чтобы освободить крестьянские массы от гнёта выкупа. Но прежде чем снова возобновить дискуссию, Чернышевскому как честному человеку пришлось принести извинения за свою самоуверенность, раскаяться в своём прошлом неблагоразумии. Ведь оказалось, что он сам ошибся!

Итак, на примере трех статей Чернышевского мы проанализировали его отношение к либералам во время его «размежевания от либералов». Как мы видим, критика Чернышевского сводилась к выводу о неблагоразумности либералов. Отклоняясь от истинного понятия «свободы», они выступали как «так называемые либералы». Из-за своей неблагоразумности они наделали много ошибок, что принесло

вред и родине, и им самим. А главное, критика Чернышевского была направлена против как либералов, так и других участников французской истории. Значит, суть критики Чернышевского заключается в том, что каждый участник истории не поступал разумно. Его критика велась с точки зрения разума, с точки зрения Просвещения.

Чернышевский опасался, что неблагоприятность царя, либералов и крестьян при «освобождении» могла стать причиной трагедии, подобной июньскому событию. Это стало бы большим бедствием и для народа, и для родины.

Таким образом, Чернышевский предстает как русский демократ, защищающий интересы народа, и вместе с тем как просвещенец, верящий в разум. В то же время его можно оценивать как русского патриота, который опасался за судьбу родины в условиях обостряющихся международных отношений в период наступления мирового империализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демченко, А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 частях. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1992. Ч. 3. 332 с. ISBN 5-292-00690-7.

2. Кантор, В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с. (Российские Пропилеи). ISBN 978-5-98712-661-5.

3. Евгенийев-Максимов, В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Ленинград : Гослитиздат, 1936. 622 с.

УДК 821.161.1.09-3+929[Достоевский+Чернышевский]

Д. Н. Целовальникова

E-mail: tselovalnikovadn@mail.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

МНЕМОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье исследуются воспоминания Ф. М. Достоевского о встречах с Н. Г. Чернышевским, раскрываются основные способы воссоздания образа писателя-современника, проводится анализ изобразительно-выразительных средств, определяется авторская интенция включения мнемонического текста в «Дневник писателя».

Ключевые слова: мнемонический текст, Достоевский, Чернышевский, воспоминания.

D. N. Tselovalnikova
Saratov State University

**MNEMONIC TEXT ABOUT N. G. CHERNYSHEVSKY
IN "THE WRITER'S DIARY" BY F. M. DOSTOEVSK**

Abstract. This paper considers the memories of F. M. Dostoevsky about his meetings with N. G. Chernyshevsky, reveals the main ways to recreate the image of a contemporary writer, analyzes descriptive and expressive means, and determines the author's intention to include this mnemonic text in the "Writer's Diary".

Keywords: mnemonic text, Dostoevsky, Chernyshevsky, memoirs.

Отношения двух писателей-современников, Ф. М. Достоевского и Н. Г. Чернышевского, всегда складывались непросто. По мнению некоторых исследователей, основная полемика между ними перешла из публицистики в художественные произведения [1, с. 144–146], очень скоро утратив публицистический характер и сменив средства и приемы. При этом она сохранила «страстный полемический пафос» [2, с. 87] и дала толчок к развитию нового этапа в творчестве Достоевского как романиста [3, с. 771]. В «Дневнике писателя» содержится лишь отзвук этой полемики, тем не менее он представляет большой интерес с точки зрения поэтики мнемонического текста Достоевского.

Воспоминания как жанр неоднократно становились объектом изучения. Но в последнее время интерес к ним возрос потому, что было введено понятие мнемонического текста, или мнемонического повествования, позволившее объединить разножанровые произведения, в которых автор, следуя мнемоническому тексту, запечатлевает и воспроизводит по истечении определенного времени те события и реальности прошлого, которые сохраняются в его памяти [4, с. 20].

Достоевский не оставил мемуаров в прямом смысле этого слова, однако его воспоминания постоянно проявляются в его творчестве и реализуются в разных жанрах. Творческий метод Достоевского основан на мировоззренческом и эстетическом освоении и художественном воплощении как фактов современной ему действительности, так и событий личного прошлого, поэтому автобиографические элементы в «Дневнике писателя» не имели для автора первостепенной значимости и не зависели от контекста. Более того, их включение в публицистический контекст не было обусловлено его установкой на создание именно мнемонического текста. Достоевский особо выделяет те события своего прошлого, которые имеют «назидательный» смысл. При этом «собственное назидание» в «Дневнике» становится общественным. На страницах «Дневника писателя» Достоевский не только описывает события своей биографии, но и вспоминает целый ряд писателей-современников, с которыми его связывали личные отношения (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев,

Н. А. Некрасов), а также других людей, встречавшихся на его пути (случайных собеседников и попутчиков, представителей простого народа).

В общем виде авторская модель воссоздания образа современника в мнемоническом тексте «Дневника писателя» Достоевского включает следующие элементы:

- впечатление о «персонаже» (факты из личного опыта);
- разносторонняя характеристика личности «персонажа»;
- публицистические рассуждения, касающиеся либо актуальных проблем современности, либо обобщенных оценок личности «персонажа» в контексте эпохи или биографии автора.

В зависимости от личности персонажа, его роли в жизни и творчестве автора «Дневника» возможны различные вариации.

Чернышевский упоминается в «Дневнике писателя» лишь в 1873 году в статье «Нечто личное». Она была задумана в связи с полемикой по поводу недавно вышедшего романа «Бесы» как ответ критикам, которые ставили имя Достоевского в один ряд с авторами рядовых «антинигилистических» романов. В ней была сделана попытка подчеркнуть независимость общественной позиции автора, открыто сочувствовавшего ссыльному Чернышевскому, несмотря на радикальное расхождение с ним во мнениях. В тексте данной статьи присутствует несколько воспоминаний, связанных с реакцией критиков на неоконченный рассказ Достоевского «Крокодил», в персонаже которого некоторые современники «узнали» Чернышевского, и на роман «Преступление и наказание».

В. К. Кантор отмечает «яростный пафос» автора «Дневника писателя», отрицающего всякие параллели между чиновником, вещающим из крокодила, и ссыльным Чернышевским. Однако при этом он полагает, что Достоевский как писатель многомысленный вполне мог изобразить таким образом и Чернышевского, и себя, «бывшего каторжника, обращающегося к публике со словом поучения» [5, с. 110]. В. А. Туниманов пишет о «жесте поддержки» Чернышевского и видит в обращении к старым воспоминаниям автора «Дневника писателя» «акт человеческой солидарности с литератором другого “лагеря”» [6, с. 283].

В мнемоническом тексте «Дневника писателя» Достоевский воссоздает образ Чернышевского несколькими способами: вспоминает разговоры о «персонаже», свои впечатления от встречи с ним, подробно пересказывает свой незаконченный рассказ о нем. Для изложения событийной канвы этих воспоминаний характерна анекдотичность, обусловленная спецификой публицистического жанра (адресованность широкому кругу читателей, воздействующая функция – «донесение информации до читателя и правильное толкование им данной информации, так как главными функциями стиля публицистического являются воздействие и установление диалога между автором и читателем»

[7, с. 125], подача «материала», «способствующего как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий» [8]) и важностью воспоминания для автора.

Первый разговор с «одним издателем», Н. А. Некрасовым, о романе «Преступление и наказание», состоявшийся в 1866 году, предваряет заявление Достоевского о том, что он не любит вспоминать свое прошлое и вряд ли напишет свои литературные мемуары, хотя некоторые эпизоды ему «поневоле представляются с чрезвычайною отчетливостью, несмотря на слабую память» [9, с. 23]. Достоевский неслучайно делает акцент именно на точности и «отчетливости» некоторых своих воспоминаний, поскольку в статье «Нечто личное» он рассматривает несколько спорных эпизодов, которые иначе освещались другими его современниками и привели впоследствии к досадным недоразумениям.

Ярким примером такого недоразумения является давняя сплетня о рассказе «Крокодил», в котором Достоевский якобы вывел аллегория на Чернышевского, «не постыдился, – по словам одного из критиков, – надругаться над несчастным ссыльным и окарикатурить его» [9, с. 23]. Разговор с Некрасовым завершает горестное восклицание автора: «Никогда, впрочем, не прощу себе, что два года назад не протестовал против этой подлой клеветы, когда только что ее выпустили!» [9, с. 23]. На разговор семилетней давности Достоевский смотрит с позиции настоящего, в нем он замечает последствия своей небрежности и долгого молчания, в результате чего приписываемая ему низость «так и осталась в воспоминаниях иных особ несомненным фактом, имела ход в литературных кружках, проникла в публику и уже не раз приносила [ему] неприятности» [9, с. 23].

Достоевский кратко вспоминает разговор с А. И. Герценом, на которого при личной встрече (в Лондоне в июле 1859 года) Чернышевский произвел «неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою» [9, с. 25]. Он подчеркивает свое прямо противоположное мнение: «Мне наружность и манеры Чернышевского нравились» [9, с. 25]. Далее эта тема не развивается, описание внешнего облика «персонажа» в статье отсутствует, однако приведенное замечание позволяет обозначить доброжелательное и внимательное к нему отношение автора «Дневника писателя».

Третий разговор завершает статью. Это воспоминание о недавней беседе с «другим» редактором, состоявшейся вскоре после выхода предыдущей статьи «Дневника писателя», «Среда», которая, собственно, и послужила поводом к воспоминанию о Чернышевском и рассказе «Крокодил». Из этого разговора Достоевский вынес, что его статья может быть (и скорее всего была) понята превратно. Параллель между событиями девятилетней давности и нынешним днем настолько очевидна, что автор, пользуясь случаем, решает развенчать оба недоразумения,

вновь прибегая к личному воспоминанию, чтобы разъяснить читателю смысл явления и четче обозначить свою позицию, завершая статью словами: «Но как, однако же, могут быть поняты и перетолкованы слова. Пожалуй, и еще натолкнешься на аллерию!» [9, с. 31].

Отметим, что временная дистанция этого воспоминания незначительна, фактическая информация отсутствует – автор не указывает ни имени собеседника, ни даты разговора, однако при этом событие включается в более широкий контекст жизни автора, подвергается переосмыслению с позиций настоящего и соответствующей обработке, обобщению и типизации – оно предстает как явление текущей жизни.

Для опровержения давней сплетни Достоевский обращается к воспоминаниям о своем знакомстве и немногочисленных встречах с Чернышевским. Примечательно, что фактических подробностей память автора не сохранила, он даже путает год их первой встречи¹, однако при этом во всех подробностях передает свои *впечатления*.

Поводом к описываемой встрече послужила прокламация, которую автор нашел у дверей своей квартиры и весь день размышлял о составивших ее лицах, испытывая сильную досаду и грусть. Вечером того же дня Достоевский под влиянием порыва отправляется к Чернышевскому домой, хотя прежде у него не бывал. Автор подробно передает свои впечатления от прокламации, которая была «содержания возмутительного, в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать» [9, с. 25] и видит в ней не единственный случай, а новое явление во всей его полноте, которое пока трудно осознать в силу его близости к текущему моменту. Автор широко использует эпитеты и контраст, противопоставляет частный случай явлению («пустяк», «сумятица», «глупенькая проделка», «ничтожество» – «тяжелое», «болезненное», «роковое», «грозное»).

Достоевский подчеркивает сердечный характер своего общения с Чернышевским, который предстал перед ним как приятный человек и гостеприимный хозяин. Он не приводит описания внешности и довольствуется краткой психологической характеристикой; образ «персонажа» создан опосредованно – через его реплики, оформленные в виде диалога с автором, речевые характеристики и авторские ремарки, которые подчеркивают доброжелательные отношения Достоевского и Чернышевского. Заметна несколько гиперболизированная оценка (встретил чрезвычайно радушно, сразу провел к себе в кабинет, чрезвычайно веско и внушительно отвечал). Прямая речь «персонажа» передает непринужденность дружеской беседы (что, в частности, выражено в ремарках, например «спросил с легкой улыбкой») и полное взаимопонимание между ним и автором. Достоевский начинает каждую

---

¹ Достоевский не мог познакомиться с Чернышевским в 1859 году, поскольку вернулся в Петербург лишь во второй половине декабря 1859 года.

реплику с новой строки. Это графическое оформление беседы позволяет читателю больше сосредоточиться на важности произносимых реплик. Оформление диалога в прямой речи и подробные комментарии Достоевского в описании своего воспоминания служат вполне определенной цели – оправдать собственное неведение и проистекающее из него бездействие, подчеркнув дружеский характер отношений двух писателей, глубокую искреннюю приязнь и выразив сочувствие по поводу злоключений Чернышевского.

Чернышевский также оставил воспоминания об этой встрече с Достоевским, но написал их гораздо позже – в 1889 году. Его память лучше сохранила фактические подробности встречи, однако и ее суть, и тон беседы¹ предстают совершенно иначе. Сравнивая эти два разных освещения одного и того же события, следует учитывать, что после многолетней каторги и ссылки Чернышевский стал уже совсем другим человеком. Он отзывается о Достоевском иронично, делая упор на его болезнь, о которой слышал от неуказанных им лиц («Я слышал, что Достоевский имеет нервы расстроенные до беспорядочности, близкой к умственному расстройству» (I, 777)), ищет и находит ее проявления во всем («болезнь достигла такого развития, при котором могли бы сочетаться понятия обо мне с представлениями о поджоге Толкучего рынка», «умственное расстройство бедного больного имеет характер, при котором медики воспевают всякий спор с несчастным, предписывают говорить всё необходимое для его успокоения»), а также чрезвычайно преувеличивает любые жесты и особенности поведения гостя («схватил меня за руку, тискал ее, насколько доставало у него силы, произнося задыхающимся от радостного волнения голосом восторженные выражения личной его благодарности мне», «стал отвечать на данную ему тему, забыв прежнюю», «рассказывал очень долго, вероятно часа два» (I, 777)). Чернышевский использует эпитеты (бедный больной, несчастный), в которых вроде бы сквозит сочувствие, и ни словом не упоминает ни о творчестве Достоевского, ни о его человеческих качествах, создавая образ «персонажа» неадекватного и малопривлекательного. Вероятно, это вызвано желанием повлиять на впечатление, произведенное на читателя романом Достоевского «Бесы», через дискредитацию автора романа как личности.

Еще одно фактическое отличие воспоминаний Достоевского и Чернышевского заключается в причине визита автора «Дневника писателя»: Достоевский пишет, что его приезд к Чернышевскому был вызван прокламацией «Молодая Россия», призывавшей к беспорядкам

---

¹ По мнению А. С. Долиннина, заметка Чернышевского «Мои свидания с Достоевским» «написана явно в противовес воспоминаниям автора “Дневника писателя”, поскольку Достоевский в 1860-е годы выступал против идей революционной демократии, и вернувшийся из Сибири Чернышевский счел необходимым засвидетельствовать это противоречие идей» [10, с. 14]).

и террору; по словам Чернышевского, Достоевский приезжал к нему с просьбой повлиять на революционно настроенную молодежь, чтобы остановить знаменитые пожары 1862 года.

В отличие от Достоевского Чернышевский избегает прямой речи и в основном пересказывает слова собеседника (за исключением первой фразы разговора, которую приводит в кавычках), что позволяет ему лишить «персонажа» права голоса и дать свою трактовку событий, причем в сжатой и лаконичной форме, не отвлекаясь на лишние и не имеющие отношения к делу подробности.

Описывая их следующую встречу, когда Чернышевский наносит ответный визит, Достоевский вспоминает свое впечатление от общения, воссоздает специфику взаимоотношений, как она видится ему с позиции прожитых лет, подчеркивает их теплоту и искренность («мне показалось, что Н. Г. не неприятно было мое посещение», «мне стало ясно, что он хочет со мной познакомиться», «мне было это приятно») и дает «персонажу» характеристику «мягкого и радушного человека», противопоставляя ее «отзывам о его характере, будто бы жестком и необщительном» [9, с. 26]. Стилистическое оформление эпизода отличается лаконичностью изобразительных средств (в основном используются эпитеты, причем слегка гиперболизированные), которые добавляют детали к созданному ранее образу. Чернышевский же в своих воспоминаниях о второй встрече, напротив, оставляет образ Достоевского не тронутым, передавая лишь суть их очень краткой беседы (упоминает брата Михаила и Н. Н. Страхова), и отмечает, что старался не вникать в разговор («я слушал, не противоречил, не выражал одобрения» (I, 778)). Примечательно, что Чернышевский дважды повторяет слово «простился» в четырех предложениях, в которые умещается это воспоминание, подчеркивая этим краткость визита и поспешность своего ухода.

Авторская интенция включения мнемонического текста о Чернышевском в «Дневник писателя» комплексная: это и явное стремление опровергнуть слухи, обелить свое имя в глазах широких общественных кругов, и подспудная цель – выказать ему поддержку. Перед Чернышевским стояла иная задача, в соответствии с которой он и оформил свои воспоминания, создав несколько утрированный образ своего «персонажа» с помощью отбора фактов, преимущественно косвенной речи и сочувственно-уничжительных эпитетов.

После встречи с Чернышевским Достоевский подробно описывает сюжет своей незаконченной «фантастической сказки, вроде подражания повести Гоголя “Нос”» [9, с. 26], желая показать читателю всю смехотворность и беспочвенность обвинений в его адрес. Достоевский цитирует критику на этот рассказ и мнение современников, которое

не преминул выразить Н. Н. Страхов, объяснивший ему, что «там уверены, что [его] “Крокодил” – аллегория, история ссылки Чернышевского, и что [он] хотел выставить и осмеять Чернышевского» [9, с. 28].

Подчеркивая нелепость возведенного на него в свое время обвинения, Достоевский пытается проследить путь мысли автора грязной сплетни, самостоятельно озвучив и разъяснив «аллегорию»: «Крокодил изображает собою Сибирь; самонадеянный и легкомысленный чиновник – Чернышевского <...> Бесхарактерный друг его, которого он деспотирует, это всё здешние друзья Чернышевского. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положению “как бы вдовы”, это... Но тут уже так грязно, что я не хочу мараться и продолжать разъяснение аллегии» [9, с. 28–29]. Через отрицательное отношение к автору критики и извращенному смыслу своего рассказа Достоевский пытается показать необоснованность возведенных на него обвинений. Автор дважды обращается к обстоятельствам семейной жизни Чернышевского, повторяя, что не хочет «даже прикасаться с этой точки зрения к [своему] оправданию, чтобы не вымараться» [9, с. 30]. Двукратное обращение призвано подчеркнуть чистоту намерений автора и беспочвенность сплетни.

Чтобы сделать этот вывод еще более очевидным для читателя, Достоевский переходит к самохарактеристике: «я, сам бывший ссыльный и каторжный», привлекая авторитет собственной личности, и усиливает публицистические сентенции риторическими вопросами (например, «В чем же аллегория?», «Но где же тому доказательства; в аллегории?», «Тут даже самые простодушие догадки не извинительно; что ж?», «Может быть, я ненавижу Чернышевского лично?», «Но ненависть из-за убеждений, быть может?», «Может быть, я, печатая ядовитую аллегию, надеялся выиграть где-нибудь en haut lieu?» [9, с. 29–30]), ответами на которые являются все те же воспоминания о нескольких встречах с Чернышевским и их взаимоотношениях, а также упоминание критического разбора романа «Что делать?» в одном из последних номеров «Эпохи», в котором отдается должное «уму и таланту Чернышевского» [2, с. 30].

Следует отметить, что Достоевский иногда переносит акцент с реальных событий на свои впечатления о прошлом, которые подтверждают либо иллюстрируют публицистические рассуждения автора о важном для него явлении. Неправильно истолкованные слова становятся «аллегорией» и оружием агрессивно настроенных против его произведений и него самого недоброжелателей. Ретроспективный взгляд на события и попытка их типизации дают Достоевскому возможность максимально дистанцироваться от обвинений в предвзятости его воспоминаний и подчиненности их определенной цели.

Таким образом, схема, по которой строится образ Чернышевского в мнемоническом тексте «Дневника писателя», включает реальные

события прошлого (встречи с Чернышевским и разговоры о нем), невольно преобразующиеся в нарратив – автор творит свою историю, которой он делится с читателем исходя из своих нужд. Возникает иллюзорно-реальная мемуарная действительность. Чернышевский сжато и лаконично дает трактовку событий и личности Достоевского, создавая образ своего «персонажа» с помощью отбора фактов, преимущественно косвенной речи и сочувственно-уничижительных эпитетов. В его иллюзорно-мемуарной действительности возникает совершенно иной образ Достоевского, имеющий мало общего с автором «Дневника писателя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ямпольский, И. Г.* Материалы для истории восприятия творчества Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, материалы, исследования : междувузовский научный сборник / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1989. Вып. 11. С. 141–164.
2. *Скафтымов, А. П.* Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / составитель Е. Покусаев ; вступительная статья : Е. Покусаев, А. Жук. Москва : Художественная литература, 1972. 544 с.
3. *Тамарченко, Г. Е.* «Что делать?» и русский роман 60-х годов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / издание подготовили : Т. И. Орнатская, С. А. Рейсер ; примечания С. А. Рейсер. Ленинград : Наука, 1975. С. 747–781. (Литературные памятники).
4. *Нюбина, Л. М.* Воспоминание и текст : монография. Смоленск : СГПУ, 2000. 161 с.
5. *Кантор, В. К.* «Подпольный человек» против «новых людей», или О торжестве зла в мироустройстве // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 102–115. ISSN 0042-8744.
6. *Туниманов, В. А.* Творчество Достоевского 1854–1862. Ленинград : Наука, 1980. 294 с.
7. *Михайловская, К. В.* Способы выражения индивидуально-авторского стиля в публицистических текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. 2009. № 3. С. 124–128. ISSN 2072-8379.
8. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати: учебное пособие для вузов. Электронные текстовые данные. Москва : Аспект Пресс, 2017. 320 с. ISBN 978-5-7567-0875-2. URL: <http://www.iprbookshop.ru/80660.html> (дата обращения : 24.11.2020). Доступно для авторизированных пользователей.
9. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. Ленинград : Наука 1980. Т. 21 : Дневник писателя, 1873. Статьи и заметки, 1873–1878. 552 с.
10. *Долинин, А. С.* Достоевский и современники // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 томах / составитель А. С. Долинин. Москва : Художественная литература, 1964. Т. 2. 520 с.

УДК 1(470+571)(09)+111.852+929[Чернышевский+Леонтьев]

Е. В. Бессчетнова

E-mail: ebesschetnova@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва

ЭСТЕТИКА ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И К. Н. ЛЕОНТЬЕВА¹

Аннотация. В статье на основе анализа работ Н. Г. Чернышевского и К. Н. Леонтьева доказывается тезис о том, что для их самоопределения и идейного наследия эстетический критерий является основополагающим. Казалось бы, у таких двух разных русских мыслителей не может быть общих точек соприкосновения, но такое утверждение ошибочно. Относясь к двум противоположным идейным «лагерям», они сошлись в том, что эстетическая категория прекрасного не является абстрактным понятием, но находит свое отражение в наличном бытии. Эстетика жизни оказывается принципиальным элементом для понимания взглядов мыслителей на общество и ход истории. В статье отмечается, что именно в этом утверждении и заключается корень расхождения мыслителей, так как для Леонтьева прекрасное есть прежде всего сложность и многогранность явления, а для Чернышевского – простота и понятность. Последний исходит из принципиального утверждения о жизни, и прежде всего жизни человека, сообразно добродетели как наивысшей ценности и выводит тезис «Прекрасное есть жизнь». Леонтьев в свою очередь считает, что жизнь, ограниченная только этической категорией и лишенная таинства и тайны, не может быть прекрасной, так как говорит о простоте явления или организма. «Прекрасное в многообразии» – это тезис Леонтьева, который, как показано в статье, непосредственно связан с его культурно-историческими взглядами.

Ключевые слова: эстетика, прекрасное, просвещение, жизнь, христианство, искусство, эволюция, прогресс, единство, русская мысль.

Elena V. Besschetnova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

AESTHETICS OF N. G. CHERNYSHEVSKY AND K. N. LEONTYEV

Abstract. This paper, on the basis of an analysis of the works of Nikolay Chernyshevsky and Konstantin Leontiev proves the thesis that aesthetic criterion is fundamental for their self-determination and ideological heritage. It may seem that two such different Russian thinkers as Chernyshevsky and Leontiev could not have common points, but such an assertion is erroneous. Belonging to opposite ideological camps, they came to the same idea that aesthetic category of the beautiful is not an abstract concept, but is reflected in the beingness. Aesthetics of life turns out to be a fundamental element for understanding their views on society and the course of history. The article underlines this is a principal difference, since for Leontiev the beautiful is primarily the complexity and versatility of the phenomenon, and for Chernyshevsky, the beautiful lies in the simplicity and clarity of the phenomenon. Chernyshevsky proceeds from the ultimate

---

¹Статья подготовлена в рамках исследования с привлечением средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX в. – начала XX в.». Соглашение № 075-15-2019-1164 от 31.05.2019 г.

statement that life and, above all, human life in accordance with virtue is the highest value and deduces the thesis that "Beauty is life"; Leontiev, in turn, proceeds from the fact that life in accordance with virtue, that is, life limited only by ethical category and life devoid of mystery cannot be beautiful, since it signifies the simplicity of a phenomenon or an organism. "Beauty is in diversity" is Leontiev's thesis, which, as shown in the article, is directly related to his cultural-historical views.

Keywords: aesthetics, beautiful, enlightenment, life, Christianity, evolution, progress, Russian thought, unit.

В истории русской мысли есть два философа, на первый взгляд, идейно отдаленных друг от друга, в самоопределении которых эстетическое отношение к жизни стало ключевым. Речь идет о Н. Г. Чернышевском и К. Н. Леонтьеве.

Стоит отметить, что Леонтьев, не принимая реформаторских идей Чернышевского, высоко ценил его как эстетика. В своем автобиографическом тексте «Моя литературная судьба» Леонтьев писал: «Я однажды читал статью Чернышевского "Критика Гоголевского периода". – Чернышевский тогда еще не развернул вполне своего революционного отрицательного знамени; он был в то время еще эстетик 40-х годов; молодой, начинающий, но уже очень хороший писатель» [1, с. 120]. В статье «Анализ, стиль и веяние» Леонтьев писал, что считает эстетические теории русских авторов периода 30–50-х годов высокими и глубокими по идеалу.

Леонтьев искал эстетику не в искусстве, а в самой жизни – «картины жизни» для него были не равноценны «картинам для удовольствия зрителя». В своем письме к И. И. Фуделю от 6 июля 1888 г. Леонтьев выдвинул свой ключевой тезис: «Эстетика жизни гораздо важнее отраженной эстетики искусства <...> Будет жизнь пышна, будет она богата и разнообразна, придут и гениальные отражения в искусстве» [2, с. 575]. Как бы это ни было парадоксально, но данный тезис созвучен эстетическим взглядам Н. Г. Чернышевского.

Для Чернышевского тезис «Прекрасное есть жизнь» стал определяющим в его философии. Ему была посвящена первая большая научная работа мыслителя – магистерская диссертация «Эстетическое отношение искусства к действительности».

Эстетические взгляды Леонтьева были сформированы преимущественно во время его пребывания на востоке Европы. В 1863 г. философ был назначен секретарем консульства на острове Крит. С этого момента начинается самый плодотворный и яркий период его жизни в миру. На востоке Европы он пишет прекрасные и красочные повести, посвященные жизни христиан: «Очерки Крита», «Хризо», «Дитя Души», «Египетский голубь».

За это время у Леонтьева полностью сложились его основные социально-политические и культурно-исторические представления. Он все больше утверждался в своих убеждениях, что эстетика самой жизни,

эстетика единства в разнообразии будет сохранена именно на востоке Европы, Запад же пойдет по пути «эстетики отражений», да и та вскоре там погаснет и исчезнет. Надо сказать, что философ всем сердцем любил великое прошлое Запада, «был влюблен в старую Европу эпохи Возрождения, рыцарскую, страстную, католическую и романтическую, тем самым он был более европейцем, чем сам себе представлял» [3, с. 23]. Это несомненно роднило его с Н. Г. Чернышевским, но он не мог принять буржуазно-демократической Европы, изменившей традиционным ценностям и направившейся по пути *вторичного упрощения*. В. В. Библихин совершенно справедливо отметил: «Он (Леонтьев) звал хранить не турецкие фрески и русские сарафаны, а человеческое существо, которое своей болью, до отчаяния не дает настоящему забыться. <...> Он чувствовал, что цивилизация машин и вседозволенства распространяется по миру как обезволивающее средство» [4, с. 5].

С. Н. Булгаков, говоря об уровне эстетического чувства Леонтьева, тоже называл его истинным гуманистом сродни родоначальникам эпохи Возрождения, который «отрицал и не принимал новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты» [5, с. 87].

Свой тезис о красоте в разнообразии Леонтьев сформулировал в беседе с сотрудником «Современника», журнала, казалось бы, своих непримиримых оппонентов, выступавших за всеобщее равенство и уравнение в правах: «Как сторонник социалистической идеи и всеобщего равенства, желали бы Вы, чтобы во всем мире все люди жили в одинаковых, маленьких, чистых и удобных домиках? – Конечно же, лучше, – добродушно ответил его собеседник. – Ну, так отныне я не ваш, – энергично воскликнул первый. – Если к такой ужасной прозе должны привести демократические движения, то я утрачиваю последние свои симпатии к демократии. Отныне я ей враг! До сих пор мне было не ясно, чего прогрессисты и революционеры хотят. . . – И, обращаясь на полуфразе в сторону великолепного дворца Белосельских-Белозерских, вдруг добавил: – Вот вам живая иллюстрация. Подворье, – он показал рукой на Троицкое подворье у Фонтанки, – во вкусе византийском, это церковь, религия. Дом Белосельских в роде какого-то “рококо”, это знать, аристократия. – И затем, переведя взгляд на рыбные садки у подворья, продолжил: – Желтые садки и красные рубашки, это живописность простонародного быта. Как это все прекрасно и осмысленно! И все это надо уничтожить и сравнять ради того, чтобы везде были маленькие, одинаковые домишки. . . – Как Вы любите картины, – осторожно заметил молодой человек. Картины в жизни, – возразил старший, – не просто картины для удовольствия зрителя. Они суть выражение какого-то внутреннего закона жизни, такого же нерушимого, как и все законы природы» (цит. по: [6, с. 5–6]). Это был период, когда Леонтьев начинал утверждаться в своих взглядах о вреде идей

светского социализма, ставших, с его точки зрения, для западноевропейского общества второй религией, постепенно вытесняющей и церковь, и прежнее общественное устройство, и даже христианскую культуру. Сам же Леонтьев период своего идейного становления описывал следующим образом: «Время счастливого для меня перелома этого – была смутная эпоха польского восстания; время господства ненавистного Добролюбова. <...> Эстетика спасла во мне гражданственность. Раз я понял, что для боготворимой мною поэзии жизни – необходимы почти все те общие формы и виды человеческого развития, к которым я в течение целых десяти лет моей первой молодости был равнодушен и иногда недоброжелателен, для меня стало понятно, на которую сторону стать: на сторону всестороннего развития или на сторону лжеполезного разрушения» [7, с. 187].

Именно данное убеждение стало корнем непонимания Леонтьевым Чернышевского, для него он был пророком благоустроенного светлого будущего, в котором не будет никакого разнообразия, а только одно серое равенство форм.

Для Чернышевского соотношение искусства и жизни стало центральным вопросом его магистерской диссертации. Для мыслителя важно было дать понять, что «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какой должна быть она по нашим понятиям» (V, 13). «Прекрасное есть жизнь» – именно этот тезис становится основным в эстетической концепции Чернышевского. Прекрасное существует объективно и присуще самим предметам и явлениям реального мира, оно целостно и способно принимать разные формы. «В прекрасном, – пишет Чернышевский, – есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. <...> Самое общее из того, что мило человеку, и самое милое ему на свете – жизнь; ближайшим образом такая жизнь, какую хотелось бы ему вести, какую любит он; потом и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чем не жить... прекрасное есть жизнь; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь и напоминает нам о жизни» (V, 13). Для него самого, как и для его интеллектуального учителя Аристотеля [см. об этом: 8], счастливая жизнь – это жизнь, проведенная в созерцании. Кроме того, Чернышевский писал не о жизни, полной противоречий, страданий и страха, а о жизни, преодолевающей их. Для Чернышевского наивысшую ценность составляет жизнь человека, которая есть постоянное духовное усилие во времени, чтобы оставаться живым. Истинную человеческую жизнь он связывал с жизнью ума и сердца. Следуя за Кантом, философ отмечал: «Человек сам себе цель, и дела человека должны иметь цель в потребностях человека, а не в самих себе» (V, 43).

Обратившись к эстетике Вл. С. Соловьёва, одного из близких друзей Леонтьева, мы увидим, что для него утверждение Чернышевского

«Прекрасное есть жизнь» и соотносимое с ним положение Леонтьева о ценности «картин жизни» также значимы. Настоящая красота и настоящее искусство – это есть жизнь, в рамках которой происходит преобразование человека. Соловьёв разделял положения об объективности красоты и недостаточности искусства. В своей работе «Общий смысл искусства» он также писал о том, что искусство должно вести к реальному улучшению действительности.

Соловьёв писал в статье «Первый шаг к положительной эстетике», в которой весьма положительно оценил эстетические представления Чернышевского: «Отвергнуть фантастическое отчуждение красоты и искусства от общего движения мировой жизни, признать, что художественная деятельность не имеет в себе самой какого-то особого высшего предмета, а лишь по-своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества, – вот первый шаг к истинной положительной эстетике» [9, с. 167]. У философа речь идет о развёртывании в истории божественной идеи об идеальном человечестве, прогрессе общества, приходящего к Богочеловечеству через преодоление своей греховной природы. В свою очередь, красота – это не абстрактная категория познающего природу человеческого разума, а реальная сила, которая способствует преобразению действительности. Вера в прогресс человека и человечества – это то, что объединяло молодого Соловьёва и Чернышевского. Стоит отметить, что Чернышевский далек от метафизических построений, он мыслит как человек секулярного века и говорит на языке разума, но при этом не призывает к тотальной переоценке ценностей и не отказывается от основ христианской культуры и этики, что для сына саратовского протоиерея и выпускника духовной семинарии было невозможно [10]. Кроме того, для Чернышевского был очевиден тот факт, что из тезиса «прекрасное есть жизнь» становится понятно, почему в области прекрасного нет отвлеченных мыслей, а есть только индивидуальные существа, т. е. фактическая жизнь, которая раскрывается в действительных, живых существах, а отвлеченные, общие мысли не входят в её область. Индивидуальность – это существенный признак прекрасного. В свою очередь, трагичное определялось Чернышевским как «ужасное в человеческой жизни», где ужасными являются прежде всего страдания.

Ключ же к пониманию теории Леонтьева находится в совпадении смысла эстетики жизни с принципом развития и сущности красоты: «Высшее развитие <...> состоит из наибольшей сложности с наибольшим единством, замечательно, что этим определением идеи развития в природе вещественной соответствует и основная мысль эстетики – единство в разнообразии, так называемая гармония, в сущности, не только не исключаящая антитез и борьбы, и страданий, но даже требующая их» [10, с. 14].

В. А. Котельников, один из издателей полного собрания сочинения К. Н. Леонтьева, также увидел сходство в эстетических взглядах его и Чернышевского, касающихся сущности «эстетики жизни», но ошибочно сделал вывод о том, что для Чернышевского как демократа прекрасна жизнь простого человека, в терминологии Леонтьева – «среднего европейца» (см. об этом: [11, с. 141]). Чернышевский действительно писал, что прекрасна та жизнь, которая соответствует нашим понятиям о ней. Но эти «понятия» для сына саратовского протоиерея вытекали не из жизни и потребностей мещанина, обывателя, заботящегося о своем благополучном быте, говоря словами Ф. А. Степуна из работы «Мысли о России», самодовольного и считающего себя центром мира, а из жизни простого деятельного человека, который по своим характеристикам совпадал с героями романа «Что делать?». В своем знаменитом романе Чернышевский противопоставляет сереньким людям своих деятельных «новых людей». Мыслитель верил в прогресс личности и определил его как стремление к возведению человека в человеческий сан. В. К. Кантор справедливо отметил, что Чернышевский «писал в своем эстетическом трактате, что есть разное представление о жизни в разных слоях общества. В высшем слое общества – это избалованная красавица, а в народе – это “крепкая здоровая девка”. Что же мы, образованные, понимаем под словом “жизнь” – это лик, лицо, очи. Мыслитель выдвигает совершенно христианскую форму, прекрасное есть лик. Прекрасное есть жизнь глаз, прекрасное есть жизнь духа» [12, с. 146].

Прекрасное как жизнь защищал и Леонтьев, но делал это с присущей ему религиозной страстностью, категорически отказываясь даже в форме уступить новым течениям демократизации и секуляризации общества, которые для него были признаками упрощения и увядания красоты мира и культуры.

Для Леонтьева эстетический критерий соответствовал самому корню развития жизни и принципу естественного отбора и борьбы. Прекрасно только то существо, тот человек, который удерживает в поединке победу, другими словами, прекрасно только то, что сильно. Через борьбу проявляется торжество жизни и свободы человека. Леонтьев полагает, что красота есть главный признак жизненности явления: «Высшая эстетика есть в то же самое время и самая высшая социальная и политическая практика. В истории именно те эпохи отличались наибольшей государственностью, силой и наилучшей социальной статикой, в которых и общественный строй отмечался наибольшим разнообразием в наисильнейшем единстве» [2, с. 585]. Эстетический критерий для Леонтьева является наивысшим, способным точно рассказать о жизненной силе и мощи явления. Так, например: «Объективировать себя самого как честного труженика и буржуа, ни кабинетный ученый,

ни вообще образованный человек не должен: это не научно именно потому, что не художественно. Эстетическое мерило самое верное, ибо оно единственно общее и ко всем обществам, ко всем религиям, ко всем эпохам приложимое. Что полезно всем – мы не знаем и никогда не узнаем. Что у всех прекрасно, изящно или высоко – пора бы обучиться» [7, с. 158].

Эстетические представления Леонтьева были непосредственно связаны с его формулой развития любого социального, культурного и биологического организма. Она состояла из трех стадий: первичной простоты, цветущей сложности и вторичного упрощения. Вторая стадия – это наивысший расцвет организма, период высшей эстетики его жизни и торжества красоты. Третья стадия – упрощение, умирание и смерть.

Чернышевский в свою очередь предложил свой путь эволюционного преобразования жизни. Он изложил его в своем романе «Что делать?», которому дал подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Для новых людей познание и собственное дело становятся основой жизни, а любовь к себе, к окружающим людям, осознание того, что прекрасное есть жизнь, широта дерзаний и смелость поступков – главными качествами. Чернышевский верил, что преобразование одной человеческой жизни – это не счастливое исключение, а норма, приближающая золотой век человечества, как его видит во сне Вера Павловна. Леонтьев не верил во всеобщее преобразование. Он исходил из тезиса, что человечество с годами не умнеет, но, возможно, умнеют отдельно взятые личности. Проект Леонтьева был направлен на сохранение красоты жизни, построенной на разнообразии, в которой была возможность постоянного движения мысли и сердца. После своего сорокалетия Леонтьева его чисто эстетическое восприятие мира было дополнено христианской составляющей и это определило весь ход его дальнейшей жизни. Он, так же как и Чернышевский, стал стремиться к красоте внутренней, красоте человеческой души, но придав этому религиозно-мистическое значение. Его понимание единства обретает важную и фундаментальную составляющую мистического единства как основы существования многообразия реальной жизни. Философ писал: «Я в конце 60-х годов думал больше о разнообразии, чем о единстве. Живое, сердечное понимание “единства” стало доступно мне одновременно с принятием личной веры, обладанием которой я обязан афонским духовникам. Я почти вдруг постиг, что и то реальное разнообразие развития, которое я находил столько прекрасным и полезным в земной жизни нашей, не может долго держаться без единства» [7, с. 382]. Эстетизм, стремление к красоте жизни остается, но красота ценится уже не сама по себе, а как следствие проявления действия мистического единства. Пессимизм, проистекающий из ощущаемого

угасания многообразия мира, становится частью «оптимистического пессимизма», присущего христианству. У Леонтьева появляется новый – христианский – герой. В нем желание «угодить Богу» выше чести. Смирение перед Церковью способно побороть гордость перед людьми. «Святое» и «душеспасительное» побеждает «благородное» и «эстетическое» (см. об этом: [13]). Консерватизм Леонтьева становится следствием ясно осознаваемой необходимости борьбы против сил, ведущих к обезбоживанию мира, к разрушению единства человека с Богом, потере его индивидуальности и превращению в среднего европейца-мещанина.

Подводя итог, стоит отметить, что для Чернышевского жизнь сама по себе ценность, она прекрасна такая, какая есть, её не нужно приукрашивать. Чернышевский говорил о внутренней духовной жизни. С его точки зрения, жизнь простого труженика тоже прекрасна, если она находит свою опору в работе ума и сердца, т. е. в заботе не о быте, а о духе.

Леонтьеву же нужны были «картины жизни», художественность, яркость, жизнь, полная страстей и борьбы, только тогда она прекрасна, тогда она не обыденная и не серая, и только тогда есть пространство для мысли, тогда мысль не оскудеет, не обуржуазится. У Леонтьева понятия «прекрасное» и «возвышенное» по сути своей совпадают. Чернышевский же в своей магистерской диссертации писал, что прекрасное и возвышенное – совершенно разные понятия, не подчиненные друг другу. Он отмечал, что проблески прекрасного редки в истории, так же как и в природе. Последнее создание – это прекрасный человек, и оно стремится все выше и выше от природы, уходя в иное бытие, в чем Чернышевский и совпал в итоге с Леонтьевым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев, К. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 12 томах / главный редактор В. А. Котельников ; тексты подготовлены и комментарий составлен В. А. Котельниковым, О. Л. Фетисенко. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2003. Т. 6, кн. 1 : Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1991 годов. 818 с. ISBN 5-93615-021-6.
2. *Леонтьев, К. Н.* Избранные письма. 1854–1891 / публикация, предисловие и комментарий Д. Соловьева ; вступительная статья С. Носова. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1993. 637 с. ISBN 5-87180-018-3.
3. *Бердяев, Н. А.* Константин Леонтьев : очерк из истории русской религиозной мысли. Париж : YMCA-Press, 1926. 268 с.
4. *Бибихин, В. В.* Константин Николаевич Леонтьев // Литературная газета. 1989. 5 апреля (№ 14).
5. *Булгаков, С. Н.* Победитель – Победенный : (судьба К. Н. Леонтьева) // К. Н. Леонтьев : pro et contra : антология : в 2 книгах / составители : А. П. Козырев, А. А. Корольков ; вступительная статья А. А. Королькова. Санкт-Петербург : РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 376–393. ISBN 5-88812-008-1.

6. *Сивак, А. Ф.* Константин Леонтьев. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. 88 с. ISBN 5-288-00986-4.

7. *Леонтьев, К. Н.* Избранное / составитель и автор вступительной статьи И. Н. Смирнова. Москва : Парогъ : Московский рабочий, 1993. 399 с. ISBN 5-87372-021-5.

8. *Бессчетнова, Е. В.* «Себялюбие» Аристотеля и «разумный эгоизм» Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Гапоненков. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018. Вып. 21. С. 27–33.

9. *Соловьёв, В. С.* Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв, В. С. Сочинения : в 2 томах / составление, общая редакция и вступительные статьи : А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги ; примечания С. Л. Кравца, Н. А. Кормина. 2-е издание. Москва : Мысль, 1990. Т. 2. 822 с. (Философское наследие ; т. 111). ISBN 5-244-00192-2.

10. *Кантор, В. К.* «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 527 с. (Российские Прописки). ISBN 978-5-98712-661-5.

11. *Котельников, В. А.* Константин Леонтьев. Санкт-Петербург : Наука, 2017. 286 с. (Мыслители прошлого). ISBN 978-5-02-039647-0.

12. *Бессчетнова, Е. В., Кантор, В. К.* Демифологизация как философская задача. Судьба Николая Чернышевского // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 1. С. 143–159. ISSN 2072-0726.

13. *Фудель, И. И.* Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев : pro et contra : антология : в 2 книгах / составители : А. П. Козырев, А. А. Корольков ; вступительная статья А. А. Королькова. Санкт-Петербург : РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 160–180. ISBN 5-88812-008-1.

14. *Хатунцев, С. В.* Константин Леонтьев : интеллектуальная биография 1850–1874 гг. Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. 204 с. ISBN 978-5-91419-013-9.

15. *Леонтьев, К. Н.* О Владимире Соловьёве и эстетике жизни : (по двум письмам). Москва : Творческая мысль, 1912. 40 с.

УДК 070(470-25)|1880|+929Чернышевский

А. А. Гапоненков

E-mail: gaпоненkova@sguru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

**ПРОГРАММА «ЧЕСТНОГО ЖУРНАЛА»
(К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
С «РУССКОЙ МЫСЛЬЮ»)**

Аннотация. В конце 1880-х гг. Н. Г. Чернышевский при посредничестве А. Н. Пыпина публикует в московском либеральном журнале «Русская мысль» последние свои работы. Он встречается и переписывается с редакторами этого издания В. М. Лавровым и В. А. Гольцевым. Отношения с ними поначалу складываются успешно, Чернышевский строит планы на будущее. Но его попытки повлиять на редакционную программу журнала, сделать ее более определенной,

«честной», передать богатый журнальный опыт членам редакции и продвинуть свои новые публикации приводят к прекращению сотрудничества.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, журнал «Русская мысль», редакционная программа, В. М. Лавров, В. А. Гольцев.

A. A. Gaponenkov
Saratov State University

**“HONEST JOURNAL” PROGRAM
(TO THE QUESTION ABOUT COOPERATION
OF N. G. CHERNYSHEVSKY WITH *RUSSIAN THOUGHT*)**

Abstract. At the end of the 1880s N. G. Chernyshevsky with the mediation of A. N. Pypina publishes his last works in the Moscow liberal journal *Russian Thought*. He meets and corresponds with the editors of this publication V. M. Lavrov and V. A. Goltsev. Relations with them are initially successful, Chernyshevsky makes plans for the future. But due to attempts to influence the editorial program of the journal, to make it more definite, “honest”, to transfer the rich journal experience to the members of the editorial board and to promote his new publications it was decided to discontinue their cooperation.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, the journal *Russian Thought*, editorial program, V. M. Lavrov, V. A. Goltsev.

По астраханским письмам и воспоминаниям известно, что Чернышевский тщетно добивался более глубокого сотрудничества с журналом «Русская мысль» в последние годы жизни: «Первое время я буду писать очень мало и под чужим именем. Я официально не войду в редакцию. Я не буду писать по текущим вопросам. Знаете, к себе нужно приучить», – делился Чернышевский планами «взять в свои руки “Русскую мысль”» [1, с. 53]¹. Ему благоволил на тот момент побывавший в Астрахани основатель журнала, московский купец и меценат, переводчик польской литературы Вукол Михайлович Лавров. Тесные взаимоотношения сложились у Чернышевского и с фактическим редактором «Русской мысли» Виктором Александровичем Гольцевым, публицистом, преклонявшимся перед конституционным строем государств Западной Европы, позитивистом по своим философским воззрениям. Он был профессором Московского университета, правоведом. За радикальные высказывания власть отстранила его от преподавания, подвергла аресту и полицейскому надзору. Журнал стал его детищем на многие годы вплоть до кончины в 1906 г. Официальным редактором он смог стать только после отмены цензуры, в последний год своей жизни. Переписка Гольцева с литераторами его времени огромна. Нашлось в ней место и Чернышевскому.

---

¹Автор относит это заявление к последним месяцам жизни Чернышевского в Саратове, но оно высказано в период его пребывания в Астрахани.

В «Русской мысли» он опубликовал не под своим именем поэму «Гимн Деве Неба» (1885. Кн. 7. Подпись: Г. Андреев), статью «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888. Кн. 9. Подпись: Старый трансформист) и биографические материалы «Добролюбов по его письмам» (1889. Кн. 1, 2. Подпись: Сообщено Г. Андреевым). Вторая версия «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова, собранных в 1861–62 гг.» была издана отдельной книгой К. Т. Солдатенковым уже после смерти писателя (М., 1890). Изначально Чернышевский предполагал опубликовать два тома и написать еще «Биографию Н. А. Добролюбова».

Темы «Чернышевский и В. М. Лавров», «Чернышевский и В. А. Гольцев» заставляют обратиться к дополнительным архивным материалам, необходимо восстановить картину творческих взаимоотношений, уточнить моменты делового сотрудничества с редакторами этого журнала [2]. Чернышевский пытался делиться с ними прошлым опытом редактирования «Современника». Биографы (А. А. Демченко, В. К. Кантор и др.) лишь упоминали о наметившемся под конец его жизни диалоге с В. М. Лавровым и В. А. Гольцевым, а также о последних прижизненных материалах Чернышевского в «Русской мысли». В монографическом очерке Е. В. Стариковой, посвященном «Русской мысли» гольцевского периода, Чернышевский как автор журнала не представлен [3].

Вместе с тем уже известные печатные источники (прежде всего письма Чернышевского, Лаврова, Гольцева и Пыпина) проливают свет на сложные переговоры автора и редакторов «Русской мысли», обнаруживая много «подводных камней» и препятствий, мешавших свободному обращению Чернышевского к своим читателям. Редакционная программа «Русской мысли» не могла его удовлетворить по мировоззренческим принципам, задачам текущей политики. Однако он искал печатную трибуну и пытался обосновать свою программу для этого, по его словам, «честного журнала» (XV, 739). Сотрудничество Чернышевского с «Русской мыслью» заслуживает специального большого исследования.

Начнем с того, что Чернышевский вступил в переписку с В. А. Гольцевым в 1887 г., чтобы предложить свои статьи для «Русской мысли». Журнал в свое время унаследовал около 6 тысяч подписчиков «Отечественных записок» М. Е. Салтыкова-Щедрина, закрытых Главным управлением по делам печати, и часть авторов и сотрудников (А. М. Скабичевский, Н. В. Шелгунов, М. А. Протопопов, А. И. Эртель, Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Н. С. Лесков, М. Горький и др.), а также рукописей редакции. К этому надо прибавить еще два издания, прекративших свое существование, – журналы «Дело» и «Артист» со своим кругом подписчиков, переданных

«Русской мысли». С некоторыми из авторов Чернышевский был знаком лично и следил за их успехами в литературе и журналистике. В конце 1880-х гг. издание имело около 15 тысяч подписчиков. С 1892 г. постоянным автором журнала становится А. П. Чехов, напечатавший в нем свои шедевры (от «Палаты № 6» и «Мужиков» до «Чайки» и «Трех сестер»).

«Русская мысль» в 1885–1906 гг. была органом либеральным, в нем печатались реформисты и нарождавшиеся конституционные демократы и земцы. Она возвеличивала наследие «великих реформ», идею общественного прогресса, сотрудничала с народниками, но противостоила всяческой «метафизике», морализму, марксистам, ницшеанцам. На страницах журнала можно было увидеть обозрения Г. И. Успенского и В. Г. Короленко, «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова, статьи по естествознанию К. А. Тимирязева, литературную критику М. А. Протопопова, произведения А. П. Чехова. В письме к Б. А. Марковичу от 12 июля 1888 г. Чернышевский характеризует редакцию «Русской мысли»: «Редакция состоит из людей далеко не такого ума, как Некрасов и Добролюбов. Но все-таки они люди не глупые, и в частности очень не глуп заведующий беллетристическим отделом; недостаток его – лишь неопытность» (XV, 705). Скорее всего, Чернышевский говорит о Н. Н. Бахметьеве, секретаре редакции, с которым встречался в Астрахани. Отдел библиографии (до 1888 г.) возглавлял Митрофан Нилович Ремезов, посредственный прозаик с псевдонимом М. Анютин, обозреватель театральной жизни, очеркист, автор «внутренних обозрений». Кстати, Николай Гаврилович в одном из писем рекомендовал Ольге Сократовне прочитать роман «какого-то Анютина» (XV, 689) «Наших полей ягоды» (24 июня 1888 г.), прямо не ассоциируя автора с М. Н. Ремезовым.

Всем в журнале заведовал В. А. Гольцев – редактировал материалы и писал в иностранный отдел, избегая цензурных притеснений. Чернышевский сообщил ему 27 сентября 1887 г.: «... до сих пор мне было недосуг писать что-нибудь для журналов. Теперь я начал писать. Предметом первой моей работы я взял вопрос о том, как велико было влияние пап на ход событий в период, обыкновенно называемый временем всякого могущества их» (XV, 651). Политическая борьба пап Григория VII и Иннокентия III с императорами как тема статьи не заинтересовала редакцию, была слишком сухой для литературного журнала.

Тогда Чернышевский обратил внимание В. А. Гольцева на свой этюд о расах, ставший предисловием к переводу VII тома «Всеобщей истории» Вебера. Так появилась статья «Происхождение теории благодотворности борьбы за жизнь». Посылая ее В. А. Гольцеву 23 июня 1888 г., Чернышевский прибавил: «Объясню мое презрительное отношение к дарвинизму. Я с довольно ранней юности знал теорию

Ламарка и был трансформистом» (XV, 686). Статью о теории Дарвина в сентябрьском номере «Русской мысли» Чернышевский подписал псевдонимом «Старый трансформист». Широкий контекст этой темы в 1880-е гг. предполагает знание дискуссии о двухтомном труде (первый том в двух частях) Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» (СПб., 1885–1889). Автор «изрешетил» теорию Дарвина и доказал, что развитие природы идет по плану Творца. Дарвиновское мировоззрение признано Данилевским «наименее эстетическим».

Редакция «Русской мысли» снабдила текст Чернышевского следующим примечанием: журнал «несколько раз помещал статьи в разъяснение в защиту эволюционной теории от односторонних на нее нападений. В нашем обществе однако продолжают иногда смешивать эту плодотворную научную теорию с попытками сузить ее смысл и значение, с стремлением доказывать, что эволюция (трансформизм) обуславливается исключительно борьбой за существование, которая будто бы всегда благодетельна, всегда ведет к прогрессу. Ввиду такого смешения понятий, редакция “Русской мысли” сочла своим долгом дать место статье писателя, “старого трансформиста”, как он на этот раз подписался» (Русская мысль. 1888. Кн. 9). Несмотря на предупреждение В. А. Гольцева (в письме от 12 августа 1888 г.) об этом примечании, Чернышевский с ним не согласился. Редакция выпустила номер журнала без учета мнения раздосадованного автора (XV, 784). А. А. Демченко пишет: «В самом деле, редакция обошла стороной главную задачу статьи – объявить несостоятельным перенос в общественные сферы сформулированного Мальтусом закона народонаселения, согласно которому существует несоответствие между развивающимся в геометрической прогрессии приростом населения и средствами пропитания, увеличивающимися лишь в арифметической прогрессии <...> К сожалению, полагал Чернышевский, это учение в известной мере увлекло и Дарвина, “доброе, безусловно честное, чрезвычайно благородного человека”, “великого ученого” (X, 764). В дарвиновской теории борьбы за существование, по утверждению автора статьи, также скрыта не осознаваемая ученым мысль об оставлении в неизменном виде существующих политических учреждений, так как не в них-де источник социальных бед» [4, с. 640]. Чернышевскому был противен перенос биологических теорий о разнообразных органических формах на социальную жизнь.

А. Н. Пыпин был невольным посредником в общении Чернышевского с редакторами «Русской мысли», хотя сам был ближайшим сотрудником ультралиберального «Вестника Европы». Чернышевский советовался с ним относительно своих публикаций, получал от Пыпина «извещения о найденных бумагах» (XV, 707) Добролюбова; выносил private оценки: «Простяк этот Гольцев милейший, но чрезмерно наивный простяк!» (письмо А. Н. Пыпину от 29 июля 1888 г.).

В письме к А. Н. Пыпину от 16 июля 1888 г. Чернышевский рассказывал о своей встрече в Астрахани с основателем и издателем «Русской мысли» В. М. Лавровым, который совершил прогулку по Волге и навестил ссыльного: «Он очень понравился мне: милый человек, добрый, скромный – чего я не воображал по отзывам о нем, как о пешке, – очень неглупый, очень. Мы просидели с ним весь день, когда он зашел ко мне. На другой день я просидел у него до поздней ночи. На третий день был его отъезд; он опять зашел ко мне, а я проводил его на пароход. – Итак, ты видишь, что отношения мои лично к нему установились хорошие, но буду ли я писать для “Р<усской> мысли” – дело, ставшее очень сомнительным <...> Я сказал Вуколу Михайловичу: “Мои мнения по многим вопросам отличаются от мнений “Р<усской> мысли”; расходиться из-за меня с Гольцевым вам не годится, вы должны предпочитать ваши отношения к нему вашим отношением ко мне; теми отделами журнала, в которые входили бы мои статьи, заведует он. Есть вопросы, в которых журнал должен иметь свое неизменное мнение; это вопросы о русских делах, поэтому мои статьи не будут в противоречии с мнениями, которых журнал должен неизменно держаться. Но они часто будут несогласны с статьями, печатаемыми в “Р<усской> мысли” по вопросам чисто ученым, относительно которых журнал не обязан иметь своего неизменного редакционного мнения. Прошу Вас передать это Гольцеву; если он найдет, что журналу нет дела до того, основательны или нет мои мнения по вопросам, индифферентным для редакционной программы, то я с удовольствием буду присылать статьи в ваш журнал”» (XV, 708). Это была строгая и взвешенная позиция опытного журнального деятеля. Чернышевский сразу же обозначил границы своего сотрудничества. 27 октября 1888 г. в письме к А. Н. Пыпину он заключил: «Отношения к “Русской мысли” установились у меня против моего ожидания, хорошие» (XV, 753).

Письмам Чернышевского к В. А. Гольцеву свойственна наставительная форма высказываний: «Помните, что я опытнее Вас» (XV, 737). Понимая, что идет против редакционных мнений, Чернышевский намечает целую программу «честного журнала» в письме от 19 августа 1888 г.: «Вы затруднялись напечатать мою статью потому, что в “Р<усской> мысли” были помещены статьи, превозносившие дарвинизм. Ваше затруднение было неосновательно. Журнал не может связывать свою свободу обязанностью держаться мнений, высказываемых его сотрудниками по всем вопросам, не входящим в его программу. В программу учено-литературного журнала не могут входить никакие решения никаких вопросов, кроме вопросов общественной жизни нации» (XV, 738). Программе «Русской мысли» не хватает определенности: «Позаботьтесь дать ей более точную определенность: не на бумаге,

разумеется, а в Ваших мыслях. И выработав программу, неуклонно держитесь ее. <...> Шаткость происходит оттого, что в программу введено множество вопросов, не относящихся к национальным делам. <...> Выбросьте из них всякие суждения о Дарвине ли, Копернике ли; журнал не может иметь редакционных мнений ни о чем ученом; он знает только национальные интересы» (XV, 739). В конце этого письма к В. А. Гольцеву добавляет об «интересах честного журнала, какова “Р<усская> мысль”» (XV, 739)¹.

Важно то, что Чернышевский этический критерий ставит в основу такой институции, как журнал, да еще с «направлением». «Честный журнал» не должен игнорировать национальные интересы, его задача – высказываться весьма определенно по актуальным, «кричащим» вопросам жизни общества.

Сотрудничество Чернышевского с «Русской мыслью» было омрачено отказом В. М. Лаврова напечатать повесть «Вечера у княгини Старобельской» с аллюзиями на современность и автобиографическим персонажем («под именем П. С. Вязовского изобразил самого себя», XV, 786). Сохранился экземпляр рукописи из редакции, подписанный псевдонимом «В. Полянский». 29 декабря 1888 г. Чернышевский предупредил В. М. Лаврова: «Мое сотрудничество возможно лишь под условием, что все посылаемое мною идет в типографию не читанное никем, кроме меня» (XV, 803). Публикация повести предполагалась в январском или февральском номере «Русской мысли» 1889 г. Редакторы журнала свели сотрудничество с Чернышевским на нет, устав от его настойчивых идейных наставлений и условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарский, Ал. Н. Г. Чернышевский (по личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1909. Кн. 2. Отд. 2. С. 39–62.
2. Гапоненков, А. А. Чернышевский, «Современник» и журнал «Русская мысль» // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : АРМК Софит, 2012. Вып. 18. С. 41–48.
3. Старикова, Е. В. «Русская мысль» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904 : буржуазно-либеральные и модернистские издания / ответственный редактор Б. А. Бялик. Москва : Наука, 1982. С.44–90.

---

¹Свои представления о программе периодического издания Чернышевский высказывал и в беседе с саратовским журналистом И. П. Горизонтовым: «Я журнал понимаю так, чтобы он от “а” до “зет” был одного вкуса, цвета и направления. Тогда и только тогда он будет иметь воспитующее значение и производить должное впечатление. А наши теперешние журналы, что они? Одна статья за реальное образование, рядом с ней за классическое; повесть говорит о свободе чувства и мысли, а роман за условную мораль... Словом, что ни журнал, то винегрет» [5, т. 2, с. 375].

4. Демченко, А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1859–1889). Москва : РОССПЭН, 2019. 678 с. ISBN 978-5-8243-2287-3.

5. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : в 2 томах / общая редакция Ю. Г. Оксмана. Саратов : Книжное издательство, 1958–1959. Т. 1. 423 с. ; Т. 2. 422 с.

УДК 821.161.1.09-313.2+929Чернышевский

М. Джаррис

E-mail: mjarris@princeton.edu

Принстонский университет (США)

УТОПИЗМ И ГЕНДЕР В РОМАНЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Аннотация. В данной статье рассматривается диалектическая теория революционного преобразования общества через эволюцию гендерных отношений в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Автор прослеживает развитие главной героини Веры Павловны, чей путь не только ведет к «конкретной утопии» четвертого сна, но также показывает взаимозависимость объективных (или экономических) и субъективных (или эмоциональных) структур. В этом смысле утопический материализм Чернышевского отличается и от утопического социализма XVIII – начала XIX в., и от научного марксизма, отвергающего утопизм. Используя метафоры «аппетита» и «страсти», Чернышевский представляет судьбу новых людей, которые строят независимость через взаимозависимость, т. е. новый порядок через равенство полов.

Ключевые слова: утопия, гендер, материализм, равенство полов, марксизм.

M. Jarris

Princeton University (USA)

UTOPIANISM AND GENDER IN NIKOLAI CHERNYSHEVSKY'S NOVEL “WHAT IS TO BE DONE?”

Abstract. This article examines the dialectical theory of the revolutionary transformation of society through progress in gender relations in Nikolai Chernyshevsky's novel *What Is To Be Done?* (1863). The author traces the development of the protagonist, Vera Pavlovna, whose path not only leads to the “concrete utopia” of the fourth dream, but also demonstrates the interdependence of objective or economic and subjective or emotional structures. In this sense, Chernyshevsky's utopian materialism differs both from the utopian socialism of the 18th and early-19th century and from scientific Marxism that rejects utopianism. Employing the metaphors of appetite and passion, Chernyshevsky presents the fate of the new people, who create independence through interdependence, that is, a new order through gender equality.

Keywords: utopia, gender, materialism, gender equality, Marxism.

С начала жизни в «подвале» дома своих деспотичных родителей главная героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863)

Вера Павловна Розальская по ходу его действия приближается к утопии. Эта утопия, увиденная Верой Павловной в ее четвертом сне, является не недостижимой мечтой, а результатом исторического прогресса, вызванного революцией экономических структур и равенством полов. В терминологии Эрнста Блоха утопизм Чернышевского, проявляющийся в описании разных сообществ, классифицируется как «конкретный» и «предвосхищающий», а не «абстрактный» и «компенсаторный» [1, с. 167–168]. Кроме того, продолжая традиции утопических социалистов XVIII – начала XIX в., Чернышевский предлагает диалектическую теорию революционного преобразования общества через развитие гендерных отношений.

Вера Павловна настаивает на том, что она не является «фантазеркою», которая не может принять циничный взгляд на брак своей матери Марьи Алексевны, представительницы старого порядка [2, с. 35]. Наоборот, противоположное мировоззрение Марьи Алексевны и сына хозяйки дома Михаила Ивановича Сторешникова, определяемое имущественными отношениями, оказывается «пустой фантазией» [2, с. 272]. Описывая, что «Сторешников привык мечтать, как он будет “обладать” Верочкою», рассказчик восклицает: «О, грязь! о грязь! – “обладать” – кто смеет обладать человеком?» [2, с. 36–37]. Потребности и желания новых людей, воплощенные в Вере Павловне, отличаются тем, что они являются и личными, и общими и не воспроизводят заданные иерархии, а постоянно развиваются на основе равенства. Таким образом, Вера Павловна утверждает, что «пресыщение знает только пустая фантазия, а не сердце, не живой действительный человек, а испорченный мечтатель, ушедший из жизни в мечту» [2, с. 272]. В отличие от компенсаторных фантазий испорченного мечтателя мечты Веры Павловны проявляются как конкретные цели, будь то создание швейной мастерской или изучение медицины, и ее сны являются неотделимыми от жизни, каждый раз катализируя действия.

Утопический материализм в «Что делать?»

Материализм Чернышевского, развиваемый в «Что делать?», отличается от марксизма в первую очередь пониманием утопизма и связанных с ним эмоций, гендера и субъективности. После того как Фридрих Энгельс определил исторический материализм как «науку» в противоположность утопическому социализму XVIII в., утопизм в значительной степени исчез из немецкого и русского материализма. В «Государстве и революции» (1917), например, В. И. Ленин неоднократно утверждает, что «мы не утописты»: «мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь» [3, с. 49]. Писавший для «новых людей» до того, как марксизм стал доминирующим в России, Чернышевский создал утопическую теорию, которая отказывается от дихотомии между

наукой и утопией. Следовательно, он сохраняет утопическую социалистическую ориентацию на гендер и сексуальность и, таким образом, следует традиции философского и литературного утопизма начиная с Платона и Томаса Мора. В романе «Что делать?» появляется теория эмансипации человечества, которая неразрывно связана с эмансипацией женщин. В этом смысле она напоминает утопический социализм Шарля Фурье, который в начале XIX в. заявил, что «в целом прогресс и смена исторических периодов происходят в результате движения женщины по пути свободы, а регресс социального порядка означает уменьшение свободы женщины» [4, с. 159]. Но в отличие от французских утопических социалистов, чьи теории Энгельс отвергал как «чистую фантазию» из-за веры в постепенную реформу вместо революции, Чернышевский предлагает утопический социализм в революционных рамках [5, с. 194]. Оказывается, что не только подпольная политическая организация необходима для создания нового общества, но и преобразование повседневной жизни. Революционеры и ученые сделали основной акцент на второстепенном персонаже Рахметове, однако не менее важна история главной героини Веры Павловны – с точки зрения радикального пути к утопии. Оба персонажа подчеркивают разные аспекты революционной политики.

Вера Павловна проходит через несколько этапов материального и гендерного освобождения, приходит к своему видению свободы любви и удовольствия от труда. На каждом этапе – в фиктивном браке с Дмитрием Лопуховым, в женской швейной мастерской, во втором браке с Александром Кирсановым, во время изучения медицины и в коммунальной квартире – Вера Павловна приобретает дополнительные материальные возможности и, соответственно, обнаруживает и создает новые экономические и социальные нормы гендера и сексуальности. «Содержание повести – любовь» – это не означает любовь в исключительном и индивидуалистическом смысле, как понимают ее Сторешников или Марья Алексевна [2, с. 12]. Вера Павловна отказывается от любви старого порядка, когда отвергает брак со Сторешниковым и утверждает, что она не хочет «ни властвовать, ни подчиняться» [2, с. 35]. Во втором браке она находит отношения, в которых любовь дает независимость. Она объявляет своему второму мужу: «Саша, как много поддерживает меня твоя любовь. Через нее я делаюсь самостоятельна, я выхожу из всякой зависимости и от тебя – даже от тебя» [2, с. 272]. Эта диалектика зависимости и независимости в любви не совсем отрицает брак, но в конце романа он исчез как организационный принцип общества: Вера Павловна и Кирсанов, Лопухов и его жена, подруга Веры Павловны Екатерина Васильевна Полозова, и дальше не только остаются друзьями, но живут и «видятся как родные» [2, с. 333].

В четвертом сне путь Веры Павловны обозначен как аллегория освобождения всего человечества, которое измеряется развитием гендерных и материальных отношений. В утопии, показанной Вере Павловне богиней равноправности, оба пола занимаются трудом, который ранее считался только женским или мужским, и брак заменяется свободной любовью. Материалистическая теория истории в четвертом сне, завершившаяся утопией, представляет собой не только революцию объективных или материальных условий, но и взаимозависимое преобразование субъективной и эмоциональной конституции. Вера Павловна сравнивает свою новую способность любить на основе экономической и интеллектуальной самостоятельности с потреблением опиума. Она отмечает: «Мой вкус развивается оттого, что мой стол хорош. А аппетит я потеряю только вместе с жизнью, без него нельзя жить» [2, с. 272]. Замечание рассказчика – «это уже грубый материализм» – привлекает внимание к множеству значений этого эзоповского языка. Материализм, представленный в «Что делать?» и отраженный в Вере Павловне, состоит во взаимозависимом развитии физических, экономических и эмоциональных потребностей, которые продвигают новых людей к утопическому обществу. Таким образом, революционная теория Чернышевского отличается и от марксизма, в котором гендер часто имеет второстепенное значение, и от либерального или буржуазного феминизма его времени, подчеркивающего индивидуальность и независимость.

Равенство полов и переосмысление женственности

Чернышевский часто рассматривается в англо-американской научной литературе в качестве домарксистского философа или, по словам Ленина, как «самый большой и талантливый представитель социализма до Маркса» [6 с. 78]. Эта цитата появляется в текстах либеральных критиков включая Исаяю Берлина и Франко Вентури, которые полны решимости показать, что роман «Что делать?» является просто социалистической пропагандой. В критике, которая ограничена дуализмом капитализма и социализма, важность равенства женщин часто упускается из виду (важным исключением является книга А. Е. Moss [7]). Уже в 1868 г. Николай Шелгунов утверждал, что между Верой Павловной и ее первым мужем Лопуховым, и даже вторым мужем Кирсановым складываются отношения как между учителем и ученицей и «равенства тут нет». Он настаивает на том, что «Вера Павловна была всегда балованной девочкой своих мужей, девочкой, которую носили на руках, которой угождали во всех ее прихотях. Всё это заставляет предполагать, что в Вере Павловне была большая миловидность, что она производила на мужчин обаяние, но что той силы, которая ставит

мужчин в отношении полного интеллектуального равенства, в ней не было» [8].

Современные ученые, такие как Иосиф Франк и Валерия Соболев, продолжают эту тенденцию Шелгунова и считают, что мужчины относятся к Вере Павловне снисходительно. Хотя развитие персонажа Веры Павловны происходит за счет ее отношений и взаимодействия с любовниками и подругами, она на самом деле не играет пассивную «женскую» и, как предполагается Шелгуновым, буржуазную роль «балованной девочки». Когда Вера Павловна соглашается на фиктивный брак с Лопуховым, она предлагает подробный план их образа жизни, навеянный французскими утопическими социалистическими коммунами, кардинально отличающийся от типичного образа жизни супружеских пар того времени. Кроме того, она оспаривает основы понятий женственности и мужественности, которые ограничивают мышление Лопухова, когда он замечает: «В вашей натуре, Вера Павловна, так мало женственности, что, вероятно, вы выскажете совершенно мужские мысли» [2, с. 94]. Отвергая смешение понятий Лопухова о мужественности и активности, женственности и пассивности, Вера Павловна спрашивает: «Что это значит эта “женственность”? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина – баритоном, так что ж из этого? Стоит ли толковать из-за того, чтоб мы говорили контральтом? Стоит ли упрашивать нас об этом? Зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны?» [2, с. 94]

Наивные вопросы Веры Павловны разоблачают абсурдность биологического оправдания подчинения женщин и, таким образом, предвещают теории социального конструкционизма гендера XX в. В то же время ее допрос Лопухова раскрывает ограничения его бинарной логики и показывает несоблюдение Верой Павловной норм женского поведения. Она, наконец, приходит к выводу, что просто не будет «заботиться о женственности», и продолжает моделировать их фиктивный брак на основе мужской дружбы как отношения равенства. На протяжении романа показывается, как разные персонажи, в том числе Вера Павловна, «погибшая женщина» Жюли Ле-Теллье, работницы в швейной мастерской и даже второй муж Веры Павловны Кирсанов, который «больше, даже вовсе на стороне дам», меняют понятие и опыт гендера за пределами бинарности, предложенной Лопуховым [2, с. 123].

Заключение

В предисловии рассказчик объясняет полное название романа «Что делать? Из рассказов о новых людях»: «Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами, но вас уже немало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика,

мне уже не нужно было бы писать; если бы вас еще не было, мне еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою, – потому мне еще нужно и уже можно писать» [2, с. 14].

В четвертом сне Веры Павловны подчеркивается дополнительный аспект этих новых людей – центральная роль равенства полов. Вера Павловна уже отметила, что «только тот любит, кто помогает любимой женщине возвышаться до независимости» [2, с. 273]. Но в последнем сне публика, к которой обращается рассказчик в предисловии, оценивается с точки зрения гендерных, а не только экономических отношений. Новый порядок переопределен как царство богини равноправности, измеряемой экономическими и социальными отношениями полов. Рассказчик, который раньше пересказывал историю новых людей в рамках повествования, заменен троицей – богиней, «старшей сестрой», или «работницей», и Верой Павловной, которые составляют три женских лица нового человека. Вера Павловна берет на себя задачу развития сознания нового порядка, начатую уже с основания женской швейной мастерской. Богиня равноправности заявляет ей: «Я все сказала тебе, что ты можешь сказать другим, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своих от клеветы не знающих меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всем. Я скажу ее всем, когда мое царство будет над всеми людьми, когда все люди будут прекрасны телом и чисты сердцем, тогда я открою им всю мою красоту» [2, с. 283].

В четвертом сне изображается теория истории по Гегелю, которая связывает экономические этапы с развитием отношений полов. Каждый этап представлен отдельной богиней, но последняя богиня воплощает в себе все положительные качества бывших богинь: «наслаждение чувства», «созерцание красоты» и «благоговение перед чистотою» [2, с. 262]. Кроме того, идея богини равноправности представляет не только разрешение предыдущих противоречий, но и трансцендентность через новый синтез положительных качеств: «Но во мне все это не так, как было в них, а полнее, выше, сильнее» [2, с. 282]. Оказывается, что богиня равноправности раскрывает не только отражение нового порядка, но и новый, более свободный образ женственности. Таким образом, «Что делать?» развивает диалектическую теорию гендера, к которой философ феминизма и марксизма Анджела Дэвис призывала через столетие после публикации романа: «Положительные качества женственности должны быть освобождены от их сексуальной исключительности, от их искажённых и искажающих форм» [9, р. 179]. В «Что делать?» Чернышевский прослеживает этот процесс, предлагая утопическую теорию, одновременно показывающую материальную основу гендера, революционное преобразование которой необходимо для строительства хрустального дворца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bloch, E. Das Prinzip Hoffnung. Kapitel 1–32. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp Verlag, 2019. 519 S.
2. Чернышевский, Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / издание подготовили Т. И. Орнатская, С. А. Рейсер ; примечания С. А. Рейсер. Ленинград : Наука, 1975. 872 с. (Литературные памятники).
3. Ленин, В. И. Государство и революция // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – Москва : Издательство политической литературы, 1969. Т. 22. 647 с.
4. Айвазова, С. Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. Вып. 6. С. 153–168. ISSN 0869-0499.
5. Engels, F. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft // Karl Marx und Friedrich Engels Werke Band 19 / Institut für Marxismus-Leninismus. Berlin : Dietz Verlag, 1987. 680 S. ISBN 3-320-00220-1.
6. Валентинов, Н. В. Встречи с Лениным / составитель, автор примечаний Н. В. Вольский. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 314 с. ISBN 978-5-4475-9019-2.
7. Moss, A. E. Only Among Women : Philosophies of Community in the Russian and Soviet Imagination, 1860–1940. Evanston : Northwestern University Press, 2019. 296 p. ISBN 978-0810141032.
8. Шелгунов, Н. В. Русские идеалы, герои и типы // Lib.ru: «Классика»: [полнотекстовый ресурс]. Москва, 2004. URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/_0030.shtml (дата обращения: 18.11.2020). Заглавие с экрана.
9. Davis, A. Women and Capitalism : Dialectics of Oppression and Liberation / editor J. James. Malden : Blackwell Publishing, 1998. 380 p. ISBN 978-0631203612.

УДК 821.161.1.09-3+929[Чернышевский+Дружинин+Тур(Салиас де Турнемир)]

Н. Б. Алдонина

E-mail: kaf_rzl@sgspu.ru

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И А. В. ДРУЖИНИН О РОМАНЕ Е. ТУР «ТРИ ПОРЫ ЖИЗНИ»

Аннотация. Предметом анализа в статье является начальный период полемики между Чернышевским и главой «эстетической» критики А. В. Дружининым. Впервые раскрывается имя автора анонимной рецензии на повесть Е. Тур в «Отечественных записках», следовательно, направленность статьи «Об искренности в критике» и один из мотивов последующих выступлений Дружинина против Чернышевского.

Ключевые слова: литературная критика, роман, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин, Е. Тур (Е. В. Салиас де Турнемир).

N. B. Aldonina

Samara State Social and Pedagogical University

N. G. CHERNYSHEVSKY AND A. V. DRUZHININ ABOUT THE NOVEL
E. TOUR “THREE TIMES OF LIFE”

Abstract. This article deals with the initial period of polemics between Chernyshevsky and the head of the «aesthetic» criticism A. V. Druzhinin. For the first time, the name of the author of an anonymous review in *Otechestvennyye zapiski* on the story of E. Tour is revealed, as well as the focus of the article “On sincerity in criticism” and one of the motives of Druzhinin’s subsequent speeches against Chernyshevsky.

Keywords: literary criticism, novel, N. G. Chernyshevsky, A. V. Druzhinin, E. Tour (E. V. Salias de Tournemir).

Благодаря труду нескольких поколений филологов начальный этап деятельности Н. Г. Чернышевского-критика изучен в современном литературоведении довольно основательно. Стало общим местом утверждение, будто уже в первых своих рецензиях на «Роман и повести М. Авдеева» (Современник. 1854. № 2), роман Е. Тур (псевдоним известной писательницы Е. В. Салиас де Турнемир, сестры драматурга А. В. Сухова-Кобылина) «Три поры жизни» (1854. № 5) и комедию А. Н. Островского «Бедность не порок» (1854. № 5) Чернышевский полемизировал со многими оппонентами из либерального лагеря, в том числе А. В. Дружининым, борясь за высокоидейную и высокохудожественную литературу. Однако, говоря о полемике критика-демократа с защитником «чистой художественности», исследователи, как правило, имели в виду основной пафос выступлений обоих, различие эстетических позиций и т. п. Документальными доказательствами полемической направленности рецензий Чернышевского против выступлений Дружинина литературоведение не располагало. Это дало основание А. А. Демченко заявить о том, что борьба критиков на самой ранней стадии происходила «в формах скрытой, подспудной полемики» [1, с. 83]. В настоящее время есть возможность перевести разговор на конкретную почву.

В июльском номере «Современника» за 1854 г. была опубликована знаменитая статья Чернышевского «Об искренности в критике», в которой он поставил вопрос о том, что такое критика, каковы ее цель и задача. Поводом к созданию статьи явилось, как известно, выступление С. С. Дудышкина, поместившего в июньском номере «Отечественных записок» обзор журналистики, заканчивавшееся заметкой под заглавием «Критические отзывы “Современника” о произведениях г. Островского, г-жи Тур и г. Авдеева». Дудышкин упрекал критиков «Современника», и прежде всего Чернышевского, в непоследибельности и чрезмерной строгости приговоров. Чернышевский в свою очередь выступил против умеренной и уклончивой критики «Отечественных записок». Свои соображения он проиллюстрировал на примере отзывов

на романы Д. В. Григоровича «Рыбаки» (1853. № 10), Н. Станицкого (А. Я. Панаевой) «Мелочи жизни» (1854. № 5), Т. Ч. (А. Я. Марченко) «Умная женщина» (1853. № 12) и «Тени прошлого» (1854. № 1), разбора стихотворений А. А. Фета (1854. № 3). Но гораздо большее внимание он уделил анонимной рецензии на роман Е. Тур «Три поры жизни» (1854. № 5). Критик-демократ приводит большой фрагмент рецензии, сопровождая каждую фразу ее автора ироническим комментарием. «Слабые стороны повестей и романов г-жи Тур, – цитирует он анонимного критика, – стали вдруг ярче и заметнее (вы ожидаете, что смысл этой фразы: г-жа Тур стала писать хуже прежнего? нет), это “обстоятельство, в котором наша романистка должна винить не себя, а своих ценителей”, потому что ее уже слишком много хвалили (вы думаете, что эта фраза значит: ее захвалили, она стала писать небрежно, перестала заботиться об исправлении своих недостатков? нет, вовсе нет), журнальные похвалы и порицания не могут возмущать собственного суждения автора о своем таланте, потому что “лучший критик для романиста – всегда сам романист” (вы думаете, что это относится к г-же Тур? нет, потому что) “женщина всегда зависит от чужого суда” и “в самой гениальной женщине не отыщется той беспристрастной самостоятельности”, которая дает мужчине возможность не подчиняться влиянию критики» и т. д. (II, 243–244). И далее, действуя в том же духе, Чернышевский замечает: о чем бы автор рецензии не говорил – о самостоятельности Тур, сюжете, интриге, обрисовке героев, слог романа и пр., – он впадает в противоречия: высказав то или иное соображение, тут же говорит о прямо противоположном. Приведа заключительную фразу рецензии («Слог г-жи Тур может быть во многом исправлен к лучшему, если того будет угодно самой сочинительнице»), выделив курсивом слова «может быть <...> исправлен» и «если того будет угодно» и закончив предложение двумя восклицательными знаками, Чернышевский резюмирует: «Вот до каких противоречий, колебаний доводит критику стремление к “умеренности”, то есть к смягчению всех легких сомнений в абсолютном достоинстве романа, какие только позволяет себе на минуту предложить смиренный рецензент. Сначала он как будто бы хочет сказать, что роман хуже прежних, потом прибавляет: нет, я не это хотел сказать, а я хотел сказать, что в романе нет интриги; но и это я сказал не безусловно, напротив, в романе есть хорошая интрига; а главный недостаток романа тот, что неинтересен герой; впрочем, лицо этого героя очерчено превосходно; однако – впрочем, я не хотел сказать и “однако”, я хотел сказать “притом”... нет, я не хотел сказать и “притом”, а хотел только заметить, что слог романа плох, хотя язык превосходен, да и это “может быть исправлено, если того будет угодно самому автору” (II, 245). Чернышевский же требовал от критики искренних, правдивых и прямых приговоров, полагая, что

она ничего дурного не сделает, если будет «прямо, ясно и без всяких недомолвок высказывать свое мнение о достоинствах и даже (о, ужас!) недостатках литературных произведений, украшенных более или менее известными именами» (II, 245).

Чернышевский не называет фамилии «смирненного рецензента», автора отзыва на роман Е. Тур в «Отечественных записках», опубликованного, кстати, одновременно с его собственной рецензией на это же произведение в «Современнике». Между тем, как удалось установить, им был не кто иной как А. В. Дружинин, глава «эстетической» критики и впоследствии самый последовательный оппонент Чернышевского (о принадлежности отзыва критику смотри наши работы [2, 3]). Критику-демократу, без сомнения, была известна рецензия Дружинина. Будучи сотрудником «Современника», он принимал участие в отделе «Журналистика» «Отечественных записок», где вел обзор статей научного содержания. Аналогичный обзор появился в майском номере журнала, в котором была напечатана и рецензия на роман Е. Тур. Думается, Чернышевский догадывался о том, кто являлся ее автором. Написанная с позиций «эстетической» критики рецензия содержала положения, характерные для Дружинина (например, недовольство русскими беллетристами, которые, увлекшись примером Гоголя, наводнили литературу произведениями, лишенными занимательности, и др.). Особенности критической манеры (обширное вступление, апелляция к авторитету русских и в особенности западноевропейских писателей, излюбленные цитаты, обороты речи, афористичность и пр.) также «выдавали» руку Дружинина.

Был ли прав Чернышевский в своем приговоре отзыву Дружинина? Следует заметить, что Е. Тур не принадлежала к числу близких друзей критика. Первое упоминание о ней обнаруживаем в дневниковой записи Дружинина от 1.01.54 г.: «У Тургенева я нашел Фета, Григоровича, Видерта и помещика Лаврова. . . Рассуждали о Гете, гр[афине] Сальяс, Бальзаке и так далее» [4, с. 264]. Весной этого года Дружинин ездил в Москву, где встречался с Тур в салоне Е. П. Ростопчиной. «На вечер к Ростопчиной, – записал он в “Дневнике” 20.03.54 г. – М-ме Энгельгардт и графиня Сальяс» [4, с. 264]. В следующем, 1855 г. Дружинин и Д. В. Григорович по дороге в Спасское-Лутовиново к И. С. Тургеневу заехали в Москву, где встретились с Тур в салоне С. В. Энгельгардт. 3.05.55 г. Дружинин зафиксировал в «Дневнике»: «Вечер у Софьи Владимировны. Графиня Сальяс с дочерью» [4, с. 335].

Дружинину претили присущие Тур и посетителям ее салона сплетни, желание самой графини играть роль отечественной Ж. Санд, постоянное умничание, стремление к графоманству. В письме к В. П. Боткину от 26.09.55 г., хранящемся в Государственном музее Л. Н. Толстого, он заметит: «А хотя вы и хвалите женщин-писательниц, но они на меня

действуют тлетворно, еще не столько своим посредством, как через людей, у них собирающихся. При одной идее о граф[ине] Сальяс, Павлове, Мельгунове, барышнях Новосильцевых у меня кровь стынет в жилах. . . Между женщинами-писателями я нашел себе наилучших товарищей и друзей, но с нашими Жорж Сандами, вероятно, я никогда не сойдуся» [5, л. 2–2 об.]. Е. Тур явилась прототипом сатирического образа Анны Егоровны Крутильниковой (в замужестве Брандахлыстовой) в романах-фельетонах Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам», «Станный роман, или Приключения, знакомства, радости, бедствия и странствования друзей Ивана Чернокнижникова», в циклах фельетонов, связанных с образом «Петербургского туриста» Ивана Чернокнижникова: «Заметки Петербургского туриста», «Новые заметки Петербургского туриста», «Заметки и увеселительные очерки Петербургского туриста», «Увеселительно-философские очерки Петербургского туриста», в рассказе «Женщина-писательница», в «Письмах Иногороднего подписчика о русской журналистике». В «Заметках, долженствующих облегчить труд сотрудникам по чернокнижию», хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Дружинин прямо укажет на то, что хотя «постоянно старался избегать портретов», создавая образ Крутильниковой-Брандахлыстовой, «имел в виду <... > графиню Сальяс» [6, л. 1].

Более сложным является вопрос об отношении Дружинина к творчеству писательницы, к оценке которого он обращался неоднократно. Отношение критика к произведениям Е. Тур не оставалось неизменным, эволюционировало по нисходящей линии. При знакомстве с первыми сочинениями писательницы – повестью «Ошибка» (1849. № 10) и началом романа «Племянница» (1850. № 1) – Дружинин не мог не разделить общего сочувствия. Анализируя в «Письме Иногороднего подписчика...» за январь 1850 г. публиковавшуюся в «Библиотеке для чтения» повесть «Замосковская летопись о наших женских делах и о других» Лейлы (под этим псевдонимом выступала Е. Н. Ахматова), он заметил: «... в произведениях г-жи Тур и г-жи Лейлы <... > вы встретите весьма мало бесконечных картин природы и <... > голых описаний чего бы то ни было, взамен того вы отыщете целый запас мыслей, замечаний, не сухих, не избитых, а живых и по возможности новых» [7, с. 268].

После завершения публикации первой части романа «Племянница» и появления новых произведений Тур – повестей «Долг» (1850, № 11), «Две сестры» (Отечественные записки. 1851. № 1), отрывка из романа «Племянница» под названием «Антонина» в изданном в 1851 г. Н. М. Щепкиным альманахе «Комета» – отношение к ней Дружинина меняется. Критика явно настораживало стремление писательницы к морализаторству. Попытка Тур проявить себя в области

драматургии (в альманахе «Комета» писательница опубликовала и пьесу «Первое апреля») Дружинина также не удовлетворила: «Г-жа Евгения Тур <...> подступилась было к светской комедии и отошла назад, сама испугавшись того, что наделала» [7, с. 578], – заметил он в «Письме Иногороднего подписчика...» за январь 1852 г. Дружинин приходит к выводу, что Е. Тур, «как и всех женщин-писательниц, захваливают с ироническими оговорками везде и повсюду» [7, с. 578]. Дело дошло до того, что критика утратила «всякое чувство литературного такта», «хладнокровно ставя на одну доску <...> оживленное создание г. Писемского и растянутый, полный риторического однообразия роман “Племянница”» [7, с. 599]. В данном случае Дружинин имел в виду не столько А. Н. Островского, выступившего с восторженным отзывом о повести Тур «Ошибка» (Москвитянин. 1850. № 7), и И. С. Тургенева – автора отклика на роман «Племянница» (1852. № 1), рецензия которого была не лишена критических замечаний, но общий ее тон оставался доброжелательным, сколько А. Д. Галахова, одного из составителей обозрения «Русская литература в 1851 году» (Отечественные записки. 1852. № 1). Именно он сопоставил «Племянницу» Е. Тур с повестью А. Ф. Писемского «Брак по страсти».

Помимо упреков в риторике и растянутости в произведениях Тур, Дружинин не обнаруживал в них занимательности. В «Письме Иногороднего подписчика...» за декабрь 1853 г. он замечает: «Фельетон с воплем сердца есть то же, что роман г-жи Тур с некоторым запасом занимательности» [7, с. 745].

В январском номере «Отечественных записок» за 1854 г. была опубликована повесть Е. Тур «Заколдованный круг». Признав, что произведение «написано умно», Дружинин «скрепя сердце» сосредоточивает внимание на его недостатках [7, с. 767]. По мнению критика, «автора *бесподобной Антонины* столько хвалили, что небольшое указание некоторых его слабых сторон не покажется ему излишним» [7, с. 767]. Новая повесть отнесена Дружининым к числу «манернейших, вычурнейших и неестественнейших новелл, когда-либо появлявшихся в русской литературе» [7, с. 767]. Критик отказывает Тур в самостоятельности, ставит ей в вину подражание неудачному образцу, отказ от естественности в выражении героями чувств, выпендренную манеру разговора. «У героев и героинь г-жи Тур, – заявляет он, – есть какой-то свой кодекс поведения, – кодекс, сильно пахнущий прихотями маленького, узкого, полного нетерпимости, но неглупого кружка. Эти герои и героини часто бывают вычурнее созданий Марлинского, не по языку, но по идеям и действиям. Они любят простоту и ненавидят *экзальтацию*, а между тем чужды простоты и полны какой-то холодной, придуманной *экзальтации*» [7, с. 768].

Особенное недовольство Дружинина вызвали такие героини повести, как гувернантка Анна Петровна с ее «высокоумным другом Персильевым, тоже приверженным к простоте и ненавидящим *экзальтацию*» [7, с. 769]. По мнению критика, они способны «истинно рассердить читателя» [7, с. 769]. «Эта смиренная гувернантка, – пишет он, – полная практического понимания жизни и видевшая большой свет, но не гордящаяся этим, ведет себя хуже всякой тщеславной щеголихи, которая бы вздумала нарочно оскорблять людей, к себе близких, и колотить глаза своей светскостью. Подобные Анны Петровны должны представлять из себя язву, чуму, бедствие скромной, доброй и гостеприимной провинции» [7, с. 769]. Через месяц, анализируя опубликованную в «Отечественных записках» повесть Ольги Н*** (С. В. Энгельгардт) «Суженого конем не объедешь», Дружинин снова вспомнил о героине повести «Заколдованный круг». Он сопоставляет героиню повести Настасью Александровну с персонажем «Заколдованного круга»: «Настасья Александровна очень умна, и гувернантка Анна Петровна <...> весьма неглупа, – но какая разница между умом той и другой! Там, где одна судит и рядит, осуждает ближнего, расточает высокопарные приговоры и совершает свой путь, толкая и оскорбляя своих соседей, – другая живет и поучает и заставляет любить себя. Слабостям Анны Петровны не может быть пощады, ибо она сама не щадит чужих слабостей, ошибки Настасьи Александровны, высказанные ею самой, оправданные ею, перестают быть ошибками» [7, с. 791–792].

Мысль о неестественности произведений Тур Дружинин повторит и впоследствии – в статье о сборниках стихотворений Е. П. Ростопчиной, Я. П. Полонского и И. С. Никитина (1856 г.), в статье «Сочинения Островского» (1859). Последнее упоминание Дружинина о творчестве Е. Тур обнаруживаем в письме к Л. Н. Толстому от 15.10.59 г. Критик противопоставляет Тур не только Писемского и Островского, но и Тургенева. «Мы, например, – пишет он, – все знаем слабость Тургенева, но между самой его дрянной повестью и самым лучшим романом какой-нибудь госпожи Евгении Тур, с ее полуталантом, целый океан» [8, с. 291].

Рецензия на роман Е. Тур «Три поры жизни» написана в тот период, когда Дружинин уже не испытывал восторга по отношению к писательнице, но в то же время был еще далек от безусловного порицания ее произведений. Ознакомившись с романом «Три поры жизни», он записал 10.04.54 г. в «Дневнике»: «Книга не так гадка, как я о ней думал» [4, с. 288]. Дружинин отметил «много самостоятельности», «ловкую заметку, тонкую мысль, удачную черту характера»; признал, что «взгляд романистки на большую часть ее героинь и героев принадлежит ей собственно» и «порою ему сочувствуешь» [9, с. 3].

Первые главы книги, содержащие описание детства героя, утверждал он, «производят на читателя очень приятное впечатление, последняя часть сочинения <...> задумана ловко и изобилует замечательными подробностями» [9, с. 3–4].

Вместе с тем Дружинин отмечает и недостатки. По его словам, самостоятельность Тур затемнена «мыслями и оборотами, очевидно, вычитанными или зародившимися под чужим влиянием», афоризмы и тирады скорее достойны «ученого трактата или не менее ученого спора», научные выражения портили «эффект живого и умного разговора» [9, с. 3]. В «Трех порах жизни» рецензент обнаруживает афоризмы и тирады, «по временам даже влагаемые в уста юных девушек романа» [9, с. 3]. Еще одно упущение Тур – «в недостатке внешней и внутренней занимательности произведения» [9, с. 4]. «Что бы ни говорили многие любители художественности и жизненной прозы, – продолжает Дружинин, – старый элемент занимательности в романах – внешний интерес, то есть *интрига, сюжет*, с приправою дозволенных эффектов, нечаянностей и катастроф, не есть элемент пустой и заслуживающий презрения. Критике давно пора за него вступить, а романистам вернуться к нему» [9, с. 4]. Причину отказа современных писателей от внешнего интереса и занимательности анонимный автор видел в том, что русские беллетристы увлеклись «примером Гоголя, созидавшего целые драмы и романы из событий самых неважных, самых обыденных» [9, с. 5]. К числу важных недостатков в романе рецензент отнес и отсутствие в произведении «лица, способного довести нас до того, чтоб мы интересовались удачами и неудачами, радостями и бедствиями этого действующего лица... Раз поставив своего героя удачно, романист может быть спокоен насчет занимательности труда, потому что эта занимательность придет сама собою. На таком расчете основаны все бесконечные романы старых времен. Ричард Ловлас выносит на себе весь лучший роман Ричардсона» [9, с. 6].

Как видим, в отношении Дружинина и Чернышевского к роману Е. Тур немало общего. Оба критика расценивали новый роман Тур как произведение слабое, оба указывали на неудачный выбор главного героя, длинноты, склонность писательницы к экзальтации и аффектации. Но есть и существенные различия. На наш взгляд, Чернышевский несколько утрировал суждения Дружинина, придавал собственному отзыву оттенок наставительности.

Дружинин узнал себя в приводимом Чернышевским фрагменте рецензии на роман Е. Тур. Статья «Об искренности в критике» задела его самолюбие, тем более что к началу 1854 г. Дружинин являлся уже известным писателем и критиком, статьи которого (факт, не отмеченный в литературоведении) были в поле зрения и Чернышевского. Николай Гаврилович одобрительно отозвался о «Лекциях В. Теккерея

об английских юмористах», опубликованных (1854. № 1, 2, 3) за подписью «Иногородний подписчик» (XVI, 28), о рецензии на «Повести и рассказы А. Ф. Писемского» (Библиотека для чтения. 1854. № 2) (XVI, 27–28). Менее благожелательным был отзыв о статье Дружинина «Жизнь и сочинения Тобиаса Смоллетта» (1855. № 3). Справедливости ради следует заметить, что две последние работы были напечатаны анонимно.

Статья «Об искренности в критике», также опубликованная анонимно, о чем говорилось в июльском номере «Современника» (ценз. разр. 30.06.54 г.), вышла в свет, когда Дружинин находился на отдыхе в своем имении Мариинское Гдовского уезда Санкт-Петербургской (ныне Псковской) губернии. В Мариинское журналы приходили с опозданием. В конце июля этого года в гостях у Дружинина были Тургенев и Некрасов. В свободное от охоты время они занимались не только чернокнижием, т. е. сочинением шуточных и довольно фривольных стихотворений, но, без сомнения, касались и литературных дел, в том числе и нашедшей статьи Чернышевского. По возвращении в Петербург Дружинин ознакомился с ней и в его «Дневнике» появилась запись, отнесенная Б. Ф. Егоровым к январю – началу мая 1856 г.: «План кровавой статьи об искренности в критике. Ненависть, возбужденная пахнущим клопами» [4, с. 389]. Приведенное суждение рассматривалось в контексте общей борьбы между Чернышевским и Дружининым. В настоящее время есть возможность наполнить его конкретным смыслом. Как следует из сказанного, выступление Чернышевского вызвало у Дружинина намерение написать ответную статью. Подобной работы он не написал, но и о статье Чернышевского не забыл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демченко, А. А. Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : межвузовский научный сборник / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1965. Вып. 4. С. 83–92.
2. Алдошина, Н. Б. А. В. Дружинин и круг «Современника». Самара : Научно-технический центр, 2019. 640 с. ISBN 978-5-98229-380-0.
3. Алдошина, Н. Б. Неизвестная рецензия А. В. Дружинина на роман Е. Тур «Три поры жизни» // Я. А. Роткович : материалы научно-практической конференции, посвященной столетию со дня рождения ученого. 1–3 февраля 2009 года : в 2 частях / ответственный редактор И. В. Рогожина. Самара : Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2010. Ч. 2 : Филологические науки. С. 65–75. ISBN 978-5-8428-0776-5.
4. Дружинин, А. В. Повести. Дневник / издание подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. Москва : Наука, 1986. 512 с. (Литературные памятники).
5. Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ). Архив В. П. Боткина. № 60735.

6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 80.

7. Дружинин, А. В. Собрание сочинений: в 8 томах. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1865. Т. 6. 814 с.

8. Толстой, Л. Н. Переписка с русскими писателями : в 2 томах / составление, вступительная статья и примечания С. А. Розановой. 2-е издание, дополненное. Москва : Художественная литература, 1978. Т. 1. 495 с.

9. [Дружинин, А. В.]. «Три поры жизни». Роман Евгении Тур. М., 1854 // Отечественные записки. 1854. Т. 94, № 5. Отд. IV.

УДК [159.923.375:616.89-008.444.5]+929Чернышевский

М. В. Калашников

E-mail: kalashmv@mail.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.»

**«ЮМОР СМЕЕТСЯ САМ НАД СОБОЮ»:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЮМОРА
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Аннотация. В статье исследуются и описываются особенности чувства юмора Н. Г. Чернышевского, его иронии и самоиронии. Цель статьи – анализ изучения истоков специфического юмора Чернышевского и его иронического сознания. Показано, что двусмысленность восприятия окружающими личности Чернышевского была обусловлена не только его ироническим отношением к действительности, но и прежде всего непрерывной самоиронией, превращающейся в постоянную самопародию. Автор приходит к выводу, что позиция ироника, сознательно занятая Чернышевским, стала следствием влияния на него в детстве речевого поведения юродивого, которое позднее было осмыслено им через призму романтической иронии. Статья носит междисциплинарный характер, написана на стыке биографии и психологии.

Ключевые слова: ироник, романтическая ирония, Н. Г. Чернышевский, Ф. Шлегель, юмор, юродивый.

M. V. Kalashnikov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

**“HUMOUR LAUGHS AT ITSELF”:
SPEAKING OF THE SPECIFIC FEATURES OF HUMOUR
OF N. G. CHERNYSHEVSKY**

Abstract. This article analyses and describes specific features of N. G. Chernyshevsky's sense of humour, his irony and self-irony. The purpose of the article is to analyze the study of origin of Chernyshevsky's specific humour and his ironic mind. Chernyshevsky's personality was perceived ambiguously and it was the consequence not only of his ironic attitude towards reality. Chernyshevsky's continuous self-irony turns into a constant self-parody. The author concludes that the position of an ironic person consciously assumed by Chernyshevsky is the consequence of a

childhood influence on him of a holy fool's speech behaviour that he later reconsidered through the lens of romantic irony. The article has an interdisciplinary character and is written at the intersection of biography and psychology.

Keywords: ironic mind, romantic irony, N. G. Chernyshevsky, F. Schlegel, humour, holy fool.

Ирония Н. Г. Чернышевского как литературный прием уже становилась предметом исследования. Отметим хотя бы статью Б. И. Лазерсон [1] или пятую главу в книге «Чернышевский или Нечаев?», написанную Е. Г. Плимаком (цит. по: [2, с. 166–215]), а также многочисленные работы литературоведов, в которых так или иначе рассматривается данная проблематика.

Цель настоящей статьи – анализ изучения истоков специфического юмора Чернышевского и его иронического сознания. В ней исследуются и описываются особенности чувства юмора Чернышевского, его иронии и самоиронии, которые рассматриваются не как литературные приемы, а как сознательно выбранная жизненная позиция.

Чувство юмора, юмористическая способность лежат в основе понимания комического и иронического суждения. Развитое чувство юмора «свидетельствует о разнообразии и широте интересов (потребностей) личности» [3, с. 141]. В свою очередь, предпосылками чувства юмора являются, во-первых, «ощущение своей силы» и, во-вторых, «способность видеть вещи под неожиданным углом зрения», которая «является составной частью творческого мышления» [4, с. 35].

С чувством юмора тесно связана и способность к остроумию. Остроумие включает в себя такие психические качества, как критичность и способность к избирательным ассоциациям, позволяющие ассоциировать далекие понятия [4, с. 175], что также является необходимым условием творческого мышления.

Чувство юмора свидетельствует также о наличии способности к вероятностному прогнозированию и, соответственно, тесно связано с интуицией [3, с. 135–136, 142]. Впрочем, связь остроумия с прогностической способностью мышления известна давно. Еще в конце XVIII в. Ф. Шлегель писал: «Римляне знали, что остроумие – пророческая способность» [5, т. 1, с. 289].

Необходимо отметить, что, по мнению психологов, настроенное отношение к шутке и непонимание юмора – одни из главных составляющих антитворческой личности [4, с. 170]. Некоторые психологи еще более категоричны, поэтому их констатация звучит как диагноз: «Отсутствие чувства юмора – почти безошибочный признак бездарности» [3, с. 144].

В феврале 1870 г. в подготовительных записных тетрадях к «Бесам» Ф. М. Достоевский писал о прототипе С. Т. Верховенского, одного из главных героев романа: «Главное. Гр<ановски>й лишен дара комизма и иронии и не понимает комического. Человек, не понимающий

иронии и комического в искусстве и в жизни, – непременно ограниченный человек (патетической школы, французского классицизма)» [6, т. 11, с. 120].

Отсутствие чувства юмора не только говорит о невысоком уровне интеллектуального развития личности и неразвитой творческой способности, но и свидетельствует об избыточной ригидности, т. е. невозможности личности адаптироваться к новым условиям [7]. Отсутствие чувства юмора свидетельствует также о такой особенности сознания, как неприятие многосмысленности и, соответственно, о неспособности оперировать многозначными абстрактными понятиями.

Сам Чернышевский в ранней неопубликованной статье «Возвышенное и комическое» писал, что к юмору «расположены такие люди, которые понимают все величие и всю цену всего возвышенного, благородного, нравственного, которые одушевлены страстно любовью к нему» (II, 188). Это люди «с деликатною, раздражительною и вместе наблюдательною, беспристрастною натурою, от взгляда которых не скроется ничто мелочное, жалкое, ничтожное, низкое» (II, 189). По мнению Чернышевского, «... юмористическое расположение духа доводит человека до того, что все на свете представляется ему жалким, достойным и насмешки и сострадания. Юморист везде и во всем находит “и смех и горе”» (II, 190).

Ирония, по замечанию Х. Вайриха, «была канонизирована романтиками как метафизическое состояние» [8, с. 77]. И прежде всего это относится к Ф. Шлегелю. Только с помощью иронии возможно психологическое преодоление внутреннего противоречия между верой в абсолютную значимость и безграничные возможности абстрактно понимаемой личности, представление о чем формируется на рубеже XVIII–XIX вв., и реальной ограниченностью во времени и пространстве конкретного человека. В этом отношении ирония, основанная на чувстве юмора, т. е. способности критически относиться к собственной персоне, является единственным условием сохранения человеком целостного и адекватного представления о себе, своих возможностях и своем месте в мире в условиях формирования новой мировоззренческой парадигмы – парадигмы Современности. Более того, Ирония оказывается не только необходимым, но и единственным условием принятия данной парадигмы.

В этом отношении показательны суждения теоретика романтизма Ф. Шлегеля. В 108-м «критическом фрагменте» он писал: «Она (ирония. – М. К.) содержит и пробуждает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания». Ирония, обращенная на себя, т. е. самоирония, превращается в постоянную пародию на себя, что порождает в восприятии окружающих мерцание

смыслов и неадекватность понимания. «Гармоническая банальность, – писал Ф. Шлегель, – не знает, как ей отнестись к этому постоянному самопародированию, когда вновь и вновь нужно то верить, то не верить, пока у нее не закружится голова и она не станет принимать шутку всерьез, а серьезное считать шуткой» [5, т. 1, с. 287].

Чернышевский, как известно, обладал своеобразным чувством юмора и был крайне ироничен. Особенностью иронического высказывания является то, что оно не всегда может быть адекватно понято читателем или слушателем. В этой неопределенности и заключается сила иронии. Этим очень часто пользовался Чернышевский, что неоднократно отмечали его современники. Так, например, Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал: «... надо иметь в виду, что еще до ссылки даже люди, хорошо знавшие Н. Г. [Чернышевского], пользовавшиеся его доверием, не всегда могли отличить, когда он шутил, когда говорил серьезно» [9, с. 472].

У болезненно самолюбивого Чернышевского не было абсолютно «иронического» слуха и он зачастую «фальшивил», что вызывало сомнение у окружающих, говорит ли он серьезно или же иронизирует над собой. В качестве примера такой неудачной самоиронии (а может быть, это было сказано всерьез?) можно привести его рассказ о первой встрече с Н. А. Добролюбовым. В начале декабря 1861 г. на вечеру, посвященном памяти своего соратника, в огромной переполненной аудитории Чернышевский рассказывал: «Когда он (Добролюбов. – М. К.) ушел, я сказал своей жене, Ольге Сократовне: “Ты знаешь, душа моя, что я считаю себя самым умным человеком на свете; ну представь себе, что я встретил человека, который еще умнее меня”» [10, с. 22].

5 октября 1862 г. Чернышевский писал жене из Петропавловской крепости, что собирается начать многотомную «Историю материальной и умственной жизни человечества», какой до сих пор не было. За этим пойдет «Критический словарь идей и фактов», основанный на этой истории. Последней стадией этого проекта должна была стать переработка того же материала «в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов». Чернышевский полагал, что надо разъяснить людям, «в чем истина и как следует им думать и жить». В заключение он писал: «Со времени Аристотеля не было еще сделано никем того, что я хочу сделать, и я буду добрым учителем людей в течение веков, как был Аристотель» (XIV, 456). Это самоирония или явно завышенная самооценка?

Современники, описывая Чернышевского, почти всегда упоминали его «легкую ироническую улыбку». Даже в последние месяцы жизни она не покидала Чернышевского: «В близоруких серых глазах искрилась ирония, – вспоминал А. А. Токарский, – легкая улыбка играла в углах губ, и в зубах торчала папироска» [11, с. 250].

В 1889 г. в Астрахани молодой учитель Н. Ф. Скориков познакомился с Чернышевским. Во время первой их встречи разговор зашел об организации музея в Астрахани. «Н. Г. постепенно оживлялся, – вспоминал в 1895 г. Скориков, – и разразился веселым смехом. – А относительно музея, – продолжал он, – если только вы состоите в числе членов общества, – посоветуйте вашим приятелям обращать побольше внимания на здешний вечерний базар: там может найтись немало любопытных и весьма важных для исторического музея редкостей. Слышно, что там продаются подошвы от башмаков, которые носила сама Елисавета Петровна, а даже кто-то разыскал гвоздь от сапога Стеньки Разина, потерянный им, когда он был в Астрахани. Все будет нелишний вклад в живое дело истории... А?., как вам кажется? <...> Меня удивляло несколько его чудачество, – отмечал Скориков, – и веселое ироническое настроение. Это чудачество, как я убедился потом, составляло отличительную черту в характере Н. Г. Постороннего наблюдателя всегда озадачивала его манера находить во всем сначала смешные стороны...» [12, с. 214–215].

Чувство юмора Чернышевского наиболее объяснимо с точки зрения теории разрядки, в рамках которой юмор трактуется как механизм «освобождения от напряжения», как своеобразный «предохранительный клапан» [13, с. 214].

3. Фрейд считал, что юмор – это средство решения психической проблемы простейшими способами, успешно опробованными индивидами в самом начале жизни. Он полагал, что удовольствие и эйфория, которые мы стараемся вызвать, обращаясь к остроумию, – это «настроение духа в тот жизненный период, когда мы вообще справлялись с нашей психической работой с помощью незначительной затраты энергии, настроением духа, в нашем детстве» [14, с. 202].

Каким это не покажется на первый взгляд странным, но новейшие исследования показывают, что «... юмор вопреки расхожим суждениям больше характерен для людей “закрытых” от окружения, нежели для людей общительных и открытых внешним контактам. Эти данные могут являться подтверждением <...> представлений о том, что юмор зачастую используется для преодоления фрустрирующих ситуаций действительности. Стоит отметить, – пишет современный психолог, – что это вовсе не означает, что “хорошее” чувство юмора присуще только людям, которые находятся в конфликте с окружением. Речь здесь идет о функциональной стороне чувства юмора, которое может выступать неким “окном в действительность” – способом взаимодействия и переосмысления самого себя и реальности» [15, с. 91].

Одной из главных предпосылок развития чувства юмора Чернышевского была церковная, религиозная атмосфера, окружавшая его

в детстве. С. С. Аверинцев отмечал: «... человек способен к юмору в том случае и в той мере, в которой он остается способным к соблюдению заветов и запретов. <...> Ощущая себя в самой непосредственной близости наиконсервативнейших табу, часто погружаясь в волны густого запаха святыни, человек нередко получает особенно благоприятное расположение к юмору. <...> Чтобы дерзновение оставалось вправду дерзновением, – полагал Аверинцев, – а не симуляцией дерзновения, юмор должен постоянно ощущать себя в присутствии столь же подлинной, жесткой, непоблагливой серьезности» [16, с. 413–414].

Определяя субъекта иронии – ироника, – Ал. В. Михайлов писал: «Будучи направлена на выявление противоречия между личиной и существом, между словами, делами и сущностью, ирония предполагает, т. о., определенную жизненную позицию, сопоставимую с позицией греч.[еского] киника и рус.[ского] юродивого» [17, с. 152].

У Чернышевского в детстве был образец иронического противостояния окружающей действительности. Таким ироником, т. е. притворщиком, в окружении совсем ещё юного Чернышевского был саратовский юродивый Антонушка. Николай Гаврилович посвятил ему немало страниц в пропитанной рефлексией автобиографии, которую он писал в Петропавловской крепости. Связь авторских приемов в написанном там же романе «Что делать?» с приемами «саратовского юродивого» уже отмечалась [2, с. 166–167]. Нас же интересуют, как уже было отмечено, не литературные приемы, а жизненная позиция Чернышевского.

Антонушка, или Антон Григорьевич, вспоминал Чернышевский, производил «фантастическое впечатление на наш город». Согласно Чернышевскому, Антонушка был «... человек умный, быть может, человек большого ума. Он и не хотел прикидываться дурачком, – нисколько: юродство его состояло в том, что он пренебрегает условиями житейской формалистики для назидания своих заблуждающихся или слабых в вере ближних по Христу, отрекся сам от благ мирских для душевного спасения, находит полезным излагать свои назидания аллегорическим языком, делает иногда и поступки, имеющие аллегорическое значение, – вот, только и всего юродства в нем. Но дурачком он не хотел казаться, и никто не принимал его за дурачка». Антонушка, писал Чернышевский, «... любил иронические юмористические обороты, и они, усложняя аллегоризм, еще более затрудняли ум слушающих, вообще, конечно, людей не бойких в мышлении. Очень часто они даже не знали, как решить: шутит он или говорит серьезно, хвалит или порицает. Такова, разумеется, и должна быть речь юродивого» (I, 583, 586–588)

Не об Антонушке ли вспоминал Чернышевский в Петербурге в декабре 1848 г., когда записал в дневнике: «Утром читал <...> Шлегеля (II том, начало), это понятно все» (II, 204).

Ирония многомерна и многослойна. Своей многозначностью она порождает эффект бесконечного зеркала с уходящей в глубину перспективой смысловой рекурсии.

Ироническое сознание Чернышевского являло себя всегда как усмешка, трагическая усмешка, самоирония, которая, казалось, где-то в глубине то ли видит, то ли скрывает истинный смысл вещей и явлений.

Ироническое сознание Чернышевского, транслируемое в его текстах и в живом общении, почти всегда неоднозначно, многомерно. И оно далеко не всегда поддается препарированию с помощью формально-логических суждений.

Ирония Чернышевского, как и ирония юродивого, была реакцией на многозначность самой реальности. Не субъект иронии и не его иронический взгляд порождает двусмысленность, многозначность окружающей реальности – это сама реальность содержит в себе эту многозначность. Оптика юродивого лишь наиболее рельефно выявляет данную многозначность.

Это становится более понятно в настоящее время, т. е. в условиях окончания постмодерна, когда одновременно присутствует множественность смыслов, понятий и явлений как прошлого, так и настоящего. И в этом отношении наследие Чернышевского, если перефразировать выражение В. И. Ленина, представляется таким же неисчерпаемым, как атом.

Кажется, будто Чернышевский стоит на перекрестке разных дискурсивных практик в бескрайнем «саду расходящихся тропок» и усмехается над нами, над нашим миром и над собой в нем. И значит, вновь «Юмор смеется сам над собою» (II, 188).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лазерсон, Б. И.* Ирония в публицистике Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Саратовское книжное издательство, 1958. Вып. 1. С. 272–335.
2. *Володин, А. И. Карякин, Ю. Ф., Плимак, Е. Г.* Чернышевский или Нечаяв? : О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века. Москва : Мысль, 1976. 295 с.
3. *Симонов, П. В., Еришов, П. М.* Темперамент. Характер. Личность. Москва : Наука, 1984. 161 с.
4. *Лук, А. Н.* О чувстве юмора и остроумии. Москва : Искусство, 1968. 191 с.
5. *Шлегель, Ф.* Эстетика. Философия. Критика : в 2 томах / составление, перевод с немецкого, вступительная статья Ю. Н. Попова ; примечания : А. В. Михайлова, Ю. Н. Попова. Москва : Искусство, 1983. – (История эстетики в памятниках и документах).

6. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах / главный редактор В. Г. Базанов. Ленинград : Наука, 1972–1990.

7. *Гоулман, Д., Болицс, Р., Макки, Э.* Эмоциональное лидерство : искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / перевод с английского А. Лисицыной. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. 300 с. ISBN 5-9614-0137-5.

8. *Вайнрих, Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия : сборник статей / составители : В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общая редакция В. В. Петрова ; вступительная статья В. М. Сергеева ; примечания П. Б. Паршина. Москва : Прогресс, 1987. С. 44–87.

9. *Пантелеев, Л. Ф.* Воспоминания / вступительная статья, подготовка текста и примечания С. А. Рейсера ; под общей редакцией С. Н. Голубова [и др.]. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. 848 с.

10. *Чичерин, Б. Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина : Московский университет / вступительная статья и примечания С. В. Бахрушина. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1929. 280 с. (Записи прошлого. Воспоминания и письма / под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского).

11. *Токарский, А. А.* Н. Г. Чернышевский (по личным воспоминаниям) // Н. Г. Чернышевский : pro et contra : личность и творчество Н. Г. Чернышевского в оценке русских писателей, критиков : антология / составитель А. А. Демченко ; ответственный редактор Д. К. Бурлака. Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2008. С. 244–272. ISBN 978-5-88812-244-0.

12. *Скориков, Н. Ф.* Н. Г. Чернышевский в Астрахани // Н. Г. Чернышевский : pro et contra : личность и творчество Н. Г. Чернышевского в оценке русских писателей, критиков : антология / составитель А. А. Демченко ; ответственный редактор Д. К. Бурлака. Санкт-Петербург : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2008. С. 210–228. ISBN 978-5-88812-244-0.

13. *Мельников, С. С.* Социология юмора : к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 213–217. ISSN 1998-5533.

14. *Фрейд, З.* Остроумие и его отношение к бессознательному / предисловие Л. М. Шлионского. Санкт-Петербург : Университетская книга ; Москва : АСТ, 1997. 317, [2] с. (Классики зарубежной психологии). ISBN 5-7914-0001-2.

15. *Жаркой, С. Ю.* Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 81–95. ISSN 2073-6398.

16. *Аверинцев, С. С.* О духе времени и чувстве юмора // *Аверинцев С. С.* Собрание сочинений. Связь времен / под редакцией Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Киев : Дух і літера, 2005. С. 412–418. ISBN 966-7888-84-3 (Собрание сочинений). ISBN 966-7888-76-2.

17. *Михайлов, Ал. В.* Ирония // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / научно-редакционный совет : В. С. Степин [и др.]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Мысль, 2010. Т. 2. С. 152–153. ISBN 978-5-244-01117-3 (Т. 2).

УДК 37.01+929Чернышевский

А. С. Баранова

E-mail: albar55@mail.ru

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы взгляды Н. Г. Чернышевского на проблемы образования, которые он связывал с социальными вопросами. Писатель отмечал стремление народа к обучению, его право на обучение и воспитание посредством передовых форм и методов, призывал педагогов к совершенствованию, развивал идею непрерывного образования.

Ключевые слова: образование, воспитание, проблемы воспитания и образования, просвещение, педагоги, педагогическая деятельность, человеческое познание, общечеловеческое образование, знание.

A. S. Baranova

Minsk State Linguistic University

N. G. CHERNYSHEVSKY ON ACTUAL PROBLEMS OF EDUCATION

Abstract. This article analyzes the views of N. G. Chernyshevsky on the problems of education, which he associated with social problems. The writer noted the people's desire for education, their right to progressive education, to advanced forms and methods of training and education, encouraged teachers to enhance their professional knowledge, and developed the concept of continuing education.

Keywords: education, upbringing, problems of upbringing and education, enlightenment, teachers, pedagogical activity, human cognition, universal human education knowledge.

Н. Г. Чернышевский большое значение придавал воспитанию и образованию: «С развитием просвещения и здравого взгляда на жизнь будут постепенно ослабевать до нуля разные слабости и пороки, рождённые искажением нашей натуры и страшно убыточные для общества; будет ослабевать и общий корень большинства этих слабостей и пороков – тщеславие» [1, с. 150]. Он отмечал, что «любопытность, склонность к наблюдению и размышлению – природное качество не человека только, но всех существ, имеющих сознание» [1, с. 257]. Стремление к приобретению знаний он считал врождённым: «Влечение к приобретению знаний и склонность к заботе об улучшении своей жизни – врождённые качества человека, подобно деятельности желудка» [1, с. 257]. Подчёркивая роль образования, философ отмечал, что «лучшие люди во Франции обширный объём серьёзного преподавания средних учебных заведений считают вернейшим залогом умственного развития своей нации и думают, что только обширность

лицейских курсов может снабдить молодого человека достаточным запасом и сведений и умственных интересов, чтобы он совершенно не опошел в своей последующей жизни, мало способной пробуждать деятельность мысли» [2, т. 5, с. 142].

Просветитель считал, что «каждое человеческое дело успешно идёт только тогда, когда руководится умом и знанием; а ум развивается образованием, и знания даются также образованием; потому только просвещённый народ может работать успешно» [1, с. 152]. По мнению Чернышевского, результатом умственной деятельности является развитие человека, а источником – потребность познать истину. Сегодня весьма актуально звучат его слова о характере человеческого знания: «Учащийся должен по-настоящему учиться только из желания выучиться, из потребности знания. Точно так же учёный должен заниматься наукою только из желания овладеть ею или двинуть её вперёд. Самая успешность в том и другом случае бывает соразмерна преобладанию этой, так сказать, самонаслаждающейся любви к делу над всякими другими расчётами» [1, с. 229].

Большое значение Н. Г. Чернышевский придавал педагогической деятельности, для которой характерна «привязанность» честного человека к исполнению принятого на себя долга. По своему внутреннему характеру такая «привязанность» ничем не отличается от «привязанности» всякого порядочного работника, плотника или ткача, к ремеслу. Вместе с тем он отмечал, что лишь в некоторых случаях экономическая ценность педагогического труда прямо соразмеряется с ценностью труда, производящего внешние предметы. Педагогический труд общего нравственного или научного воспитания не может быть оценен сравнительно с трудом, производящим внешние предметы, так как воспитание и обучение развивает умственные или нравственные достоинства человека, окончательный продукт которого не предмет, посторонний человеку, а сам человек.

Н. Г. Чернышевский призывал педагогов к совершенствованию, к овладению эффективными методами обучения и воспитания. Принуждающий метод воспитания он считал несовершенным, чтобы надобность в нем отпала, «воспитателю должно перевоспитать самого себя и переучиться: ему следует сделаться из скучного, сурового педанта добрым и рассудительным преподавателем, отбросить дикие понятия, которыми загромождён здравый смысл в его голове, приобрести взамен их разумные. Когда эти требования науки будут исполнены воспитателем, мальчик станет охотно учиться всему, что найдёт тогда надобным преподавать ему учитель, сделавшись человеком рассудительным и добрым» [1, с. 277].

Н. Г. Чернышевский в статье «Антропологический принцип в философии» анализирует роль природных дарований в процессе познания.

Если природные дарования человека велики и он «ещё ничему не выучился, зато узнал, по крайней мере, что спасение может быть дано ему только наукой: он уже не отстанет от умственного труда, как бы ни стесняли его обстоятельства» [2, т. 4, с. 218]. Кроме материальной потребности в знании, в человеке уже развита любознательность. Стремление к познанию может быть приятным явлением, при первых признаках которого человеком овладевает радостное волнение, неприятный же процесс вызывает в нем тяжёлый трепет. Н. Г. Чернышевский подчёркивает большую роль ощущений, работы органов чувств в данном процессе, которые способствуют радостному или тоскливому состоянию в связи с склонностью отыскивать во всём следы занимающего человека предмета. Развитая любознательность способствует умственному развитию. Любознательный, стремящийся к самостоятельному познанию человек жертвует сном, отдыхом, развлечениями. В результате такой человек учится много, мыслит ещё больше, размышляет над общечеловеческими вопросами, всё глубоко обдумывает, мысль его получает великую проникаемость.

В статье «Образование человечества зависит от образования молодого поколения» Н. Г. Чернышевский развивает идею непрерывного образования, придаёт большое значение знаниям, их углублению и умножению. Он писал: «Знание – это неисчерпаемый рудник, который доставляет владельцам своим тем больше сокровища, чем глубже будет разработан. Конечно, владелец его не в силах уничтожить богатства, находящиеся в его недрах, но может продолжать или прекратить его разработку и самую эту остановкою затруднить дальнейшую разработку его своим наследникам. . . » [1, с. 30]. Идея непрерывного образования заключается в том, что предшествующие поколения предоставляют последующим знания ими накопленные. Задачей последующих поколений является увеличение суммы знаний и их передача последующим поколениям.

По мнению Н. Г. Чернышевского, образованность, расширяя кругозор человека, даёт ему возможность понимать в истинном смысле явления, не сходные с ближайшими ему, которые «одни только кажутся удобопонятными для необразованного ума, не постигающего явлений, чуждых непосредственной сфере его жизненных отправления» [1, с. 51].

Н. Г. Чернышевским разработаны антропологические основы самостоятельности человеческого познания [3, с. 40–48]. Такую самостоятельность человеческого познания невозможно рассматривать вне вопроса о сущности природы человека.

Ценными являются мысли Н. Г. Чернышевского о характере человеческого познания. Он утверждал, что «громадный запас наблюдений и особенно тонкие средства анализа нужны не столько затем, чтобы

гениальный ум мог увидеть истину, открытие которой требует глубоких соображений, – чаще всего бывает, по крайней мере в общих философских вопросах, что истина заметна с первого взгляда человеку пытливого и логичного ума, – обширные исследования и громадные научные средства в этих случаях приносят, собственно, ту пользу, что без них истина, открытая гениальным человеком, остаётся его личным соображением, которого он не в силах доказать точным учёным образом, и потому или остаётся не принята другими людьми, продолжающими страдать от своих ошибочных мнений, или, что едва ли не хуже ещё, принимается другими людьми не на разумном основании, а по слепому доверию к словам авторитета» [2, т. 4, с. 234]. К трудностям самостоятельного познания относится проблема доказательности суждения, а также слепое, бездумное, бездоказательное принятие за истину ложного суждения. В этом случае возрастает необходимость самостоятельности познания.

Недостатки образования Н. Г. Чернышевский тесно связывал с социальными проблемами. Писатель отмечал, что «политическая власть, материальное благосостояние и образованность – все эти три вещи соединены неразрывно» [1, с. 161]. Актуальными и своевременными являются его следующие слова: «Улучшение общественного и материального положения – вот необходимейшее предварительное средство для возможности распространяться просвещению и улучшаться нравам» [1, с. 137].

Проблемы образования были тесно связаны с «равнодушием самого общества ко всем высшим интересам общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходит из круга личных житейских забот и личных развлечений» [1, с. 99]. Писатель отмечал, что низкий уровень знаний в обществе обусловлен не отсутствием дарований и средств, а тем, что оно всё ещё дремлет. Существеннейшей пользой подвижников просвещения является не столько сообщение знаний, сколько пробуждение любознательности, которая в обществе недостаточно распространена.

Проблемой образования являлось также то, что общество давало «мало опоры научным и человеческим стремлениям; воспитание наше обыкновенно бывает неудовлетворительно: оно не полагает твёрдых оснований нашей будущей деятельности, не влагает в нас никакого сильного стремления, никакого определённого взгляда на самые простые житейские и умственные вопросы» [1, с. 99]. Н. Г. Чернышевский отмечал, что даже даровитые и развитые деятели просвещения не имели бодрых и решительных стремлений, мысли их колебались, перепутывались, деятельность не имела никакой определённой цели, их мысль часто блуждала в смутном хаосе недоумений. Направлялась то туда, то сюда, не вела за собой других к возвышенной цели. Писатель поднимает вопрос о роли авторитета в образовании. Необходим

человек, который постоянно возбуждал бы в людях желание искать истинный путь, постоянно указывал направление их деятельности. Вместе с тем он утверждал, что «часто бывает нужно восставать против слепого увлечения авторитетами; быть может, настанет время, когда люди найдут, что могут обходиться и без авторитетов: тогда люди будут гораздо счастливее, нежели были до сих пор. Но пока – и это “пока” продолжится ещё целые века – сила привычки и апатии так ещё сильна, что большинство чувствует себя спокойным и уверенным только тогда, когда встречает объяснение стремлениям века и ободрение своим мыслям в каком-нибудь авторитете. Особенно должно сказать это о нашем молодом обществе. Оно не может, кажется, шагу ступить без поддержки какой-нибудь сильной отдельной личности» [1, с. 100].

Целью воспитания Н. Г. Чернышевский считал развитие духовных способностей, чему способствует умственное и нравственное воспитание. Умственное воспитание состоит из как можно более полного развития умственных способностей, из большего обогащения знаниями.

В работах Н. Г. Чернышевского заложены дидактические основы организации учебного процесса – индивидуальный подход к учащимся, малая наполняемость классов, доступность изложения учебного материала, – которые дают возможность разобраться в задатках и способностях учеников, с величайшим старанием беречь и заботиться о каждом из них. В результате удачно и быстро будут развиваться духовные силы учеников, их способности и природные склонности. Наставник может знать, насколько одарены его учащиеся, каким именно способом им передать знания, как велики их способности, к каким наукам они имеют природное расположение. Большая наполняемость классов создаёт трудности в изучении одарённости, склонностей учащихся. Принцип доступности обучения необходим для эффективного усвоения знаний и развития личности. Гуманизм педагогических взглядов Н. Г. Чернышевского заключается в защите личности ребёнка от недоступной ему информации: «Годы, посвящаемые человеком учению, – драгоценные годы. Жаль тратить их на мучение ребёнка или юноши над бесполезными для него тонкостями, которых не может он и постичь вполне» [1, с. 93]. В качестве положительных примеров Н. Г. Чернышевский приводит «Первое чтение и первые уроки для маленьких детей» (сочинение А. Ишимовой), где чтение, каллиграфия, краткая священная история излагаются в виде бесед между матерью и детьми или в форме маленьких повестей, чтение которых будет увлекательным для детей. Для нравственного воспитания он рекомендовал повесть «Цыганёнок» П. М. Шпилевского. Ее целью являлось внушение сочувствия к бедным, бесприютным, которые за ласку и ободрение платят безграничную привязанностью и при малейшей возможности становятся добрыми людьми.

Н. Г. Чернышевский поддерживал передовые идеи педагогической журналистики. В заметках о журналах он отмечает мысли, заслуживающие особого внимания. В «Морском сборнике» со всей откровенностью литературного дела и с деликатностью вёл разговор людей, просвещённых наукой и житейской опытностью. Н. Г. Чернышевского привлекают мысли о том, что воспитатель сам должен быть тем, кем он хочет сделать воспитанника, или, по крайней мере, искренне желать быть таким и всеми силами к этому стремиться. Писатель поддерживает передовые методы воспитания и осуждает такие формы, как приказание и наказание. Он отрицает мысль о том, что из ребёнка можно сделать всё что угодно только наставлениями, поучениями, приказаниями и наказаниями. Внешними условиями можно переделать только наружность. Чернышевский считает, что воспитатель должен видеть в ученике живое существо с разумом и свободной волей.

В заметках о журналах Н. Г. Чернышевский анализирует передовые мысли Н. И. Пирогова о соотношении общего и специального образования. Он согласен с Пироговым, что воспитание главной своей целью должно иметь приготовление ребёнка и потом юноши к тому, чтобы в жизни был он человеком развитым, благородным и честным. Необходимо заботиться о том, чтобы воспитанник стал человеком в истинном смысле слова. Когда основное, общее направление к знанию и правде уже достаточно утверждено в нём, только тогда, и не раньше, воспитанник может выбирать себе специальную дорогу, к которой наиболее расположен и способен. Нельзя, не дождавшись пока у человека развился рассудок и характер, сковывать его на всю жизнь, сталкивать на узкую дорогу, по которой он идти не способен, так как выбор был сделан не им, без разумного учёта его наклонностей и способностей. Н. Г. Чернышевский считал необходимым подготовить молодых людей к светлому взгляду на жизнь и место человека в ней. Помимо ремесла необходимо вооружить молодое поколение развитостью ума и благородными убеждениями.

Как существенный недостаток Н. Г. Чернышевский отмечал недостаток нравственного воспитания: «Теперь нет этой последовательности, нет этой честной верности своим нравственным убеждениям, потому что воспитание обыкновенно и не заботится о приготовлении воспитанника к честной последовательности в жизни: оно только учит мастерству, – и юноша, не имеющий ни правил, ни понятий, кроме принадлежащих его ремеслу, вдруг становится среди общества, которое предлагает ему принять тот или другой из взглядов на цель и правила человеческой жизни» [1, с. 107]. Он считал, что воспитание должно изменить характер личности, подготовить не только к ремеслу, но к честной борьбе с соблазнами жизни. Актуален призыв Н. Г. Чернышевского осуществлять гражданское воспитание: «Лучше не развиваться

человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влиянием чувств, пробуждаемых участием в них» [1, с. 143]. Анализируя светское воспитание, он подчеркивал, что оно имеет «несомненную хорошую тенденцию, что делает человека деликатным в обращении, отучает его от низких, грязных манер. Вместе с тем он отмечал большую роль среды в воспитании. Если люди, получившие светское воспитание, унижаются до пошлых грубостей, бывают невежливы, грубы, пошлы в обращении с другими, то надобно думать, что в «обстановке, среди которых живут эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающие к нахальному попиранию всякой слабой личности, что даже вежливость, даваемая светским воспитанием, подавляется этими обстоятельствами»» [1, с. 153]. Однако и дурное воспитание вредно и от него трудно избавиться: «Дурное воспитание дурно тем, что редко кому удаётся сбросить с себя его иго; зато, кто сбрасывает его, тому уже легче всякого другого стать человеком, свободным от рутины» [4, с. 25].

Н. Г. Чернышевский считал необходимым, чтобы общечеловеческое образование играло главную роль в воспитании. Он напоминал, какое важное значение во всех образованных европейских государствах имеют вопросы о необходимости общего воспитания и специальных науках в высшем преподавании.

Н. Г. Чернышевский критиковал Мейссенскую княжескую школу, которая, подобно всем другим немецким школам того времени, была «исключительно школою средневекового латинского педантства» [1, с. 129]. Школа считалась образцовой. Дети знатных и простолюдинов, богатых и бедных питались одинаково и пользовались общими удобствами. Прилежные, даровитые, добрые ученики почти всегда были ценимы своими товарищами, философскими и математическими науками занимались серьёзно. Старшие декурионы наблюдали за младшими учениками, однако родной язык был в пренебрежении.

Лейпцигский университет считался в то время одним из лучших в Германии, имел множество знаменитых профессоров. Однако этот университет, как отмечает Н. Г. Чернышевский, был устроен наподобие какого-нибудь ремесленного цеха. В нём всё делалось по заказу, по расчёту, но не по призванию. Почти все профессора читали по учебникам, только немногие составляли сами записи, которых придерживались буквально. В духе преподавания господствовал непроходимый педантизм и формализм. Направление преподавания было вовсе не привлекательным для юношей со светлой головой. Поэтому талантливые юноши, которые хотели углубиться в науку, а не жить чужою головой, самостоятельно изучали науки, лекции других факультетов, приобретая знаний гораздо больше, чем аккуратнейшие студенты и, может быть, знаменитейшие лейпцигские учёные.

Критикуя университетское обучение, Н. Г. Чернышевский считал, что студенты недовольны тем, что их хотят учить как маленьких детей, что университетское начальство лишает права освобождать недостаточных студентов от платы за слушание лекций и запрещает студенческие сходки. Н. Г. Чернышевский отмечал, что «университеты и школы не просвещали, а только загуманивали умы. Учёный обыкновенно был педантом и формалистом, слепо верившим тому, чему научился от своего бывшего наставника; он без всякой критики компилировал факты, не отыскивая в них смысла. Заботясь только о систематичности и внешней форме. Мёртвый догматизм владычествовал во всех отраслях науки, от философии до изучения древних языков. От законоведения до теории словесности. Параграфы ... подразделения заставляли забывать о живом содержании в нравственных и юридических науках» [1, с. 125–126].

Положительным опытом Н. Г. Чернышевский считал организацию обучения и воспитания в Яснополянской школе Л. Н. Толстым. Чернышевский отмечал, что хорошо, когда дети идут в школу с лёгким сердцем, без всяких тревог, учатся не по принуждению, с интересом. Предоставление детям свободы не мешает им заниматься прилежно и развивать творческие способности.

Н. Г. Чернышевский разработал требования к учебнику, который не должен быть «обременён излишними мелочными подробностями, избытком хронологических цифр и собственных имён. ... , но содержит множество фактов и все важные факты излагает с обстоятельностью, необходимою для того, чтобы дать о них живое понятие» [1, с. 94].

Мысли Н. Г. Чернышевского о роли образования в обществе, о его прогрессивных формах и методах, нравственном характере необычайно актуальны в наши дни и требуют дальнейшего развития и совершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чернышевский, Н. Г.* Избранные педагогические сочинения / составитель А. В. Плеханов ; под редакцией А. Ф. Смирнова. Москва : Педагогика, 1983. 336 с.
2. *Чернышевский, Н. Г.* Собрание сочинений : в 5 томах. Москва : Правда, 1974. Т. 4. 415 с. ; Т. 5. 415 с.
3. *Баранова, А. С.* Антропологические основы самостоятельности человеческого познания // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Гапоненков. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018. Вып. 21. С. 40–48.
4. Педагогическое наследие / В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов ; составитель А. Ф. Смирнов. Москва : Педагогика, 1988. 496 с.

УДК 070(470.23-25)|1870|

Г. И. Щербакова

E-mail: sherbakovagalin@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный опорный университет»

**ОБРАЩЕНИЕ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»
К ОПЫТУ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ
В ЖУРНАЛЬНЫХ ДИСКУССИЯХ 1870-х ГОДОВ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссии в петербургских журналах 1870-х гг. о путях пореформенного развития России и обращение публицистов к опыту реформ Петра I, направленных на модернизацию и европеизацию страны.

Ключевые слова: реформа, Пётр I, демократы, либералы и консерваторы, модели развития, дискуссия, аргументация.

G. I. Shcherbakova

Togliatti State Support University

***VESTNIK OF EUROPE'S APPEAL
TO THE EXPERIENCE OF PETER'S REFORM
IN MAGAZINE'S DISCUSSIONS IN THE 1870s.***

Abstract. This article reviews the discussion in St. Petersburg magazines of the 1870s about the ways of post-reform development of Russia and the publicists' appeal to the experience of reforms carried out by Peter I to modernize and Europeanize the country.

Keywords: reform, Peter I, Democrats, liberals and conservatives, development models, discussion, argumentation.

1870-е гг. как период истории журналистики, имевший свое лицо, свои задачи, своих героев, менее изучены. Творчеству отдельных авторов посвящены монографии [1, 2, 3], но целостного представления о литературно-журнальном процессе этого периода нет из-за неравномерности его изучения в советское время и недавней смены идейных парадигм. Между тем в 1870-е гг. ковалось будущее России.

Во-первых, это было время, когда происходило осознание и освоение реформ, свершившихся в предшествующее десятилетие.

Во-вторых, это был период начального формирования будущих политических партий, представленных пока общественными движениями, легальными и нелегальными кружками, литературными объединениями.

В-третьих, это было время горячей литературно-журнальной полемики в условиях относительной либерализации печати.

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-42018).

И наконец, это было время открытого влияния капитала на литературу и журналистику – достаточно вспомнить кабальные договоры Достоевского с издателем Стелловским.

В журналистике по-прежнему задавали тон два центра – Москва и Петербург, но к ним добавилась заграница со множеством издательств во Франции, Швейцарии, Германии. Кроме того, к концу десятилетия крепнут силы провинциальной печати в богатых промышленно-экономических областях, что оказывает влияние на общую систему прессы. Характерной особенностью этого периода является также отсутствие единого властителя дум, какими были в предыдущие времена Н. Чернышевский или А. Герцен. Общественные настроения разобщены, несмотря на то что это время крупных писателей – Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина.

Все споры касались направления развития России. Недаром мотив дороги был одним из самых распространенных в творчестве писателей (Ф. Достоевского, Н. Лескова, Н. Некрасова, А. Писемского и пр.). Парадоксально то, что при устремленности в будущее обоснование направления движения почти у всех публицистов и философов лежит в прошлом, центральной точкой которого являются Пётр I и его реформы. Они обсуждаются напрямую и входят как скрытый второй план при разговорах о недавних реформах Александра II.

Образ Петра I стал аргументом и контраргументом в споре разных идейно-общественных групп от славянофилов до государственников-консерваторов.

В зависимости от позиции спорящих на первый план выходили разные стороны многообразной деятельности Петра I и разные последствия проводимых им реформ. Однако участники споров сходились в том, что одним из итогов реформ стало зарождение двух новых социальных групп – бюрократии и интеллигенции.

Позиция спорящих относительно Петра I нередко корректировалась в зависимости от их отношения к бюрократии и интеллигенции. Стоит признать, что разногласий по поводу вреда от бюрократии было меньше, хотя к этой социальной группе предъявлялись разные претензии. Для консерваторов, и особенно для Мещерского, это было злокачественное новообразование, изменившее свою сущность и препятствующее единению царя и народа, подменившее собой аристократию. Критикуя ее, они намеревались улучшить и очистить строй и укрепить его статус кво. Либералы и демократы считали бюрократию естественным порождением монархической системы, вред от которого можно минимизировать только изменив саму систему.

В «Вестнике Европы» была сильная группа сотрудников, имеющих профильное историческое образование – М. Стасюлевич и А. Пыпин – и историко-юридическое – Д. Кавелин и В. Спасович. В журнальных

дискуссиях роль первой скрипки играл, как правило, А. Н. Пыпин, так как, во-первых, Петровская эпоха давно входила в круг его интересов, а во-вторых, по душевной склонности и редакционным обязанностям он следил за новой научной и критической литературой. Немаловажным было и то, что Пыпин прошел школу «Современника», заведовал литературно-критическим отделом в журнале. Его авторитет был признан литературными кругами, о чем свидетельствуют письма к нему русских писателей. В качестве примера приведем наиболее близкое по времени (начало 1870-х) письмо М. Салтыкова-Щедрина: «Так как мне известно близкое участие, принимаемое Вами в редактировании “Вестника Европы”, то я полагаю, что рецензия “Истории одного города”, помещенная в апрельской книжке этого журнала, попала туда не без Вашего одобрения» [4]. У писателя были некие претензии к А. С. Суворину – автору рецензии, подписавшемуся «А. Б-ов».

А. Н. Пыпин был среди тех, кто рассматривал историю в ключе современности и для ее анализа проводил исторические параллели. Он подготовил к тому времени немало трудов по развитию общественной мысли в России, постоянно изучал становление интеллигенции как новой общественной силы, зародившейся в пору реформ Петра I.

Почти со всеми научными трудами Пыпина его читатели уже были знакомы, так как значительная их часть была апробирована в виде журнальных статей, которые впоследствии издавались в виде монографий. Таким образом, Пыпин имел большие возможности для высказывания своей точки зрения по вопросу естественности и закономерности Петровских реформ для русской истории, не соглашаясь с теми, кто сводил их причину к самоуправству Петра. Например, в статье «Последние времена Московской Руси» он развивает мысль о том, что подготовка к преодолению политической и экономической самоизоляции Московии шла с последней трети XVII в. и была обусловлена присоединением Украины, откуда в Россию приходили книги, идеи и люди, воспитанные в традициях украинско-польской культуры (или латинской по тогдашнему словоупотреблению). Пыпин писал: «Жизнь народа и государства все более настойчиво требовала новых средств просвещения и практических искусств, ревнители старины восставали против “киевской учености”, видя в ней церковную новизну, но не могли понять, что это были первые шаги науки, без которой не могла совершаться жизнь народа и государства» [5, с. 291–292].

Пыпин – противник любого консерватизма, сдерживающего развитие страны и благосостояние народа; обычно умеренный в выражениях, он употреблял экспрессивные высказывания негативной окраски: «церковный фанатизм, вражда к науке, упрямый застой, нравственное одичание и ожесточение». Однако он высказывал уверенность в том,

что никакая сила предания не могла остановить надвигавшегося нового духа времени. По его мнению, деятельность Петра I только расширяла новые потребности России. Для отповеди любителям идеализировать старую Московскую Русь и мнимый уровень ее высокой духовности Пыпин обращается к житию одного из церковных подвижников нового времени – Дмитрия Ростовского, которому пришлось немало побороться с невежеством провинциального духовенства, отмеченного грубым нравственным упадком, неспособностью достойно выполнять свое религиозно-просветительское служение. Противодействием заскорузлой старине обусловлена духовно-просветительская деятельность нового русского святого, с болью наблюдавшего, как не протрезвившиеся священники кое-как отправляли службу, сквернословили в алтаре и не были примером христианского смирения. Пыпин приводит примеры, как Дмитрий Ростовский старался исправить «вопиющие непотребства», учил священников правильному исполнению своего религиозного предназначения, добивался того, чтобы они посылали детей в грамматические школы в Ростов, где те обучались бы за государственный счет, чтобы новое поколение священников было отмечено печатью просвещения и духовной высоты и потом, получив сан, сумело бы не только поучать народ в церкви, но и показывать личный пример истинно христианской жизни.

Именно катастрофически низкий уровень образованности обусловил, по мнению Пыпина, жестокие методы Петра I, вынужденного парализовать страхом противников из-за нехватки времени на просвещение и убеждение. В своей «Истории русской литературы» ученый писал, что деятельность Петра могла стать шире и более цельной, если бы он нашел достаточно подготовленную для этого почву и людей: «теперь многое надо было начинать именно с азбуки, в том числе ему самому: преобразование по необходимости становилось разбросанным и поспешным. Его собственная природа была такова, что его неудержимая энергия бралась за все вдруг: затем, он слишком хорошо знал своих подданных и соотечественников – слишком давно и крепко вкоренилась полувосточная медлительность, умственная и физическая лень; он шел впереди своего века, давая образец необычайного труда и подвижности» [6, с. 348].

Споря со сторонниками славянофильского, мифологического взгляда на русскую древность, Пыпин утверждал обратное: «В своем книжном содержании Россия отставала от науки на несколько веков. В конце концов должны были допустить в Москву киевских ученых, хотя постоянно сомневались в чистоте их православия. Старина не основала никакой школы, которая способна была бы распространять хотя элементарные познания: Петру приходилось основывать “цифирные” школы; Посошков сам с великим трудом научился грамматике. Старый

порядок грозил прямо национальным отупением <...>. Обвинители реформы утверждают, будто бы возможен был другой, более мирный и постепенный путь образования; но Петр, в своих первых поисках за средствами расширить книгу, обращался и к патриарху Адриану и не встретил с его стороны, никакого содействия. Оставалось спрашивать иноземцев, самому отправиться за границу, посылать туда же молодых людей в науку, а из киевских ученых взять в сотрудники такого человека, как Феофан» [6, с. 349].

Возражая современным славянофилам и консерваторам, Пыпин предпринял историческую ретроспективу, обращаясь к Карамзину как прародителю многих взглядов, сохранившихся вплоть до середины XIX в. Создавая галерею портретов современных консерваторов, он в первую очередь имел в виду В. Мещерского, который постоянно подчеркивал свою верность суждениям почитаемого деда Н. М. Карамзина, с одной стороны, а с другой – объявлял себя рыцарем консерватизма.

Пыпин, исследуя исторические взгляды Карамзина, порой проявлял недостаточно исторический подход, что объясняется, вероятно, рецидивом публицистики в его научной деятельности. Исследуя прошлое, он думал о настоящем и писал для настоящего, поэтому был чрезмерно строг к автору «Истории государства Российского», который отошел от «резвого взгляда на свой предмет», изменил либеральным увлечениям молодости и проникся идеей российской государственности. Пыпин признает, что были и другие объективные факторы, например французская революция с ее террором, которые заставили Карамзина более осторожно оценивать возможности и последствия исторических переворотов. Но для Пыпина крен в сторону постепенных перемен равносильно отступничеству, консерватизм для него не осторожность, а трусость и социальный эгоизм: «Бросить прежнюю точку зрения нельзя было безнаказанно. Оставив ее, Карамзин очень последовательно пришел к консерватизму, весьма непривлекательному» [7, с. 249]. Возвращаясь к афоризму Карамзина о соотношении национального и человеческого, Пыпин возражает своему предшественнику, что эти понятия не антиномия, а градация, утверждая далее, что «когда индивидуально-народное дело или идея становятся общечеловеческими, это – высшая историческая заслуга и величие нации; но чтобы достигать этого, нация необходимо должна воспринять и разработать в себе интерес общечеловеческий. В этом взаимодействии совершается движение цивилизации и от него зависит различие в относительном значении наций. Таким образом, “человеческое” является необходимым элементом в жизни народа, если он стремится к историческому значению» [7, с. 249]. Изменение взглядов Карамзина на ход истории сказалось, по утверждению Пыпина, и на его оценке Петра I: «Из великого поклонника реформы Карамзин стал строгим ее порицателем. Защищая

“народное”, т. е., как обыкновенно, старину, Карамзин должен был и в новой жизни защищать все, что наследовала она от старины или в чем продолжала ее. Ему надо было защищать недавний склад русской жизни от всяких реформ – он и защищал его с усердием, достойным лучшего дела, потому что ему пришлось восхвалять то, что далеко не заслуживало похвалы, и умалчивать о том, что требовало осуждения» [7, с. 249].

Излагая взгляды Карамзина, Пыпин их значительно актуализирует, протягивает от них нить к современному положению дел в России; сравнивая эпизоды прошлого с настоящим, он изымает ситуацию из контекста, тем самым нарушая причинно-следственные связи. Например, оценивая пожелание историка к современникам «быть рассудительными и тихими», Пыпин относит его к пореформенной ситуации в России и пишет: «Совет быть рассудительным и тихим он (Карамзин) повторяет несколько раз, – хотя совет был совершенно излишний: с давних пор русское общество было очень тихо. Общий нравственно-политический вывод Карамзина был тот, что народам и отдельным людям нужно только повиновение, что волнения и теории губительны, и что все следует предоставить “времени и Провидению”. Это был прямой общественный квиетизм. Правда, Карамзин говорил, что нужно просвещение, но он остерегался говорить, должно ли это быть настоящее просвещение и что с ним делать, когда оно будет приходиться к теориям» [7, с. 258].

Таким образом, можно наблюдать, как Пыпин пользуется приемами реальной критики, но теперь уже в сфере научной интерпретации, с полным убеждением в своей правоте используя эволюцию взглядов Карамзина для разоблачения современных консерваторов. Подрубая их методологическое основание, он как бы оптом лишает их правоты и сострадания к народу, желая улучшить его положение. Пыпин совсем не видит в Карамзине того, что видел и ценил в нем Пушкин, – независимости взглядов, готовности любой ценой их защищать; для Пыпина Карамзин полон небескорыстного восторга перед Александром I. Осуждая историка за нежелание перейти от панегириков царю к «критически-хладнокровному» и полезному анализу, Пыпин, будучи, как и вся редакция «Вестника Европы», сторонником конституционной монархии, осуждал Карамзина за недостаточно жесткую критику неограниченной власти, будто забыв, что менее чем за год до его смерти на Сенатской площади состоялось восстание декабристов, что полвека назад у печати были совершенно другие возможности и иной исторический багаж. Позиция Пыпина обусловлена опытом шестидесятих годов, в которых сошлось очень много возможностей и потребностей, как политических, так и экономических.

И Карамзин, и даже Мещерский были сторонниками ограничения монархии, но иным способом и в иные сроки. Неумение находить общее, фанатичная приверженность мельчайшим деталям *своей* картины будущего, проявлявшаяся в принципиальных вопросах даже у толерантного Пыпина, приводили к резкой полемике, неудачным попыткам консолидации перед лицом исторических испытаний.

Для сотрудников редакции «Вестника Европы» базовыми ценностями были те, которые ранее назвал Белинский в знаменитом письме Гоголю и которые оставались главной целью демократической интеллигенции на протяжении XIX в. Способом их реализации была свободная печать, выступающая общественной трибуной, позволяющей не только высказаться, но и быть услышанным, а также ответить. Свободная дискуссия могла бы выработать, хоть и не сразу, умение не просто спорить, а взаимодействовать для общего блага. Ротация в прессе идей и мнений или теорий, как говорил Пыпин, была постоянным источником умственной и духовной работы для той социальной группы, которая была создана Петром I в качестве двигателя научного и промышленного прогресса страны. Впоследствии она самостоятельно трансформировалась для выполнения более обширных задач, стала застрельщиком и стимулятором духовного прогресса общества, источником неприятностей для власти, беспощадным зеркалом для социально безответственных групп и классов.

Вот почему для «Вестника Европы» положение журналистики и защита ее прав были актуальными вопросами на протяжении 1870-х гг. Например, в октябрьском номере журнала за 1875 г. автор статьи вспоминает дату, которую работники пера не почтили большим вниманием, а именно десятилетие годовщины принятия «Временных правил о печати». Обозреватель задает вопрос: как журналисты реализовали дарованные свободы, какие общественно важные вопросы разработали, чему научили своих читателей? [8, с. 802] Ответ печален: мало или почти ничего не сделали. Почти никто не вспомнил про эту дату, и дело не только в том, что некоторые решения оказались потихоньку отменены Комитетом по делам печати. Были другие причины: журналисты погрязли в мелочной тематике, в завистливой грызне, в погоне за барышом, а не в труде ради общественной пользы. Налицо профессиональное разобщение, не позволившее выработать общие нормы и правила журналистского труда. Вместо масштабного анализа текущей жизни – заметки о прегрешениях мелких чиновников, вместо защиты обездоленных – погоня за скандалами. Везде заметна зависимость журналиста от новых дельцов, пришедших в газетный бизнес и навязывающих законы буржуазного производства духовной сфере, что не может обмануть вдумчивого читателя. Признавая, что общественная сила печати базируется на тиражах, публицист все же

подчеркивает значение направления газеты как показатель ее адекватности запросам публики. По его мнению, консервативные газеты, как, например, «Гражданин», не могут иметь большого влияния, поскольку отражают интересы незначительной группы людей, опираются на узкую консервативную идеологию, обращенную в прошлое и не имеющую четких методологических оснований. По мнению публициста, консерватизм всегда узко националистичен, обращен к частному, а не универсальному в истории любой страны, не выработал общих международных принципов. Либерализм же имеет общие постулаты, равно близкие и понятные в разных странах – свободу печати, независимый суд, свободу совести и самоуправление [8, с. 803]. У консерваторов выдвигаемые принципы зависят от личных предпочтений (писателя или публициста), поэтому они разрознены даже в России и не могут иметь серьезного общественного значения.

Позиция журнала «Вестник Европы» в дискуссиях 1870-х гг., в которых одной из ведущих тем была роль интеллигенции и, более узко, нигилистов в текущих и грядущих социальных реформах России, имела специфические черты. Молодое поколение 1870-х, вышедшее из радикального студенчества 1860-х, стало в это время как субъектом социальной практики, так и предметом литературно-журнального обсуждения, что проявилось и в публицистике, и в романах о новых людях, и даже в антинигилистических романах. Страсти кипели не только во время студенческих демонстраций, но и в горячих дискуссиях, в которых активное участие принимали все ведущие издания той поры. Среди защитников традиционного уклада русской жизни и государственности были представители консервативной идеологии, избравшие своей трибуной «Русский вестник» и «Московские ведомости» в Первопрестольной и газету «Гражданин» в Петербурге. Наиболее ожесточенную дискуссию с ними вели такие издания демократической направленности, как «Отечественные записки» и «Новое время» (на ранней стадии издания), позволявшие себе резкие выпады против личности, сатирические приемы, карикатуры и памфлеты. Особое положение занимал «Вестник Европы», в котором на тот момент печатались как бывшие авторы «Современника» (например, А. Н. Пыпин), так и другие публицисты, имевшие за плечами научно-педагогическую карьеру (например, М. М. Стасюлевич), более склонные к корректной критике и обтекаемому, осторожному высказыванию своих взглядов.

Полемика между «Гражданином» и «Вестником Европы» существенно отличалась от той, что велась с «Отечественными записками». Этот вопрос уже рассматривался нами [9], и анализируя позиции полемистов, приходилось отмечать жесткую, злую, язвительную критику «Отечественных Записок» и ведущего критика той поры Н. Михайловского, часто прибегавшего к сатирическим приемам и даже

переходящего на личности, затрагивавшего вопросы частной жизни и стремившегося уничтожить соперника в глазах читателей. Он часто смешивал в отзывах на творчество Мещерского его публицистические и беллетристические произведения, перенося оценки с одного вида деятельности на другой, например: «Без дельной мысли обесценивается и литературный талант». Поэтому он иронизирует над князем, относя его тексты к устаревшей обличительной литературе, которая поднялась «на высшую ступень развития и теперь обличает уже не одного исправника N-ской губернии, а ни больше, ни меньше как высших чиновников церкви и государства» [10, с. 86]. Михайловский придает уничижительную окраску отзыву, сообщая, что поскольку Мещерский пишет так много, что все и не охватишь, его без ущерба для смысла можно читать «как с начала, так и с середины, и с конца», глумливо добавляя, что «такова сила таланта». Далее он использует новое определение идейной и эстетической позиции Мещерского, называя его «юродивым князем». Прием высмеивания и сатирического развенчания идеологического противника-консерватора Михайловский последовательно применял относительно и последующих произведений князя, выводя его творчество за границы достойной внимания читателя литературы, отбивая у читателя интерес к его политической программе и журналистской деятельности, формируя имидж Мещерского как некоего претенциозного реликта. Средства, использованные критиком, оказались весьма эффективными, и литературная репутация Мещерского сохранилась в истории журналистики не столько благодаря его творчеству, сколько благодаря его критикам, опиравшимся в тот момент на сложившуюся в обществе социальную нетерпимость и создавшим устойчивый миф об «одиозном князе Мещерском».

«Вестник Европы» никогда не позволял себе критики, задевающей личность, поэтому, несмотря на взаимные нелицеприятные отзывы по поводу тех или иных публикаций, оба издания оставались в рамках политкорректности, как теперь принято говорить.

Наибольшее расхождение между «Вестником Европы» и «Гражданином» обнаруживается в отношении к интеллигенции. Если для Мещерского эта социальная группа является объектом постоянной критики, он почти ставит знак равенства между понятиями «нигилист» и «интеллигент», то во многих публикациях «Вестника Европы», принадлежавших не только перу Пыпина, но и других сотрудников, интеллигенция, зарожденная Петром I для узко прагматических целей в пору реформирования страны, оказалась жизнеспособной и необходимой России, взяла на себя функцию ее развития и просвещения, а значит, находясь часто в оппозиции к власти, выполняет важные функции для укрепления государства. Публицисты не отождествляли патриотизм с лестью и пиетизмом, а критику оппозиции – с отсутствием любви

к родине и преклонением перед Западом. Для Пыпина, почти всю жизнь посвятившего изучению деятельности русской творческой интеллигенции и считавшего ее солью земли русской, сохранение старого сословного уклада, за который ратовали консерваторы, в том числе и Мещерский, было антиисторической и недаленовидной позицией. Эта позиция должна быть подвергнута критике, тем более что она, в отличие от другого порождения Петра – бюрократии, – работала на будущее, тогда как последняя была только инструментом удержания страны в прошлом.

Взвешенная и аргументированная позиция «Вестника Европы» переводила дискуссию из плоскости отпора противникам «волосатых нигилистов» на уровень обсуждения исторических закономерностей и трансформаций социального уклада и тем самым способствовала понижению градуса спора и его переключению с личных обид и обвинений на конструктивный диалог, а потому была новаторским и плодотворным опытом соединения науки с публицистикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Котов, А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг. : (опыт ведения общественной дискуссии). Санкт-Петербург : Книжный дом, 2010. 224 с. ISBN 978-5-94777-226-5.
2. *Лапина, Г. С.* Русская пореформенная печать 70–80-х годов XIX века. Москва : Издательство Московского университета, 1985. 130 с.
3. *Теплинский, М. В.* «Отечественные записки» (1868–1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, 1966. 398 с.
4. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Письмо Пыпину А. Н. 2 апреля 1871. Петербург. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/pisma/pismo-310.htm> (дата обращения: 24.11.2020).
5. *Пыпин, А. Н.* Последние времена Московской Руси // Вестник Европы. 1894. № 11. С. 291–292.
6. *Пыпин, А. Н.* История русской литературы : в 4 томах. 4-е издание без перемен. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 3. X, 543 с.
7. *Пыпин, А. Н.* Общественное движение при Александре I : исторические очерки. Санкт-Петербург : Издание «Вестника Европы», 1871. [2], II, 487 с.
8. [Б. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 802–803.
9. *Щербакова, Г. И.* Ирония как средство развенчания идейных противников (на примере отзывов Н. Михайловского о произведениях В. Мещерского) // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13850> (дата обращения: 24.11.2020).
10. [Б. П.] Новые книги // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 82–86.

УДК 070(470-25)+75+929[Чернышевский+Флеров]

Е. В. Первалова

E-mail: helenpv@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»

**«ИСКУССТВО ДЕЙТЕЛЬНОСТИ»:
ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ-ПЕРЕДВИЖНИКОВ
В ОЦЕНКЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)**

Аннотация. В статье рассматриваются публикации авторитетной консервативной газеты «Московские ведомости», посвященные творчеству художников – членов «Товарищества передвижных художественных выставок». Отмечается, что основу полемики газеты с демократическими изданиями составляла не только разница в эстетических взглядах, но и расхождения политического характера. Публикации «Московских ведомостей» на искусствоведческую тематику носили консервативный характер и соответствовали общей концепции газеты, ее курсу на «разумный консерватизм». Издание не признавало социально ориентированного искусства, защищало свободу художника от социальных и политических установок, отстаивало принцип художественности как основу творчества.

Ключевые слова: искусство, «Московские ведомости», Н. Г. Чернышевский, С. В. Флеров, «Товарищество передвижных художественных выставок», искусство.

E. V. Pervalova

Moscow Polytechnic University

**“THE ART OF REALITY”:
THE WORK OF PEREDVIZHNIKI ARTISTS
IN THE ASSESSMENT OF THE CONSERVATIVE PRESS
OF THE 1860–1880s (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER
MOSKOVSKIYE VEDOMOSTI)**

Abstract. This article considers the publications of the authoritative conservative newspaper *Moskovskiyе Vedomosti*, dedicated to the work of artists – members of the “Association of traveling art exhibitions”. It is noted that the basis of the newspaper’s polemics with democratic publications was not only the difference in aesthetic views, but also differences of a political nature. The publications of *Moskovskiyе Vedomosti* on art history topics were conservative in nature and corresponded to the general concept of the newspaper, its course on “reasonable conservatism”. The publication did not recognize socially oriented art, defended the artist’s freedom from social and political attitudes, and upheld the principle of artistry as the basis of creativity.

Keywords: art, *Moskovskie Vedomosti*, N. G. Chernyshevsky, S. V. Flerov, “Association of traveling art exhibitions”.

В 1855–1856 гг. в некрасовском «Современнике» были напечатаны «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, написанные на основе его диссертации «Эстетическое отношение

искусства к действительности», защищенной в 1855 г. Публицист утверждал тезис «Прекрасное есть жизнь» и заявлял, что целью искусства должны стать объяснение жизни, объективная оценка общественных явлений и событий. Он противопоставлял свое учение распространенной в 1850-е гг. теории «чистого искусства», защитники которой, и в первую очередь А. В. Дружинин, главную цель искусства видели в служении абсолютным идеалам красоты и считали недостойным и недопустимым для истинного художника обращение к вопросам социальной действительности. Материалистическая эстетика очерков не только заложила основы нового этапа развития реализма в отечественной литературе и искусстве, но стала базисом новой мировоззренческой системы, сформировала целое поколение, видевшее в искусстве исключительно средство борьбы с социальными язвами и пороками. Реализм в искусстве при этом понимался в первую очередь как способ реализации общественных задач, достижения социального прогресса при условии верного и объективного отражения в произведениях действительности со всеми ее противоречиями, «темными» и «грязными» подробностями, социальными конфликтами и т. д.

Позиция демократов во главе с Чернышевским, место которого в демократической журналистике позже заняли Д. И. Писарев, М. А. Антонович, Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов и др., вызвала однозначно негативную оценку со стороны многих представителей русской литературы и общественной мысли – Л. Н. Толстого, А. В. Дружинина, В. П. Боткина и др. – и стала предметом ожесточенной полемики в прессе вокруг вопроса о целях и задачах искусства, которая не угасала на протяжении 1860–1880-х гг. Одним из ярких ее эпизодов стали споры о творчестве художников-передвижников – участников созданного в 1870 г. «Товарищества передвижных художественных выставок» – первого независимого объединения русских художников, противопоставившего казенной академической регламентации и государственному управлению искусством свободу художественного творчества и идею экономической самоорганизации.

В настоящей статье рассматриваются публикации, посвященные деятельности участников «Товарищества», в «Московских ведомостях» – авторитетном консервативном издании 1860–1880-х гг., редактором-издателем которого в указанный период был влиятельный публицист М. Н. Катков. Искусствоведческая тематика не являлась приоритетной в газете, ставшей в 1880-е «неофициальным департаментом», «в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике» [1, с. 14]. «Московские ведомости» были в первую очередь политическим органом, главную силу которого составляли передовые статьи самого Каткова. Написанные всегда страстно, эмоционально, полемично, они касались самых

разнообразных вопросов внутренней и внешней политики России, определяли идеологию и направление газеты.

Однако, несмотря на то что основное внимание «Московских ведомостей» было сосредоточено на вопросах политических, их тематический диапазон был весьма широк. В них, в частности, освещалась культурная, музыкальная, театральная жизнь Москвы и Петербурга, публиковались многочисленные рецензии на выставки, театральные постановки и т. д. В разные годы с газетой сотрудничали известные искусствоведы, музыкальные и театральные критики Д. В. Аверкиев, Н. А. Рамазанов, К. К. Герц, Г. А. Ларош, М. Е. Кублицкий, П. А. Щуровский, В. Ф. Одоевский и др. Консервативный характер «Московских ведомостей», которые на протяжении многих лет отстаивали идею «разумного прогресса» и постепенных преобразований в рамках неограниченной монархии, проявлялся также в материалах на темы культуры и искусства: издание убежденно защищало свободу художника от социальных и политических установок, отстаивало принцип художественности как основу истинного творчества, отвергало социально ориентированное искусство, утилитаризм и прагматичный подход к творчеству. Главную задачу искусства авторы «Московских ведомостей» видели в представлении аудитории возвышенных идеалов и потому с одинаковой резкостью критиковали как стремление превратить искусство лишь в предмет развлечения и услаждения, так и узкосоциальный взгляд на его содержание, видя и в том, и в другом упрощение и обеднение искусства. Весьма наглядно эстетическая программа газеты проявилась в освещении деятельности «Товарищества передвижных художественных выставок».

В первые годы существования «Товарищества» о его деятельности в газете писал драматург Л. Н. Антропов. Его установки на искусство формировались под сильным влиянием А. А. Григорьева, взгляды которого он пытался примирить с системой «реальной критики» Н. А. Добролюбова. Оставаясь в целом на позициях «чистого искусства», Антропов рассматривал в качестве «главнейшей стихии дарования» «народность» и исходя из этого оценивал произведения современной литературы и театральные постановки. В своих публикациях о передвижных выставках он, как правило, ограничивался перечислением представленных полотен и кратким пересказом их сюжетов, лишь изредка сопровождая свои описания какими-либо оценками и комментариями. Ситуация изменилась в 1875 г., когда с газетой на постоянной основе начал сотрудничать выпускник историко-филологического факультета Московского университета С. В. Флеров, ставший со временем одним из ведущих музыкальных, театральных и художественных обозревателей «Московских ведомостей». Именно его перу принадлежат обширные ежегодные обзоры передвижных выставок, печатавшиеся подчас с продолжением

сразу в нескольких номерах газеты. С его приходом художественная критика в «Московских ведомостях» приобрела концептуальность и, что называется, свое лицо.

Флеров был убежденным сторонником концепции «чистого искусства», видел в нем в первую очередь источник «успокоения, примирения с жизнью, света, нравственного очищения» [2]. Предметом истинного искусства в его представлении была «частица вечной истины, правящей миром и приводящей ко благу все, что в нем совершается», частица, от соприкосновения с которой «происходит светлое и радостное чувство, разливаемое искусством, в ней основа гармонии, отличающей произведения искусства от явлений действительной жизни» [2]. В стремлении брать за основу исключительно злободневные темы и сюжеты публицист видел «голый реализм», деформацию объективной действительности, разрушение художественности, вне которой, по его мнению, не существовало нравственно-общественного значения искусства. Он с возмущением писал о тех, кто ставит творчество «в услужение вседневной жизни и заботам дня», низводя его, таким образом, «на степень репортерства» [3], тогда как «свободно должен парить “свободный” художник над мелькающею вереницей событий, выхватывать из них лишь черты, способные иллюстрировать вечным вечное, подтверждать частное общим» [3]. Его публикации были полемически направлены против В. В. Стасова – главного идеолога и вдохновителя передвижников, крупнейшего художественного и музыкального критика тех лет, сторонника социально ориентированного искусства, чьи эстетические взгляды во многом формировались под влиянием революционно-демократической эстетики Чернышевского и Добролюбова.

Критик «Московских ведомостей» с горячим одобрением и похвалой отзывался о просветительской деятельности «Товарищества», благодаря которому жители не только крупных столичных городов – Петербурга, Москвы, Киева, – но и российской глубинки смогли познакомиться с современной отечественной живописью. Так, уже первая выставка, открытая в 1871 г. в Петербурге, успела за два месяца побывать в Москве, Киеве и в Харькове, а следующие выставки выезжали в Ярославль, Тулу, Саратов, Воронеж, Ригу, Кишинев, Казань, Одессу и другие российские города. Помимо просветительских целей достигались и финансовые: вырученные средства за вычетом пяти процентов и стоимости билетов шли на зарплату художников, тогда как доходы от выставок Академии художеств, в год едва достигавшие пяти тысяч рублей, получала государственная казна. «Московские ведомости» писали о просветительской деятельности «Товарищества» как о «чрезвычайно полезной» и заслуживающей «признательности за прошлое и дальнейшего поощрения в будущем со стороны русского

общества», подчеркивали, что передвижные выставки «служат делу искусства, художественного развития и воспитания публики», знакомя «с произведениями русских художников такой широкий круг русской публики, какому, наверное, не были бы известны эти произведения, если бы выставка их производилась исключительно в Москве или в Петербурге» [4]. С восторгом Флеров писал о таких шедеврах, как «Малороссийская ночь» А. И. Куинджи, «Ночь» И. Н. Крамского, «Новое знакомство» К. В. Лемоха, «Засуха» Г. Г. Мясоедова и др., в которых отмечал постижение художниками «тайны народного духа», умение передать гармонию бытия, отразить характер русского человека «таким, каков он есть, не подбавляя к нему ни перца ни сахара» [5].

И все же значительная часть работ членов «Товарищества» оценивалась Флеровым весьма скептически. Видя одну из главных задач живописи в формировании чувства прекрасного, в передаче чувств, настроений и переживаний от художника к зрителю, Флеров негативно писал о полотнах, на первом плане которых выступала социальная тематика или отсутствовала, по его мнению, положительная идея. Так, резко отрицательно он отозвался об историческом полотне В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни», которое показалось ему лишенным этического содержания, вследствие того что художник, по его мнению, так и не смог определиться, какой из сторон он сочувствует – стрельцам или Петру. «Это большая ошибка, – подводил итоги Флеров. – Одно из двух – г. Суриков сочувствовал или Петру, или стрельцам. Это сочувствие той или другой стороне должен был он выразить в своей картине, и тогда картина его получила бы тот внутренний смысл, который напрасно ищет в ней зритель теперь. Для художника нет выбора. Его историческое лицо должно быть или хорошо, или дурно, право или неправо, велико или низменно» [6].

Прав ли художник, избирая для своих полотен сюжеты, пробуждающие в зрителе «невыразимое чувство страдания», но при этом не давая ему ни малейшего утешения, не ведя к душевной гармонии, не пробуждая светлых, радостных переживаний? Ответ на эти непростые вопросы рецензент «Московских ведомостей» пытался найти, анализируя едва ли не самое мрачное из произведений В. Д. Поленова – картину «Больная», представленную на четырнадцатой передвижной выставке в 1886 г. На мрачном, почти черном полотне зритель видел тонкую фигурку лежащей на постели девочки, очертания которой скрадывала сизая, словно туман, мгла, ее освещенное настольной лампой осунувшееся лицо, огромные блестящие глаза, а в глубине комнаты едва заметные очертания женской фигуры, возможно, матери или сестры умирающей. Все в картине подчеркивало неотвратимость трагического исхода и бессилие перед приближающейся смертью. «От этой картины можно зарыдать...», – совершенно искренне писал Флеров, отмечая,

что художник «с изумительной правдивостью» передал драму смерти, от которой «невыразимое чувство страдания охватывает душу зрителя». Однако взгляд на искусство исключительно как на «источник успокоения, примирения с жизнью, света, нравственного очищения» не позволил критику по достоинству оценить это полотно. По его мнению, не доставало гармонии, место которой занял «мучительный диссонанс, кристаллизация нестерпимого, мучительного томления». «Искусство имеет полное право изображать пред нами страдания, мучения и ужасы, но под непременно условием вызвать в нас посредством испытанных нами страданий чувство высшего порядка, очищающее чувство духовного просветления, – рассуждал Флеров. – Этический момент не может быть опускаем из вида при обсуждении картины, имеющей своим предметом изображение единственного существа, до которого этот предмет касается, человека. Если вам становится тяжело на душе при виде известной картины и в это состояние душевного угнетения не западает из той же картины ни единого луча света, если вы не чувствуете себя после перенесенного вами нравственного томления, после испытанной вами скорби лучшими, просветленными, духовно очищенными, если вы не можете принудить себя снова вернуться к картине, инстинктивно боитесь, проходя мимо, опять взглянуть на нее, – то это верный признак отсутствия этического момента в изображении страдания и в вызываемом этими изображениями томительном чувстве» [2]. Знал ли строгий критик, что на это полотно, которое создавалось Поленовым на протяжении тринадцати лет, художник решился перенести собственные тягостные переживания, связанные с целой чередой личных невосполнимых утрат – безвременной смертью княжны М. А. Оболенской, любимой им в молодости, кончиной Е. А. Богуславской, с которой длительное время состоял в переписке, наконец, смертью новорожденного сына-первенца и скоропостижной кончиной своей сестры В. Д. Хрущевой? По всей вероятности, вряд ли, иначе он никогда не написал бы, что Поленов «был решительно не прав, избрав такой сюжет исключительно для целей живописных, для того чтобы показать свое мастерство и умение» и «не прочувствовал своей картины, не пережил леденящего ужаса изображенной им драмы» [2]. По мнению Флерова, глубоко реалистичное изображение на картине трагедии смерти «бесцельно растравило» «столько глубоких, не заживающих ран <...> в чутких материнских сердцах». Этическая сторона картины показала критику важнее лежащей в ее основе реальной жизненной правды.

В выступлениях художественного критика «Московских ведомостей» весьма взыскательной оценке подвергались техническое исполнение представленных на выставке полотен, небрежное обращение с перспективой, неряшливость в деталях, увлечение внешней виртуозностью и новыми техническими приемами в ущерб внутреннему

содержанию и т. д. По этой причине пейзажи «Вечер» и «Лес» работы Куинджи, которого, кстати, Флеров считал одним из самых замечательных живописцев своего времени, были отмечены в его художественном обзоре всего лишь как «превосходные этюды освещения», талантливая попытка художника передать поразивший его эффектный контраст между мраком и пурпуром, «багрянец, сверкнувший сквозь деревья и заливший своим пурпурным отливом белые стены хаты» [7]. «Небрежность письма», «намеренное, принципиальное пренебрежение к “выписыванию” и отделке подробностей» Флеров отмечал едва ли не во всех работах В. М. Васнецова, написанных по сказочным сюжетам, подвергая их резкой критике и сравнивая с «совершенно безразличными политипажами, которыми издатели снабжают различные рассказы из русской истории» [8].

Разделяя в целом стремление передвижников к отражению явлений современной действительности, Флеров считал ошибкой преобладание в творчестве многих из них сатирических и обличительных тенденций, излишнее, на его взгляд, внимание к изображению преимущественно негативных сторон жизни. Это направление в искусстве он называл «реально-натуралистическим» или «фальшиво-тенденциозным» и остроумно сравнивал созданные под влиянием «тенденции» полотна с «написанным масляными красками фельетоном» и с иллюстрациями «провинциальных корреспонденций, журнальных статей, сатирических и обличительных рассказов, незрелых, задорных, полуневежественных, quasi-научных очерков русской социологии» и т. п. [4] По его глубокому убеждению, использование средств искусства для удовлетворения сиюминутных запросов современного общества, демонстрации лишь темных сторон человеческого бытия, обличения социального зла наносит ущерб всем другим его задачам. В социально ориентированной живописи Флеров видел тенденциозность, односторонность и ограниченность подходов к искусству, отрицание его эстетической роли: «Наши художники пустились в сатирико-обличительное направление. Русские литераторы отрицали Пушкина, русские живописцы отрицали Рафаэля. Литература и искусство, хранители и оберегатели духовных идеалов, духовного сокровища нации, внезапно почувствовали призвание стать более реальными, нежели самая жизнь, – с горечью писал рецензент “Московских ведомостей” о стремлении русских живописцев видеть в действительности лишь ее отрицательные стороны. – Оказалось недостаточным брать эту жизнь какова она есть. Для русского реализма потребовалось исключительно все безобразное. Если художнику нужно было изображать русского мужика, то он непременно брал мужика самого “ледашенького”, самого “заскорuzлого”, испитого, болезненного; реалисты – художники наши точно “идеализировали”

в направлении безобразия, как прежде считалось необходимым “прикрашивать”» [9]. Подобный взгляд на действительность критик «Московских ведомостей» объяснял увлечением «односторонним, непонятым культом грубейшего реализма», следствием которого стало подавление в себе эстетического чувства, творческой свободы и художественной фантазии, что и заставило многих из них перейти черту, «отличающую искусство от грубой действительности» [10].

Еще большую неприязнь у Флерова вызывало стремление передвижников к отражению политических реалий современности, что особенно заметно проявилось в его оценке картины И. Е. Репина «Не ждали», экспонировавшейся на двенадцатой передвижной выставке в 1884 г. Художник изобразил встречу революционера, вернувшегося из ссылки, с семьей, уже отчаявшейся увидеть его живым. Темная фигура ссыльного на фоне светлого дверного проема, его настороженный взгляд, усталая фигура матери, еще не до конца поверившей в то, что к ней вернулся давно утраченный сын, радость и одновременно страх в глазах детей, старший из которых уже почти готов кинуться на шею отцу, недоуменный взгляд горничной – все это демонстрирует драматизм сцены, напряженность немой паузы, возникшей при его внезапном появлении. Подобный сюжет в 1880-е гг., когда политические процессы стали реалиями повседневной жизни, был понятен каждому зрителю, в герое картины все однозначно угадывали политического ссыльного, осужденного, возможно, за пропаганду народнических идей, интерес к которым в среде разночинной интеллигенции продолжал оставаться весьма высоким. Именно этот политический подтекст стал предметом резкой отповеди автора «Московских ведомостей» в адрес художника. «Это не картина; это загадка, – пишет Флеров. – Художник изображает какого-то худого и желтого мужичку неопределенных лет, одетого не то в армяк, не то в какой-то арестантский халат. Мужчина этот вошел в комнату, по-видимому, служащую гостиной где-то на даче или в деревне. <...> На лице вошедшего нет никакого определенного выражения, общее впечатление лица и фигуры носят характер какой-то тупой робости с оттенком идиотизма. Таково содержание картины» [3]. Не подвергая сомнению талант Репина-живописца, Флеров увидел в его полотне «ребяческое, фельетонно-самодовольное отношение к искусству, недостойное зрелого художника отсутствие зрелой мысли!» и в буквальном смысле обвинил художника в стремлении поставить свое творчество на службу политической пропаганде и удовлетворению любопытства публики, всегда падкой на скандальные и сенсационные факты и подробности. Даже название картины, по мнению критика, являлось примером «рабьего языка», не достойного искусства, смешной и насквозь фальшивой попыткой художника завуалировать свой истинный замысел. «Г-н Репин многозначительно подмигивает нам

одним глазом: “Смотрите, каков я! Ведь у меня нарисован – политический ссыльный!”» – с иронией пишет критик и затем выносит свой окончательный приговор: «Жалкая гениальность, покупаемая ценой художественных ошибок, путем подыгрывания к любопытству публики и посредством “рабьего языка ”» [3].

Подводя итоги, можно отметить, что в художественной критике 1860–1880-х гг. наглядно отразилась идейная борьба различных политических группировок российского общества в последнюю треть XIX века. История, безусловно, все расставила по своим местам, и сегодня уже никто не сомневается в значении для русского искусства творчества Репина, Васнецова, Поленова и других передвижников, чьи полотна подвергались столь резкой и подчас несправедливой критике публициста консервативной московской газеты. Он, конечно же, не смог избежать ошибок в своих оценках, субъективности и пристрастности. Однако опора на классическое наследие нередко позволяла ему глубже, чем последователям «реальной критики», проникать в смысл произведений искусства, уделяя больше внимания заключенному в них сокровенному замыслу автора. Более того, уважения и внимания заслуживают протест консервативной печати против тенденции поверхностного отношения к искусству, требование вдумчивого и уважительного отношения к традициям и опыту прошлого, мысль о том, что недопустимо ставить художественное творчество в зависимость от политических, идеологических и социальных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Любимов, Н. А.* Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // *Русский вестник*. 1888. Т. 194, кн. 1. С. 1–54.
2. *** <Флеров С. В.> Итоги передвижной выставки // *Московские ведомости*. 1886. 15 мая (№ 132).
3. *Васильев, С.* <Флеров С. В.> Художественная заметка // *Московские ведомости*. 1884. 10 мая (№ 128).
4. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка // *Московские ведомости*. 1882. 14 августа (№ 224).
5. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1878. 9 июня (№ 145).
6. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1881. 26 апреля (№ 114).
7. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1878. 19 мая (№ 126).
8. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1881. 29 апреля (№ 117).
9. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1880. 1 мая (№ 119).
10. *** <Флеров С. В.> Передвижная выставка картин // *Московские ведомости*. 1880. 7 мая (№ 125).

УДК 908(470.341)+929Кельцев

Е. И. Никанорова

E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
В РУССКОМ ТРАВЕЛОГЕ С. КЕЛЬЦЕВА
«ИЗ ПОЕЗДКИ НА УРАЛ»**

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия Нижнего Новгорода второй половины XIX века русским писателем и общественным деятелем С. А. Кельцевым, посетившим Россию в 1887 году и отразившим свои впечатления в книге «Из поездки на Урал». Перед современным читателем предстаёт образ Кельцева – путешественника, журналиста, фотографа, публициста, историка, который делится своими впечатлениями о важнейших российских городах.

Ключевые слова: С. А. Кельцев, травелог, путевой дневник, Нижний Новгород, литературные связи.

E. I. Nickanorova

K. Minina Nizhny Novgorod State Pedagogical University

**HISTORICAL PICTURES OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION
IN THE RUSSIAN TRAVEL GUIDE BY S. KELTSEV
“FROM A TRIP TO THE URALS”**

Abstract. This article analyzes the perception of Nizhny Novgorod in the second half of the XIX century by the Russian writer and public figure S. A. Keltsev, who visited Russia in 1887 and reflected his impressions in the book “From a trip to the Urals”. Modern readers can benefit greatly from learning about S. A. Keltsev’s views on the most important Russian cities, since he perceived them not only as a traveler, but also as a journalist, photographer, publicist and historian.

Keywords: S. A. Keltsev, travelogue, travel diary, Nizhny Novgorod, literary relations.

Образ Нижегородского края создавался на протяжении нескольких веков как местными (М. Горький, Н. Храмцовский, А. Печерский, В. Шамшурин и др.), так и приезжими писателями (А. Островский, Т. Готье, В. Короленко, А. Н. Толстой и др.), что позволяет определить значимость «нижегородского текста» и создаёт основу для развития исследований историко-литературного характера, важных для регионального самосознания.

В начале XIX века Нижний Новгород едва ли можно назвать «главным» городом: почти все постройки были деревянными, отсутствовали удобные дороги. Однако после перенесения Макарьевской ярмарки всё меняется: под руководством А. А. Бетанкура сооружается

огромный ярмарочный комплекс, возводятся крупные здания промышленных предприятий, банков, гостиниц, реставрируются и воссоздаются храмы и соборы.

В XIX веке Нижний Новгород становится объектом посещения для императорских лиц (Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и др.). Одни приезжали в город исключительно с официальным визитом – посмотреть на работу губернатора и дворянства, узнать общественное мнение о необходимости проведения реформ в России и т. д., другие – подивиться размаху «многонациональной» и «широкой» ярмарки, посетить соборы, монастыри, храмы и т. д.

В 1887 году их Императорские Высочества Великие Князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович отправились в дальнюю поездку на Урал, в Екатеринбург, с целью посетить Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку. Их путь лежал, в частности, и через Нижний Новгород. В свите оказался русский писатель, общественный деятель и журналист Сергей Андреевич Кельцев (1858 (?) – 1917), который увидел Нижегородский край последней трети XIX века важным центром духовной культуры России.

По итогам поездки на Урал и в Сибирь С. Кельцев публикует серию путевых заметок и очерков в газетах «Московские ведомости» и «Правительственный вестник», которые представляют собой «подробный репортаж об основных событиях путешествия, в том числе о горячей встрече высоких гостей по маршруту их следования» [1, с. 33]. И уже в 1888 году в Москве выходит отдельная книга С. А. Кельцева «Из поездки на Урал», в которой динамично и подробно описаны впечатления от данного путешествия.

Великие князья посетили такие города России, как Москва, Казань, Вятка, Пермь, Нижний Новгород и др.

Как пишет в своей статье Е. Г. Власова, «до этого времени большинство литературных поездок на Урал носило попутный или общий ознакомительный характер: это были ссылки, а также деловые и частные, чаще всего транзитные, поездки. Ситуация начала меняться в конце 1870-х – начале 1880-х гг.» [1, с. 33], когда писатели и журналисты, сформировав традицию критического отношения к современной жизни провинции, делали попытки переосмысления современности с целью создания образа «небольшого города», описание которого отличалось информационным характером, а также сочетало в себе литературное начало и этнографические зарисовки.

Первый раздел книги С. Кельцева представляет собой некий репортаж о путешествии князей на Сибирско-Уральскую выставку. Язык повествования схож с газетным: фиксируется путь следования, даётся чёткая информация о событиях: «7-го июня, в 9 ч. 30 м. утра. . . прибыли в Нижний Новгород» [2, с. 6]; «посещение Нижнего 37 лет

назад . . . напомнило о втором своём посещении города в 1865 году» [2, с. 6]. Князя заслушивают доклад губернатора, следуют в собор, где спускаются к могиле Козьмы Минина, посещают детский приют и затем на пароходе «Ярославль» отбывают в 13:00 дальше. Автор даёт основные сведения о Нижнем Новгороде, сочетая их с личной оценкой: «. . . новый Александро-Невский собор, замечательный как по своей величине, так и по прекрасной новейшей архитектуре» [2, с. 59]. Это позволяет сделать вывод об изменениях в жанре газетного травелога, одним из основоположников которого считался С. Кельцев: информативно-событийное повествование сочетается теперь с изобразительным.

Большой интерес представляет вторая часть книги, именуемая «От Москвы до Екатеринбурга (из путевых заметок)», написанная в виде очерковых зарисовок того же путешествия. В ней представлены исторические сведения, пейзажные наброски и обобщённый портрет города и населения.

Первая глава, названная «Москва – Нижний Новгород», начинается с рассуждения автора о путешествиях вообще. Кельцев говорит о важных составляющих успешной поездки: расположении духа путника, внешней обстановке, погоде и солнцу – «оно для него друг, утешитель, отдалённая идея о Боге-Покровителе» [3, с. 1].

Кельцев также подмечает, что начиная с Нижнего Новгорода всё для него «окрашивалось интересом новизны». Он с упоением описывает свои впечатления от посещения города, где всё для него представляет «очаровательную панораму»: «. . . широко раскинувшаяся на левом берегу Оки “ярмарка” или Макарьевская часть, с возвышающимся на ней новым собором, и высоко поднятый террасообразно на Дятловых горах город. . . и т. д.» [3, с. 2]. Автор признаётся, что не рассчитывал увидеть в Нижнем Новгороде ничего, «кроме вокзала и паровой пристани».

Вместе с тем влияние журнализма оказывается не менее значимым на уровне авторской позиции, оценки и характера построения образа города в целом. С. Кельцев ведёт некий диалог с читателем, предоставляя ему фактическую и актуальную информацию: подробно описывает три пассажирских парохода, их достоинства и недостатки, время в пути, плату за багаж и т. д. Тем самым составляется некий путеводитель по городу для начинающего путешественника.

Отправляясь в Нижний Новгород впервые, Кельцев навёл справки о городе, имеющем большое «торговое значение», связанное с «великим сходбищем». Автор с журналистской педантичностью описывает повозку и цену на извоз «в ярмарочное и не-ярмарочное время», задаваясь вопросом, адресованным читателю: «Отчего же в Москве досель таксы извозчикам нет?» [3, с. 3].

С. Кельцев имел духовное образование, его дед был священником, дядя скончался в сане епископа, отец также закончил семинарию, а очевидно именно с этим был связан его выбор «выдающихся по древности

достопримечательностей»: он посещает соборы, церкви, монастыри. Автор не заходит ни в кремль, считавшийся по праву каменным ожерельем города, ни на Нижегородскую ярмарку – «карман России», – ставшую местом сосредоточения всех технических и промышленных новшеств того времени.

С. Кельцев с восхищением и блаженством описывает «величественный крестный ход», совершаемый у Преображенского собора, упоминая между делом кем, когда, зачем и в память какого события совершалось шествие.

Посещая Архангельский собор, автор обращает внимание на священническое облачение, а в Благовещенском – на старинные иконы Христа Спасителя. С. Кельцев с присущим ему «репортажным прицелом» точно фиксирует значимые даты, места, города, связанные с написанием икон, картин, основанием часовен.

В описании заметна динамика перемещения с одного объекта на другой, от одной достопримечательности к другой. Автор едва ли подолгу задерживается в одном месте, но при этом даёт чёткую сопроводительную информацию о «замечательной древности»: «написана в 993 году», «находится в конце Похвалинского съезда», «основана в 13 веке» и т. д.

Путём перечисления видимых объектов С. Кельцев создаёт образ действительности, указывая с фотографической точностью на предметы и реалии окружающего его мира, которые, вместе с тем, не лишены оценочности: «В соборе Благовещенского монастыря, принадлежащего к числу древнейших в России, замечательна по древности икона Корсунской Божьей Матери, написанная, как значится в греческой надписи на ней, в 993 году; икона эта, по преданию, дана в монастырь основателем его святителем Московским, митрополитом Алексием, в то время, когда он в 1359 году возвращался из Золотой Орды» [3, с. 4].

Безусловно, он проявляет живой интерес и к архитектуре Нижнего Новгорода, сравнивая Строгановскую церковь с собором Василия Блаженного в Москве, давая краткую историческую справку о создании церкви, а посетив Печёрский монастырь, приходит к выводу, что данная «обитель доведена до полуразрушения», и его возмущает, что государство не заботится о сохранности монастыря, построенного в XVII веке, который существует исключительно на пожертвования добрых людей.

С. Кельцев покидает город, осмотрев его всего за три часа, так и не посетив основной достопримечательности – ярмарки. Вместе с тем, исследуя и оценивая духовное наследие Нижнего Новгорода, автор «демонстрирует искусство словесной фотографии», дающее читателю возможность сформировать наглядный образ главных религиозных объектов города.

В своих путевых заметках он восхваляет реку Волгу, обращаясь к ней ласково – «матушка Волга», «реченька глубокая». Автор наслаждается водным путешествием, подмечая, что после вагона, тряски, духоты и пыли так приятно чувствовать себя на пароходе, на свежем воздухе и на просторе, физически ощущая широту пространства.

С. Кельцев с присущей ему журналистской наблюдательностью отдаёт предпочтение не описанию бескрайних просторов реки, а деревням и сёлам, скорее, их перечислению, где важно количество жителей, год основания, сколько судов ежегодно грузится, на какую сумму и т. д., дополняя сведения небольшими зарисовками о природе: «красивые виды на Волгу», «живописные картины прибрежных городов», «левый берег . . . представляется очень однообразным».

Примечательно, что направленность зрения меняется, перемещаясь по кругу, где доминирующим становится ракурс, направляющий взор читателя с левого берега Волги на правый и обратно. Характер пути меняется по мере удаления от Нижнего Новгорода: автор указывает на ширину реки, и всё ему кажется просторным и «красивым»: «. . . ширина её (Волги) доходит до версты, а берега принимают всё более и более живописный характер» [3, с. 6]; но чем дальше идёт пароход, тем безграничней и свободней кажется местность: «. . . торговые сёла, отстоящие друг от друга в 5–10 верстах», «. . . Подновье, в 5 верстах от Нижнего, растянувшееся на две слишком версты. . .», «за Исадами, на протяжении 70 вёрст, правый горный берег Волги . . . усеян множеством фруктовых садов» [3, с. 8] и т. д. Обращая внимание на деревни и сёла, давая некую информационную справку о том или ином месте, С. Кельцев непременно старается увидеть и описать церковь, монастырь, храм, которые, по его мнению, находятся в полуразрушенном состоянии и требуют средств к «возобновлению»; впечатления его строятся на контрасте, где с одной стороны красуется белая каменная старообрядческая церковь, а с другой – «маленький деревянный серенький православный храм». Продвигаясь дальше по Волге, С. Кельцев не раз подчёркивает и убеждает читателя в том, что Россия – страна многогранная и противоречивая.

Историко-литературный процесс в России в XIX веке определялся общественно-политическими, экономическими и культурно-географическими факторами, среди которых особняком стоит практика путешествий. Изучение и освоение земель способствовало появлению жанра травелога, находящего своё воплощение в путевых заметках и очерках. В литературе путешествий есть статика (описание) и динамика (смена впечатлений), путь к самопознанию человека (народа, цивилизации и т. п.) и дорога к постижению тайн мироздания [4, с. 55]. Этот жанр имеет своеобразную пограничность, большую и непосредственную связь с реальной жизнью. Начиная свой путь от простой поездки,

С. Кельцев доходит до изображения целого путешествия, полного впечатлений, переживаний и чувств. Описание Нижнего Новгорода и Нижегородского края стоит особняком во второй части «От Москвы до Екатеринбурга». Только здесь автор находит и раскрывает духовное богатство города, его архитектурное величие и красоту «плавной и спокойной матушки Волги», уносящей путешественника дальше к другим берегам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власова, Е. Г.* Урал в газетном травелогe С. А. Кельцева // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 32–39. ISSN 1728-9718.
2. *Кельцев, С.* Из поездки на Урал. I. Путешествие их Императорских Высочеств Великих Князей Михаила Николаевича и Сергея Михайловича. Москва : Типография Общества распространения полезных книг Мохова, 1888. 61 с.
3. *Кельцев, С.* Из поездки на Урал. II. От Москвы до Екатеринбурга (из путевых заметок). Москва : Типография Общества распространения полезных книг Мохова, 1888. 72 с.
4. *Гуминский, В. М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Москва : ИМЛИ РАН, 2017. 608 с. (Русская классическая литература в мировом контексте). ISBN 978-5-9208-0536-2.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 821.161.1.09-3+929Чернышевский

Ю. Н. Борисов

E-mail: yunborisov@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: Н. К. ПИКСАНОВ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Аннотация. Предлагаемая републикация давней работы о Чернышевском отсылает нас ко времени создания музея великого саратовца в его родном городе. Николай Кириякович Пиксанов (1878–1969) был одним из тех, кто активно содействовал становлению музея, столетие которого мы отмечаем в 2020 году, активно сотрудничал с его основателем и первым директором Михаилом Николаевичем Чернышевским (1858–1924) в собирании и изучении наследия выдающегося мыслителя и писателя. Долгие годы длилась творческая дружба Н. К. Пиксанова с Ниной Михайловной Чернышевской (1896–1975), возглавившей музей своего знаменитого деда в 1939 году.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, Н. К. Пиксанов, Н. М. Чернышевская, филологическое наследие.

Yu. N. Borisov

Saratov State University

A PART OF PHILOLOGICAL HERITAGE: N. K. PIKSANOV ABOUT N. G. CHERNYSHEVSKY

Abstract. The proposed republishing of an old work about Chernyshevsky refers us to the time of the birth of the museum of the great Saratov man in his hometown. Nikolay Kiryakovich Piksarov (1878–1969) was one of those who actively contributed to the formation of the museum, whose centenary we are celebrating this year, actively collaborated with its founder and first director Mikhail Nikolayevich Chernyshevsky (1858–1924) in collecting and studying the heritage of an outstanding thinker and writer. Creative cooperation between N. K. Piksarov and Nina Mikhailovna Chernyshevskaya

(1896–1975) – the head of her famous grandfather’s museum since 1939 – lasted for many years.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, N. K. Piksarov, N. M. Chernyshevskaya, philological heritage.

Работа Н. К. Пиксанова «Разум и сердце Чернышевского. (Психологическая характеристика)» впервые была опубликована в 1928 году в журнале «Искусство» («Журнал государственной академии художественных наук». Т. IV, книга 3–4, с. 5–22) и предварялась словами: «Посвящается П. А. Сакулину». В сноске к заглавию указывалось: «Речь на торжественном соединенном заседании ГАХН и Общ<ества> Люб<ителей> Рос<сийской> Словесности 29 ноября 1928 г.». Через пять лет Н. К. Пиксанов включил текст юбилейной речи, посвященной столетию Н. Г. Чернышевского, в сборник своих статей «О классиках» (1933)¹. По этому последнему прижизненному изданию текст его речи печатается в нашем сборнике. Авторское определение жанра в этом случае весьма существенно, поскольку мотивирует ораторскую приподнятость стиля и эмоциональную насыщенность текста.

Есть все основания полагать, что замысел дать развёрнутую многогранную «психологическую характеристику» Чернышевского был особенно дорог Пиксанову. И сложился этот замысел в саратовские годы жизни учёного, в тесном общении с ближайшими родственниками Николая Гавриловича, что, видимо, позволило ему найти деликатный и вместе с тем объективно аналитический тон при обсуждении не только научной, литературной, публицистической, общественной деятельности автора «Что делать?», но и глубоко личных сторон его жизни и авторефлексии. В ноябре 1919 года профессор Саратовского университета Пиксанов организует специальное заседание университетского Общества русской филологии и этнографии в память Н. Г. Чернышевского, на котором выступает с речью «Сердце Чернышевского». В программу этого заседания входили речь профессора Б. М. Соколова «Роман Чернышевского “Что делать?”» и доклад М. Н. Чернышевского «Из семейной хроники Н. Г. Чернышевского (неизданные письма)». Нет никаких сомнений – в тот ноябрьский день публике была представлена первая редакция переиздаваемого сегодня сочинения, к которому годы спустя учёный вернулся и придал окончательный вид. Изменение заглавия («Разум и сердце Чернышевского») обусловило характер «доработки» первоначального текста.

Приведем ещё несколько обстоятельств, притягивавших Н. К. Пиксанова к Саратову и, возможно, повлиявших на тот строй размышлений о Чернышевском, который реализовался в обсуждаемой работе учёного.

¹См.: Пиксанов, Н. О классиках : сборник статей : Пушкин, Гоголь, Тургенев, Салтыков, Чернышевский, Короленко, Чехов, Максим Горький. Москва : Московское товарищество писателей, 1933. С. 203–230.

В 1917 году Н. К. Пиксанов стал профессором Саратовского университета и вплоть до конца 1921 года проработал на вновь открывшемся историко-филологическом факультете. Затем он переехал в Москву и стал профессором Первого Московского университета. Гуманитарное сообщество профессоров первого призыва составляли С. Л. Франк (декан факультета), В. М. Жирмунский, Б. М. Соколов, Н. Н. Дурново, А. П. Скафтымов и ещё ряд специалистов, представлявших свои отрасли знания на высшем уровне современного тогда состояния науки. У каждого из них была своя родословная в сфере научной методологии. В становлении Пиксанова как учёного-гуманитария важную роль сыграла научная методология культурно-исторической школы. Не являясь прямым учеником Александра Николаевича Пыпина (1833–1904), крупнейшего представителя этого направления русской академической науки, Николай Кирьякович убежденно называл его – уроженца Саратова и двоюродного брата Н. Г. Чернышевского – своим учителем. Накануне переезда в Саратов Н. К. Пиксанов издал отредактированный им, снабженный предисловием, примечаниями и дополнениями фундаментальный труд А. Н. Пыпина [1, 2]. При подготовке этого издания учёный советовался с Верой Александровной Пыпиной (1864–1930)¹, которая рекомендовала ему в качестве помощницы свою племянницу Нину Чернышевскую, слушательницу Бестужевских курсов.

В саратовские годы Н. К. Пиксанов отчетливо проявляет критическое отношение к традициям культурно-исторической школы, сохраняя полное уважение к ее научным достижениям. В историко-литературных опытах этого направления ему недостаёт внимания к художественной природе словесного творчества. «Государственные реформы, политические планы, общественные настроения, религиозно-философские воззрения, организация просвещения, социальные движения, крестьянский вопрос – вот, – отмечает учёный, – те связи, в каких рассматриваются у Пыпина литературные явления. Среди двух тысяч страниц его “Истории русской литературы” нигде не найдется и одной полной, посвященной эстетическому, чисто литературному анализу. Всюду литература понимается Пыпиным только как часть общей духовной культуры и едва ли не всюду ей усваивается служебная роль культурно-исторической иллюстрации» [3, с.13–14]. Пиксанов пытается заглянуть за дальний горизонт развития литературоведческой мысли и высказывает свои предположения: «Отрешаясь от увлечений момента и вдумываясь в дальние судьбы русской литературной науки, можно уверенно сказать, что она возвратится к историзму в широком смысле, усовершенствовав только приемы изучения историко-социологического. Возродится и биографический жанр, только

---

¹О старшей дочери А. Н. Пыпина см.: *Ризаева, Е. Н.* В. А. Пыпина : «Отец и мать в моём уме и сердце» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–424.

осложнившись теми психологическими общими знаниями и приемами, коих так недостает биографам-словесникам, слишком мало знакомым с научной психологией (а иногда, по особенностям предмета, и с психопатологией, с ее социологическим осознанием). Несомненно, с плодотворными результатами осуществляться будет и параллельное изучение русской литературы и других искусств, на чем настаивал некогда Буслаев и образцы чего он представил в своих прекрасных трудах. Однако несомненно, – продолжает Н. К. Пиксанов, – что кризис научной методологии в ближайшее время (писано в 1920 г.) разрешится в сторону формально-эстетических проблем» [3, с. 15–16].

Можно заметить, что в интересующем нас очерке-речи о Чернышевском исследователь проводит методологическую разведку на предмет использования приёмов психологического анализа в «биографическом жанре». Задача, которую ставит перед собой автор – «воскресить образ живого человека, хотя бы в некоторых крупных и характерных чертах», – требует сосредоточенности на выявлении неповторимо индивидуальных свойств личности. И Пиксанов неукоснительно следует логике почерпнутых из достоверных источников фактов и избегает соблазна подвести изучаемый характер под стандарт того или иного социально-психологического типа. Настойчиво подчёркивает учёный, например, специфику «революционности» Чернышевского: «Чернышевский был революционером, подлинным революционером. Недаром так горячо чувствуется его память в нашей революционной стране. Но это был революционер-мыслитель. Чернышевский создал великие революционные ценности: но это были ценности интеллектуального порядка. Чернышевский контрастен русским политическим и революционным деятелям его и позднейшего времени». Невольно вспоминается, как внедрялось в массовое сознание представление о Чернышевском, «звущем Русь к топору», а в качестве «доказательства» ему приписывалось авторство прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Профессиональное воспитание, полученное в процессе освоения опыта культурно-исторической школы, навсегда уберёгло Пиксанова от искушения ретушировать исторические характеры и обстоятельства в угоду идеологическим схемам. Так было и в конце 1940-х годов по отношению к центральной фигуре научных интересов Пиксанова – А. С. Грибоедову, причисленному к активным участникам тайных декабристских организаций в талантливо написанной, но «подправляющей» историю монографии М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» (1947). Н. К. Пиксанов публично оспорил заманчивую концепцию академика¹.

---

¹Подробнее см.: *Борисов, Ю. Н.* Уроки мастера : Н. К. Пиксанов как исследователь Грибоедова // Живые традиции : из истории и теории литературы / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. С. 14–15.

Н. К. Пиксанов в полной мере осознавал значение научного опыта предшественников, убеждал своих учеников в необходимости критического освоения литературоведческих традиций, в которых важно отделить ошибочное, устаревшее, сохранив и восприняв все ценное и перспективное. Отсюда постоянное внимание к историографии литературной науки и в исследовательских трудах, и в лекционных курсах, и в семинариях Пиксанова. Так, в Саратовском университете Николай Кирьякович организовал специальный семинар по изучению литературного наследия академика А. Н. Пыпина.

Покинув Саратов в конце 1921 года, Н. К. Пиксанов продолжал живо и деятельно интересоваться ходом дел в Доме-музее Н. Г. Чернышевского, продолжал начатые исследования. Результатом музейно-архивных разысканий саратовских лет явилась позднейшая публикация переписки Н. Г. Чернышевского с современниками (см.: [4]). К саратовским разысканиям о Чернышевском восходят и другие печатные выступления исследователя более позднего времени: «Разум и сердце Чернышевского» (1928, вновь публикуемая сегодня), «Добролюбов в оценке Чернышевского» (1936), «Университетский диспут Чернышевского как общественное явление» (1941). При непосредственной помощи Николая Кирьяковича создавался труд его ученицы по Бестужевским курсам и Саратовскому университету Н. М. Чернышевской «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., 1953).

Ценные сведения о творческих, деловых, дружеских связях Н. К. Пиксанова с саратовскими коллегами содержит хранящаяся в фондах Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского переписка Нины Михайловны с её учителем [5], а также ее мемуарный очерк «Встречи с Николаем Кирьяковичем Пиксановым» (Вопросы русской литературы. 1972. Вып. 1 (19). С. 99–105), который мы воспроизводим в настоящем сборнике.

До последних лет своей долгой и славной жизни Н. К. Пиксанов не порывал связи с Саратовом, переписывался со своими учениками и коллегами, входил в новые контакты с молодыми исследователями, поддерживал их начинания, делился знаниями и мастерством. Николай Кирьякович был консультантом Е. И. Покусаева в период докторантской подготовки саратовского ученого в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В 1950–1960-е годы он радушно принимал в своей ленинградской квартире аспирантов и студентов-филологов из Саратовского университета, приехавших на музейно-архивную практику, знакомил их с уникальным собранием книг, материалов по истории русской литературы, рассказывал о своих планах и поисках. Каждый получал ценные советы и рекомендации по теме своих занятий. Ни преклонный возраст, ни болезни не сказывались на интенсивности общения Николая Кирьяковича с молодежью. Патриарх отечественного

литературоведения всегда находил общий язык, непринужденный тон в беседах с начинающими коллегами.

В 1967 году в Саратове вышло в свет одно из последних прижизненных изданий Н. К. Пиксанова – монография «Крестьянское восстание в “Вадиме” Лермонтова» под редакцией профессора Е. И. Покусаева. К 100-летию со дня рождения ученого молодые исследователи под руководством Е. И. Покусаева подготовили сборник статей «Живые традиции. Из истории и теории литературы» (1978). Традиции Н. К. Пиксанова в Саратове – поистине живые традиции «зачинателя филологического образования в Саратовском университете» (Е. И. Покусаев).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пытин, А. Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1. Религиозные движения при Александре I. Петроград : Огни, 1916. X, 486 с.
2. *Пытин, А. Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 2. Очерки литературы и общественности при Александре I. Петроград : Огни, 1917. VIII, 534 с.
3. *Пиксанов, Н. К.* Творческая история «Горя от ума». Москва : Наука, 1971. 400 с.
4. Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым, 1855–1862 : (по рукописям музея имени Чернышевского в Саратове и Пушкинского Дома в Ленинграде) / примечания Н. К. Пиксанова. Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1925.
5. *Послушаев, П. П.* «Хорошо зная музей, удостоверяю... В нем хранятся высоко ценные материалы» (переписка Н. М. Чернышевской с Н. К. Пиксановым) // Пропагандист великого наследия : сборник научных трудов и материалов / ответственный редактор Е. В. Степанова. Саратов : Амирит, 2020. Вып. 6. С. 130–142.

УДК 821.161.1.09-3+929Чернышевский

Н. К. Пиксанов

РАЗУМ И СЕРДЦЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО: психологическая характеристика

1

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Эти стихи Некрасов посвятил Добролюбову, младшему соратнику Чернышевского. Но они еще более подходят к самому Николаю Гавриловичу Чернышевскому: ведь в его лице мы именно чтим великий разум и великое сердце.

Плоды великого разума Чернышевского стали или становятся достоянием народным. Широко известны его мысли философские, исторические, политические, экономические, социальные, этические, эстетические, литературные. Силы и дарования великого сердца Чернышевского известны менее. Они почти безвестны.

Я уверен, что юбилейный 1928 год будет огромным этапом в нашем познании Чернышевского. Если в старой, царской России долгие годы и десятилетия самое имя Чернышевского было запретным, если в девяностых годах его сыну покойному Михаилу Николаевичу не позволяли ставить на сборниках статей его отца имя автора, если в 1905 году собрание сочинений Чернышевского было искалечено изъятиями, если многие произведения Чернышевского были замурованы в тайниках Третьего отделения, то великая Октябрьская революция разбила эти тайники, вынесла оттуда на дневной свет и на всенародные очи погребенные там произведения Чернышевского и предоставила нам возможность изучать и широко оглашать убеждения славного мыслителя.

Исследования и популяризация уже начались. Выходит новое собрание главнейших сочинений Чернышевского, воспроизводящее его мысли в максимальной точности и полноте. Печатается драгоценное «Литературное наследие» Чернышевского – с его автобиографическими записями, дневниками и письмами. Издана монументальная монография о Чернышевском Ю. М. Стеклова. Издано несколько коллективных сборников со статьями о Чернышевском. Издано несколько общедоступных книжек. Напечатаны десятки, если не сотни журнальных и газетных статей.

Мне не хотелось брать для юбилейной речи тему из круга исследований по огромному интеллектуальному наследию Чернышевского. Хотелось бы иного: вместе с собравшимися почитателями Чернышевского попытаться разобраться не столько в продуктах и итогах работы разума и сердца Чернышевского, сколько в тех силах и напряжениях, с какими великий разум и великое сердце высвобождались из-под власти прошлого и мощными движениями поднимались к вершинам будущего. Хотелось бы воскресить образ живого человека, хотя бы в некоторых крупных и характерных чертах.

2

На далеком историческом расстоянии, когда мы хотим кратким определением охватить Чернышевского, мы не найдем лучшего, как это: «мыслитель-революционер».

Чернышевский был революционером, подлинным революционером. Недаром так горячо чувствуется его память в нашей революционной стране.

Но это был революционер-мыслитель. Чернышевский создал великие революционные ценности: но это были ценности интеллектуального порядка.

Чернышевский контрастен русским политическим и революционным деятелям его и позднейшего времени. Если вспомним А. И. Герцена, его современника и антагониста, то признаем, конечно, его огромный ум и крупные, созданные им идеологические ценности. Но вспомним и его огромную общественную деятельность, его широкое общение с революционными деятелями России, Франции, Италии, Польши. Если вспомним другого современника, М. А. Бакунина, то здесь еще сильнее выделится не только личное общение с европейскими революционерами, но и деятельное участие в революционных движениях Запада, будь ли то крестьянское восстание или защита Дрездена, или конспиративная деятельность французских или итальянских заговорщиков. В. И. Ленин был революционером-мыслителем; он создал огромные ценности в круге философской, исторической, экономической мысли. Но он же был революционером-деятелем, революционером-вождем и не только подготовлял, в общении с огромным кругом революционеров России и Запада, революционные выступления, но и совершил, во главе пролетарских масс, величайшую революцию.

Чернышевский не таков. Это уединенный революционер, революционер, замкнутый в себе, революционер в кабинете.

В ранней молодости, когда формировались социально-политические настроения и взгляды Чернышевского, он стоял в стороне от русских нелегальных кружков и организаций. Только с кружком Петрашевского, да и то не прямо, а через посредство одного из участников (Ханыкова), Чернышевский входил в некоторое соприкосновение. Значительно позднее, в 1859 году, Чернышевский предпринял путешествие на Запад, в Лондон, к Герцену и Огареву, чтобы объяснить с ними по вопросам социально-политическим. Это путешествие могло бы стать для Чернышевского огромным событием, целым этапом в его революционной деятельности. Мы знаем, какое огромное значение имели для Добролюбова те годы, что он провел на Западе. Но поездка Чернышевского была кратковременной, конспиративной, он вынужден был ограничиться двумя встречами с Герценом, да и из них не вынес ничего, кроме пренебрежительного мнения об узости взглядов лондонских эмигрантов: так зрелы были уже тогда его социально-революционные убеждения. Только к концу своей свободной жизни Чернышевский стал сближаться с русской революционной молодежью, но теперь он мог вступить в активную революционную деятельность не как юноша, ждущий выучки и руководства, а как учитель и вождь.

В редакции «Современника», где затворнически работал Чернышевский, не было у него воспитателя или даже сотоварища в работе его

революционной мысли (юноша Добролюбов, долго отсутствовавший, потом много болевший, не может идти в счет).

Но если так своеобразно было положение Чернышевского, если его разум работал в таком отъединении и если вместе с тем им были созданы такие огромные ценности общественного значения, то тем поразительнее мощь его движений и стремительность восхождений.

Чтобы оценить мощную силу разума Чернышевского, конечно, можно было бы погрузиться в изучение одной из его крупных работ. Но можно ощутить эту мощь и при беглом общем обзоре областей, где работало сознание великого мыслителя.

Из далекой провинциальной семинарии в Петербургский университет Чернышевский принес хорошее знание древних языков, а отчасти – и восточных: татарского, арабского и персидского. И в университете он выступил как филолог: он начал с славянских языков и литератур под руководством знаменитого Срезневского. Впоследствии ему ничего не стоило в торопливом письме процитировать в оригинале отрывок из чешской народной поэзии или в дружеской беседе сказать польски отрывок из «Пана Тадеуша» Мицкевича. Знание античных языков в университете еще углубилось, и когда Чернышевскому надо было писать в провинцию к двоюродному брату юноше Пыпину о крепостном праве, Чернышевский писал по-латыни; по-латыни же он мог писать и стихи. В библиотеке Чернышевского сохранились книги на английском языке, испещренные его заметками.

Огромны были познания Чернышевского по всеобщей истории. Накопляемые еще с юности, они потом широко раскрылись, когда, уже после Сибири, Чернышевский стал переводить огромный труд Вебера и думал окружить переводимый текст колоссальными примечаниями.

Не менее обширны были познания Чернышевского и в русской истории.

Эти познания блестяще отразились и на одном современном вопросе, имевшем большую историческую давность: на вопросе крестьянском. С замечательной глубиной Чернышевский решал этот вопрос, – как и не пытались его решать многие публицисты и практические деятели, специализировавшиеся на нем. И это тем замечательнее, что Чернышевский ведь не был общественным деятелем-практиком.

Огромные, мощные силы его разума проявились здесь ярко.

Но можно сделать оговорку, что восточная, классическая и славянская филология, русская и всеобщая история включались в круг тех наук, какие близки студенту-филологу; крестьянский вопрос мог быть знаком Чернышевскому хотя бы по юношеским наблюдениям в Саратовской губернии. Но что еще поразительнее, это то, что Чернышевский так овладел экономическими науками, далекими от филологии. Однако нам ведь известна та высокая оценка, какую дал сам Маркс

экономическим взглядам Чернышевского, в частности его знаменитым примечаниям к политической экономии Милля.

Не менее поразительно, с какой глубиной и проницательностью судил Чернышевский о политических движениях в Западной Европе. Когда о таких движениях, например о революционном 1848 году, судил Герцен, он мог это делать не только в результате чтения газет и памфлетов, но и в итогах напряженного общения с участниками революции, суммируя свои собственные и чужие непосредственные наблюдения.

А Чернышевский? Мы знаем, что на Западе он побывал мимоходом. С западно-европейскими революционерами общения не имел. Живя в Петербурге, мог информироваться о событиях чаще всего только из консервативной или умеренно-либеральной иностранной прессы, проходившей через цензурные рогатки. Однако суждения Чернышевского о европейских делах независимы и глубоки. Историки-марксисты подчеркивают, что Чернышевский, как немногие, глубоко понял социальный смысл гражданской войны Севера и Юга в Америке.

В философии Чернышевский оставил всего одну крупную работу («Антропологический принцип в философии»). Но поразительна требовательность, с какой он отнесся к Гегелю, когда, после юношеских восприятий гегельянства через статьи Белинского и других, он обратился к непосредственному изучению Гегеля, в подлиннике. Из всего богатого наследия западной философии Чернышевский в руководство для себя избрал, быстро, бесповоротно и навсегда, именно произведения Людвиг Фейербаха, того философа, актуальность коего проявилась позже и в философских движениях марксизма.

В области эстетических теорий Чернышевский блестяще выступил со своей диссертацией: «Эстетические отношения искусства к действительности». Молодой ученый (Чернышевскому было тогда всего 27 лет) ломал в этой книге узенькие перегородки кафедральной университетской эстетики, да и тогдашним журнальным теоретикам-эстетам оказался не по плечу. Но позднее даже Владимир Соловьев признал ценность этого труда, а в настоящее время трактат вновь приобретает свою актуальность при строительстве марксистской эстетики.

В литературной области, в изучении западных литератур, Чернышевский заявил себя целой монографией: «Лессинг и его время». Что же касается русской литературы, то в изучении ее значение Чернышевского огромно. Он знал близко древнерусскую литературу (до разработки словаря летописей включительно). В области новой литературы он создал замечательные «Очерки гоголевского периода русской литературы» – исследование по старой критике и журналистике, мобилизовавшее забытые и редкие журналы, впервые и надолго устоившее эволюцию критико-эстетических взглядов, начиная с Полевого и кончая Белинским. После гонений на Белинского со стороны правительства с конца сороковых годов, когда даже имя критика нельзя было

упоминать в печати (и сам Чернышевский в первых главах «Очерков» еще не называл Белинского), «Очерки гоголевского периода» были восстановлением его значения и вновь вводили в читательский оборот все наилучшее из литературного наследия славного критика.

Текущей литературной критикой Чернышевский занимался немного. Он скоро угадал в юноше Добролюбове гениальные дарования и с готовностью передал ему критический отдел «Современника». Однако Чернышевский создал несколько замечательных критических статей. Он метко оценил беллетристику Николая Успенского. Он по ранним опытам Льва Толстого предсказал его богатый расцвет в ближайшем будущем. Наконец Чернышевскому принадлежит замечательный опыт публицистической критики – по поводу тургеневской «Аси».

Весьма охотно Чернышевский обращался к беллетристике. Еще в крепости он писал огромное количество беллетристических произведений. Писал он беллетристику и в Сибири, и по возвращении из ссылки. Он даже особенно рассчитывал на беллетристику в последние годы своей жизни и несомненно преувеличивал размеры своего беллетристического дарования. Однако следует признать, что Чернышевский создал одно такое произведение, которое своим значением превышает значение целого собрания сочинений иного беллетриста, не лишённого дарования. Я разумею роман «Что делать?» В нем есть известные формальные недостатки, и эстетствующая критика поспешила выключить его из художественной литературы. Но роман имел колоссальное, беспремерное влияние на несколько поколений читателей; он воспитывал, организовывал их сознание, и теперь мы знаем, что эстетические вкусы – дело спорное и изменчивое, а в роман Чернышевского было вложено столько смелых мыслей, столько энтузиазма, что это увлекало читателя и, в последнем счете, производило и эстетическое впечатление. В нашу революционную эпоху «Что делать?» получает новую актуальность.

3

Таков круг, вернее круги, обширные области, где работал великий разум Чернышевского.

Было бы слабо сказать, что умственные интересы Чернышевского были обширны, почти универсальны. Следует сказать, что всюду, куда ни обращался разум Чернышевского, он не только овладевал – легко и быстро – созданными ценностями: он всюду творчески создавал новые ценности.

И поразительно то, что это овладение знаниями, это бурное творчество проявилось еще в ранней молодости Чернышевского. Ведь печататься он начал в 1853 году, а в 1862 году его кипучая журнальная деятельность была прервана арестом. Таким образом, всего десять лет продолжалась эта литературная работа. И за эти немногие годы

Чернышевский создал не меньше десяти больших томов, куда вошли и «Эстетические отношения», и «Очерки гоголевского периода», и «Лессинг», и «Примечания к Миллю», и многие крупнейшие другие труды.

Это был какой-то мощный водопад знаний и мыслей.

Несомненно, Чернышевский еще не достиг тогда зенита. Ему еще предстояло дальнейшее развитие и восхождение. Трудно и представить себе, каких высот достиг бы разум Чернышевского, если бы, в условиях свободной работы и широкого научного и политического общения, он учился и писал бы так же, как, скажем, Герцен или Маркс.

Но Алексеевский равелин и затем гиблые места Сибири оборвали это восхождение и созрвание.

В Сибири Чернышевский испытал страдания Прометея на скале (по меткому слову Плеханова). Мощные силы разума оказались безработными. Колоссальные познания – без приложения. На глазах у революционных деятелей, на глазах у всего мыслящего человечества гибли исполинские силы, которые так были нужны миру. Понятны те безумно смелые попытки, какие делались неоднократно (Лопатиным в 1872 г., Мышкиным в 1875 г.), чтобы вырвать Чернышевского из Сибири, чтобы возратить его научной и революционной работе.

Биографы рисуют нам тяжелое положение Чернышевского в Сибири: материальные лишения, оторванность от культуры, оторванность от семьи, заболевание цынгой. Но не это было самым тяжелым для Чернышевского.

Если мы теперь чествуем в его лице великого мыслителя, если в семидесятых годах лучшие революционные деятели готовы были отдать свободу и жизнь, лишь бы освободить этого мыслителя из заключения, то ведь и для самого Чернышевского не было тайной его высокое значение.

Как это нередко наблюдается у великих людей, ему было не чуждо гордое самосознание гениальных сил. Наоборот, следует подчеркнуть эту характерную черту его настроений – и притом с ранней молодости: высокое мнение о своем призвании. В свой дневник 23 сентября 1848 г., т. е. в возрасте двадцати лет, Чернышевский записывает: «Если писать откровенно о том, что я думаю о себе, – не знаю, ведь это странно, мне кажется, что мне суждено, может быть... двинуть вперед человечество... Я думаю, что нахожу в себе некоторые новые начала, которых не вижу ясно развитыми в теперешней науке и теперешнем взгляде на мир»... Юный Чернышевский боится, что дневник, после его смерти, не будет расшифрован и что это «пропадет для биографии». А он ждет ее: «потому что, в сущности, думаю, что буду замечательный человек».

Таких признаний много в дневнике Чернышевского, да и в других его высказываниях. И если сопоставить эти субъективные переживания с объективными удостоверениями мощного разума и великого

исторического значения, то станет ясно, что в Сибири Чернышевский пережил великую трагедию разума.

Сильнее, чем от цынги, острее, чем от разлуки с близкими, Чернышевский мучился безысходностью, неразрешенностью великих сил, замкнувшихся в нем и не находивших применения.

4

Но Чернышевский пережил не только трагедию разума, но и трагедию сердца.

В нашем традиционном представлении Чернышевский рисуется в суровом облике мыслителя-вождя, чуждого бытовой жизни. Но это – условный, иконописный образ, далекий от подлинного, живого Чернышевского.

Правда, в Чернышевском было много сурового, аскетического, непримиримого. Он сам отзывался о себе, как о строгом критике, всегда готовом на борьбу. И он, действительно, боролся со своими литературными противниками резко и даже грубо. Так это было, например, в столкновении с известным ученым Ф. И. Буслаевым. Так это было в сложном и длительном конфликте с Тургеневым. Чернышевский ценил талант Тургенева, находил в нем самом много симпатичных черт, первое время стремился как можно ближе привлечь его к участию в «Современнике», защищал его от нападок Каткова. Но когда стало усиливаться столкновение Добролюбова с Тургеневым, когда для самого Чернышевского проявилась социальная инородность писателя-барина, когда раскрылась идеологическая ограниченность тургеневской группы, Чернышевский, не колеблясь, перестроил свои отношения, открыл в журнале острую полемику против Тургенева и не остановился перед тем, чтобы устранить Тургенева из «Современника». И когда читаешь только что опубликованный полный текст воспоминаний Чернышевского о Добролюбова и Тургеневе, живо чувствуешь, что Чернышевский мог быть непримиримым, фанатичным, жестким. Чернышевский мог быть не только жестким, но и жестоким. Это факт, и нам нечего его скрывать. Странно было бы нам смягчать, подслащивать образ мыслителя-борца.

Но в Чернышевском, как он теперь раскрывается в дневниках, письмах, воспоминаниях современников, было много и душевной мягкости, чуткости, нежности. Все мемуаристы единодушны в признании этих черт за Чернышевским в его ранней юности. Но и позже он многообразно их проявлял. Трогательны его заботы о «Саше», Александре Николаевиче Пыпине, будущем академике, о его развитии, о его студенческом благоустройстве. Горячо любил Чернышевский Некрасова – и как человека, и как поэта. Напечатанные мною в 1925 году письма Чернышевского к Некрасову полны этой любви: они необычайно

лиричны и одни были бы в состоянии преобразить в наших глазах традиционный облик Чернышевского. Память о Некрасове Чернышевский унес и в Сибирь. И через пятнадцать лет после разлуки, в 1877 году, узнав, что Некрасов тяжело болен, Чернышевский торопился написать А. Н. Пыпину: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за доброе расположение ко мне, что целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем». Письмо шло из Сибири три месяца, но Некрасов еще дышал, и горячие строки Чернышевского были лучшим утешением для умирающего.

Еще сильнее любил Чернышевский Добролюбова. Гениальный юноша был в значительной степени воспитанник Чернышевского – в социально-экономических своих воззрениях. В одном из сибирских писем к Пыпину (1878) Чернышевский писал: «Добролюбова я любил как сына». И это верно. С отеческой любовью Чернышевский заботится о здоровье Добролюбова, оберегает его от утомлений литературным трудом, хлопочет о материальном положении, сообщает о младших братьях своего друга, благотворно вмешивается в сердечную историю Добролюбова и т. д. Чернышевский преклонялся перед талантом Добролюбова, ставил его неизмеримо выше себя, о чем заявил и печатно.

Но всего глубже сердечные богатства Чернышевского раскрываются в его любви к невесте, потом жене – Ольге Сократовне.

Чернышевский охотно писал романы. И успех романа «Что делать?» полностью закрепил за ним права романиста. Но самый яркий, глубокий роман Чернышевский не сочинил, а пережил, пережил всеми силами своего великого сердца.

Впрочем, если не полностью, то в крупнейших чертах, роман этот записан и притом самим Чернышевским: в его дневниках, в его письмах к жене.

Здесь у места сказать, что недавно изданный полностью «Дневник» Чернышевского (за 1848–1853 годы), в печатном виде занимающий целых пятьсот страниц, сам по себе представляет исключительное явление в литературе. Если бы Чернышевский больше ничего не написал, Дневника было бы достаточно, чтобы закрепить в нашей истории личность Чернышевского. С необычайной полнотой, искренностью и правдивостью раскрывает Чернышевский в Дневнике и свое внешнее поведение, и внутренние переживания. Богатырский рост его личности нигде не познается так полно, как в изучении Дневника. Дневник так содержателен идейно и так насыщен эмоционально, что, безо всяких стараний автора, производит художественное впечатление. Мы еще вернемся к драгоценным признаниям Дневника, когда поведем речь

о социально-политических переживаниях Чернышевского, а теперь возьмем оттуда несколько цитат, относящихся к сердечному увлечению автора.

Изумительна чистота, свежесть и сила любви и беззаветная преданность, какие загорелись в Чернышевском при первых же встречах с О. С. Васильевой в Саратове. Он готовил и берег себя для этой преданной любви. Он был ярким и высоким образцом однолюба. Еще до встреч с будущей невестой Чернышевский записывает в Дневник: «Я хочу любить одну, чтобы мог сказать ей: никого не обнимал я раньше тебя, никого не любил я раньше тебя». И еще: «Я буду покорнейшим слугою своей жены, покорнейшим слугою, только покорнейшим слугою». Когда однажды Ольга Сократовна, еще до сватовства Николая Гавриловича, грустила о недавно умершем молодом человеке, которого она некогда любила, Чернышевский записывает в Дневник: «Я буду плакать вместе с тобою о твоём погибшем милом, моя милая, моя милая, милая. И я плачу в самом деле». А когда он думает о самой невесте, он слагает ей в Дневнике целый гимн, который невольно становится ритмичным:

Да будешь ты счастлива,
Как того заслуживаешь!
Да будешь ты счастлива!
Да будешь ты счастлива, ты,
Ты, давшая мне столько счастья!

Свою любовь и преданность Чернышевский оправдал на деле, и в супружеской жизни в Петербурге, и в ссылке в Сибири. В 1870 году, из Александровского завода, он пишет жене: «Милый друг, Радость моя, единственная любовь и мысль моя, Лялечка. Давно я не писал тебе так, как жаждало мое сердце. И теперь, моя милая, сдерживаю выражения моего чувства, потому что и это письмо не для чтения тебе одной, а также и другим, быть может (намек на перлюстрацию). Пишу в день свадьбы нашей. Милая радость моя, благодарю Тебя за то, что озарена тобою жизнь моя. . . В эти долгие годы не было, как и не будет никогда, ни одного часа, в который бы не давала мне силу мысль о Тебе».

5

Принято думать, что Ольгу Сократовну Чернышевский изобразил в романе «Что делать?», в образе Веры Павловны Лопуховой-Кирсановой. Это верно разве только относительно некоторых чисто внешних черт. А по существу прототипом Веры Павловны была Мария Александровна Обручева, вышедшая сначала замуж за выдающегося врача-общественника П. И. Бокова, а потом полюбившая друга своего

мужа, известного физиолога И. М. Сеченова. М. А. Бокова-Сеченова слушала лекции Медико-хирургической академии в Петербурге и была в числе женщин-врачей первого призыва. Затем она посещала университет в Вене, изучала медицину в Гейдельберге, в Лондоне; в Цюрихе она защищала докторскую диссертацию, потом врачом-хирургом участвовала во франко-прусской войне 1870–1871 г.

Как непохожа на нее Ольга Сократовна Чернышевская! А еще больше непохожа жена Чернышевского на тех русских женщин-революционерок, которые увлекались проповедью Чернышевского и в революционной деятельности стремились осуществить идеалы того, кто «Что делать?» писал. . . Судьбе было угодно, чтобы женою Чернышевского стала женщина, совершенно чуждая его идеалам, понявшая свободу личности и любви, как свободу легких увлечений, и решавшаяся искушать любовь и преданность мужа до предела, до беспредельности.

Не место в юбилейной речи вдаваться в тягостные подробности; их легко узнать из книги В. А. Пыпиной: «Любовь Чернышевского». Достаточно указать, что трагический контраст мужа и жены ярко намечается еще на страницах саратовского дневника Чернышевского.

В Петербурге, подвергаясь жесточайшим испытаниям, Чернышевский героически сберегал свою любовь и преданность к жене. Но это дорого ему стоило. Гордый и замкнутый, он таил про себя свое горе. Только однажды, да и то по поводу лирических стихотворений Некрасова, Чернышевский написал поэту (5 ноября 1856): «Сам я по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни, – потребности сердца существуют, и в жизни сердца – истинное горе или истинная радость для каждого из нас. Это и я знаю по опыту, знаю лучше других. Убеждения занимают наш ум только тогда, когда отдыхает сердце от всего горя или радости. . . не от мировых вопросов люди топятся, стреляются, делаются пьяницами, – я испытал это». Чернышевский, этот энтузиаст, этот аскет общественного долга, одно время переживал настроения самоубийцы и пытался забыться от горя в вине. Только однажды, и невольно, он намекнул другу-поэту на свою сердечную драму. Но тут же спохватился, и больше мы от него уже не услышим таких признаний или жалоб. . .

Сердечная драма Чернышевского освещает по-новому его духовный облик. Пред нами уже не бесстрастный мыслитель, пред нами – глубоко страдающий человек.

Эти страдания не были, однако, страданиями рядового человека, любящего, преданного, терпимого, гуманного. В своей сердечной, любовной драме Чернышевский проявил ту же мощь духа, что и в любви к друзьям и соратникам, что и в борьбе за новое мирозерцание и за новое будущее. В его отношениях к невесте, к Жене проявились не только его личные чувства, но и его моральные убеждения, основы

его этического мирозерцания. С самой молодости он растит в себе убеждение в равенстве мужчины и женщины. убеждение в том, что они должны сходиться на началах «свободной любви и общественно полезного труда»; он был убежден, что «только тот любит, кто помогает любимой женщине возвыситься до независимости», что женщина должна развивать и оберегать достоинство своей личности. Чернышевский негодовал против собственнических вожделений мужчины в любви к женщине; однажды он записал: «О грязь! о грязь! “Обладать” – кто смеет обладать человеком?» Перед ним носились образы новых людей, новой женщины, и он ненавидел ложь и путы старой мещанской морали. И вот, в своей личной жизни он хотел оправдать провозглашаемые им принципы, хотя бы – ценою огромных страданий, хотя бы принципы эти применялись к проявлениям женской свободы; понятой самой женщиной грубо или извращенно.

После десяти лет супружества, оторванный арестом от семьи и жены, Чернышевский в крепости мог передумать весь свой тяжкий опыт. И он не поколебался в своих воззрениях на женщину, наоборот: с непреклонностью энтузиаста он еще выше поднялся над личными страданиями и все напряжение своей убежденности перенес в роман «Что делать?», написанный в Алексеевском рavelине. Испытанная таким суровым испытанием, проповедь освобождения женщины была услышана тысячами и десятками тысяч мужчин и женщин и послужила, – мы теперь это точно, исторически знаем, – строительству новой морали и нового быта новых людей.

6

В сложной и глубокой драме, пережитой Чернышевским, любовное увлечение не было единственным актом.

Мы мыслим Чернышевского в завершенном образе мыслителя-революционера, непреклонного отрицателя, фейербахиста, материалиста, атеиста. Но редко кто учитывает, какой ценой добыто это освободительное мирозерцание.

И в этой области вновь опубликованные дневники и автобиография раскрывают перед нами огромную внутреннюю борьбу и победу Чернышевского.

Чернышевский родился и воспитывался в очень своеобразной и характерной среде, среде крепкого провинциального духовенства. Религиозность была стихией, какой дышала эта среда, какая накоплялась веками и передавалась из поколения в поколение. На основе этой религиозности строилась и мораль, по-своему строгая и требовательная. При небольшой материальной обеспеченности, в этой среде много работали и питали уважение к труду, а также – и к знанию. Эта среда могла подчинять себе своих членов не только требовательной

семейной и общественной дисциплиной, но и моральным авторитетом, той христианской этикой, которая проявляла свою власть на протяжении многих веков.

Семья Чернышевского принадлежала к лучшим образцам этой среды. Она окружила своего питомца любовной, но властной религиозно-моральной атмосферой. И только вдумавшись в этот факт, мы оценим те гигантские усилия, какие должен был сделать Чернышевский, чтобы освободиться от уз своей среды и стать одним из творцов новой революционной морали, нового социалистического мировоззрения.

Необычайно ярко проявляется в дневниках Чернышевского его медлительное, но неуклонное бореие с религиозностью, с христианизмом. По недостатку времени я возьму оттуда всего две-три цитаты. В 1849 году юноша Чернышевский взволнованно спрашивал себя: что если в самом деле явился новый мессия, и новая религия, и новый мир? «У меня, робкого, волнуется при этом сердце и дрожит душа, и хотел бы сохранения прежнего. . . Слабость, глупость! Что угодно богу, то да будет. Если это откровение последнее, пусть будет так. Если должно быть новое откровение, да будет оно. И что за дело до волнения душ слабых, таких, как моя. Но я не верю, чтобы было новое, и жаль, весьма жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, который так благ, так мил душе своею личностью, благой и любящей человечество, и так вливает в душу мир, когда подумаю о нем».

В те годы Чернышевский уже склонялся к политическому радикализму. И вот замечательно, как новые политические настроения переплетаются у него с религиозными переживаниями. В знаменитый революционный 1848 год, вообще сильно повлиявший на созревание Чернышевского, он взволнованно следил за событиями во Франции и Германии. В газетах он прочел, что член франкфуртского парламента Роберт Блюм расстрелян в Вене, после баррикадных боев. Чернышевский возмущен. «Это меня взорвало, – пишет он в дневнике, – и теперь я об этом думаю: как Европа так еще близка к тем временам, когда деспотизм осмеливается нарушить формы явно! Расстрелять члена собрания без его, собрания, ведома! Это ужасно, это возмутительно, мое сердце негодует, и дай бог тем, которые подали этот ужасный пример беззакония, поплатиться за это. . . Да падет на их голову кровь его и прольется их кровь за его кровь. . . На виселицу Виндишгреца и всех! Господи, помилуй раба твоего, да воцарится он в руках твоих. Когда шел от Славинского, молился несколько минут за Блюма, а давно не молился я по покойникам». Так причудливо переплетаются у юного Чернышевского революционные кличи («на виселицу Виндишгреца!») и молитвы по покойникам. Сам юноша чувствовал всю несовместимость двух стихий, мучился своим раздвоением, горько упрекал себя за «несмение оставить понятия, которые привились к нему».

Но уже эта напряженность внутренней борьбы свидетельствовала о мощном духе юноши. В три-четыре года борьба завершилась, и позднее Чернышевский на всю жизнь остался тем свободным мыслителем-атеистом, каким мы и привыкли его представлять. В 1852 году мы уже наблюдаем его как воинствующего материалиста. В Саратове он встречается с опальным профессором, известным историком Н. И. Костомаровым. Костомаров, вообще умеренно настроенный, в частности был склонен к религиозности. И вот между двумя выдающимися людьми постоянно возникали споры. Однажды Чернышевский записал в дневник, что, идя в гости к Костомарову, он давал себе слово не спорить о религии. «И я сдержал свое слово, не хотел даже смеяться над богом и будущей жизнью, от чего не удержался бы раньше».

7

Ту же борьбу с традицией, с давлением среды и воспитания пришлось Чернышевскому внутри себя вести и в отношении социально-политических взглядов.

Та же самая среда провинциального духовенства, которая прививала ему религиозность и христианскую мораль, воспитывала в Чернышевском и всяческую политическую благонамеренность. Ведь именно в этой среде проповедовали – и часто сами были глубоко убеждены: «всякая душа властям предрержащим да повинуется», что «нет власти кроме как от бога» – и т. д. В Саратове позднейшем, Саратове семидесятых или девяностых годов, семинарист или гимназист мог легко просветиться – в радикальных или революционных кружках – о подлинном происхождении и смысле властей предрержащих. В Саратове первой половины сороковых годов было тихо и глухо, духовенство, мещанство, чиновничество, дворянство, купечество жили в стихии непроглядного монархизма.

Надо это помнить, когда учитываешь освободительные усилия молодого Чернышевского. Свой наследственный и благоприобретенный монархизм юноша перевез из Саратова и в столицу, и вполне естественно, если мы в его дневнике, под 18 сентября 1848 года, читаем: «я думаю, что единственная и возможная лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная неограниченная монархия, но которая понимала бы свое назначение, что она должна стоять выше всех классов и собственно создана для покровительства утесняемых, а утесняемые – это низший класс – земледельцы и работники».

Итак, двадцатилетний юноша еще верит, что лучшая форма правления – неограниченная монархия. Но единственный смысл ее существования он видит только в защите угнетаемого класса – крестьян и рабочих. И раз дело ставилось так, скорое крушение монархических взглядов было обеспечено: несовместимость монархии и защиты

утесняемых быстро стала очевидной. Через два года в том же дневнике (сент. 1850) уже читаем: «тогда я был еще того мнения, что абсолютизм имеет естественное стремление препятствовать высшим классам угнетать низшие, что это противоположность аристократии, а теперь я решительно убежден в противном – монарх, а тем более абсолютный монарх, – только завершение аристократической иерархии, душой и телом принадлежащий к ней».

Замечательная психологическая черта: к перестройке политических взглядов юноша Чернышевский приходит через социальные проблемы. Впрочем, это даже не проблемы, не задачи интеллектуального порядка: это глубокие социальные переживания. С отроческих лет в нем просыпаются и непрерывно растут сочувствия к «утесняемым». По дневникам видно, как в душе Чернышевского вырастают социальные чувства: любовь к трудящимся, к крестьянам и рабочим, негодование против их угнетателей. И поразительно здесь вот что: крестьян Чернышевский видел в изобилии в дворянской губернии, Саратовской; там он мог наблюдать и проявления крепостничества, хотя следует оговориться, что городской попovich не мог так близко сталкиваться с жестокостями крепостного права, как, скажем, усадебный барчук Тургенев. Но в дневниках студента Чернышевского скоро в группе утесняемых на ряду с «земледельцами» появляются и «работники», «пролетарии». Зная бытовую круг Чернышевского-студента в Петербурге, зная, что он жил в стороне от фабричных рабочих (и в позднейшие годы никогда с ними в бытовом порядке не сближался), следует и здесь отметить гениальную интуицию и глубокие социальные инстинкты Чернышевского.

Правда, он читал иностранные газеты (чаще всего, по необходимости, консервативные или умеренные, получавшиеся легально). Но вычитать можно было и то, и другое. Между тем, в Чернышевском тяга к трудовым классам обнаружилась как-то стихийно. Он был уже социалистом еще до социализма теоретического. Пишет ли он (19 лет) родственнице Любиньке Котляревской о романах Евгения Сю, он твердит о «бедствиях земледельческого класса во Франции». Читает ли он в 1848 г. о суде над Луи Бланом, он в дневнике гневно обличает либералов: «Не люблю я этих господ, которые говорят: свобода, свобода – и эту свободу. . . не вводят в жизнь»; «говорят о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором девять десятых – орда, рабы и пролетарии. Не в том дело, будет король или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого».

И когда для Чернышевского обнажились социальные основы политического строя, его отроческий монархизм и благонамеренность словно половодьем смыло. Слово бурный ледоход на родной Волге, открылось в сознании Чернышевского движение социальных и революционных воззрений.

Осенью 1848 г. он записывает в дневнике: «Кажется, я принадлежу к крайней партии». Через три недели: «Мне показалось, что я – террорист и последователь красной республики». Еще через три недели (18 сентября 1848): «Я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительным партизаном социалистов и коммунистов». А через полтора года, в 1850 г., 22 лет, Чернышевский уже не колеблется относительно оценки своих взглядов, а ставит иные вопросы, вопросы действия: «Не лучше ли написать воззвание к восстанию?» «Я, может быть, способен на поступки самые отчаянные, самые смелые, самые безумные». И, отталкиваясь от постепеновцев типа Костомарова, Чернышевский высказывается о революционной борьбе: «Меня не испугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня».

Тут же спешу отметить одну замечательную мысль, некое гениальное прозрение, высказанное Чернышевским опять-таки в отпор постепеновцам: «Пусть народ неприготовленный вступит в свои права: во время борьбы он скорее приготовится» (дневник 1850 г.).

8

Глубина революционных настроений молодого Чернышевского измеряется тем ясным сознанием, с каким он думал о последствиях своих увлечений.

В 1849 году, почти на его глазах, был разгромлен кружок Петрашевского. Тогда весь Петербург говорил об эшафоте, и в дневниках Чернышевского не мало откликов на процесс и жестокую участь петрашевцев. И вот с ранней молодости Чернышевский знал, что его ждет катастрофа. И если мы хотим как можно отчетливее представить себе душевную жизнь Чернышевского, мы должны помнить, что всю эту жизнь пронизывает чувство трагической обреченности и готовности погибнуть.

Особенно обостряется это чувство, когда влюбленный Чернышевский решает вопрос: вправе ли он жениться и тем самым обречь любимую девушку, будущую жену, на грядущую катастрофу? Его дневники времен сватовства полны величайшей тревоги, и, читая их, не знаешь, чему больше удивляться: любви ли к невесте, чувству ли своей обреченности или чувству гражданского долга, с каким Чернышевский не допускает и мысли отречься от своих революционных воззрений и планов и ценой такого отречения купить личное счастье.

Из дневниковых записей того времени я приведу только одну, самую краткую: «Мой образ мыслей таков, что раньше или позже я непременно попадусь, – поэтому я не могу связывать ничьей судьбы со своею... Я не уверен в том, долго ли я буду пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты

на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят в крепость» (дневник 1853 г.).

Предчувствия сбылись: в расцвете творчества и общественного влияния Чернышевского его заключили в крепость и потом живо схоронили в Сибири.

Сохранилось много свидетельств и является общеизвестным, как мужественно, героически переносил свою ссылку Чернышевский. Я не буду задерживаться на подробностях. Они раскрываются в воспоминаниях современников и в удивительных письмах самого Чернышевского из Сибири. Напомню только один эпизод. В 1874 году, когда правительству показалось, что Чернышевский достаточно надломлен морально и физически и что было бы безопасно вернуть его из ссылки, если только он сам напишет о помиловании, – к Николаю Гавриловичу в Вилуйск от генерал-губернатора Синельникова был послан адъютант Винников. Сохранился его рассказ о поездке: «Я приступил прямо к делу: “Николай Гаврилович, я послан в Вилуйск с специальным поручением от генерал-губернатора именно к вам. . . Вот не угодно ли прочесть и дать мне положительный ответ в ту или другую сторону”. И я подал ему бумагу. Он молча взял, внимательно прочел и, подержав бумагу в руке, может быть, с минуту, возвратил мне ее обратно и, встав на ноги, сказал: “Благодарю. Но видите ли, в чем же я должен просить помилования? Это вопрос. . . Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, – а об этом разве можно просить помилования?! Благодарю вас за труды. . . От подачи прошения я положительно отказываюсь”. . .»

В истории русского освободительного движения нам известно не мало случаев, когда выдающиеся политические деятели гнулись под тяжестью ссылки или тюремного заключения и готовы были купить освобождение и возвращение к деятельности ценою унижительного компромисса. Так писали по начальству о смягчении участи Герцен и Салтыков-Щедрин. Так Бакунин написал Николаю I из крепости свою знаменитую исповедь.

Чернышевский остался непреклонен.

9

В этой несокрушимой духовной мощи Чернышевского была одна черта, которую тоже надо почувствовать и продумать.

Поэт Валерий Брюсов сказал:

Дышать грядущим – гордая услада.

Чернышевскому в высочайшей степени присуща эта способность жить для будущего, дышать грядущим и ради него погибнуть в настоящем.

Еще двадцатилетним юношей 10 декабря все того же 1848 года, он записал в дневнике: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства. . . И если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества их, и сладко будет умереть, а не горько».

В глубоко отсталой стране, в крепостнической николаевской России одинокий мыслитель создавал смелые планы будущего революционно-социалистического строительства. Он сам нисколько не обольщался быстротой их осуществления. Он твердо знал, что и меньшие планы скромных реформ вызывали в архаической государственной власти дикую реакцию. Он был уверен, что сам также погибнет в столкновении с этой властью и не увидит торжества своих убеждений. Но так глубока была его убежденность, так стихийно его вера в конечное торжество «стесненных» классов, что это давало ему мощь и непоколебимость. В этой непоколебимой вере в будущее, в этой способности отрешаться от всех условностей и ограниченностей современной жизни и подниматься навстречу светлому будущему, вновь раскрывается перед нами мощная сила мыслителя-революционера.

И когда в первые годы революции на родине Чернышевского, в Саратове, на постаменте памятника, где прежде стоял бюст Александра II, сославшего Чернышевского в Сибирь, был водружен бюст Чернышевского; когда в революционные праздники мимо него проходили колонны Красной армии и склонялись красные знамена; когда теперь, в столетие со дня рождения Чернышевского, на всем протяжении Союза советских социалистических республик чувствуется его память, мы лучше понимаем замечательные слова – не слова, а глубокое откровение сердца Чернышевского: «Восторг, какой является у меня при мысли о будущем социальном порядке, при мысли о будущем равенстве и отрадной жизни людей, – спокойный, сильный, никогда не слабеющий восторг».

1928

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья впервые напечатана в журнале «Искусство». 1928. Кн. 3/4. Основным документальным материалом для психологической характеристики Чернышевского являются его автобиография, дневники и письма. См. издания: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. 3 т. ГИЗ. 1928–1930. Биографические данные см. в книге Ю. М. Стеклова Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Издание второе. ГИЗ. 1928. Библиография воспоминаний о Чернышевском (составленные Н. М. Чернышевской-Быстровой) см. в книге Литературные беседы. Вып. 2. Саратов, 1930. Н. К. Пиксанов. Юбилейная литература по Чернышевскому (критический обзор). Литература и марксизм. 1928. Кн. 5.

УДК 821.161.1.09+929Пиксанов

Н. М. Чернышевская

ВСТРЕЧИ С НИКОЛАЕМ КИРЬЯКОВИЧЕМ ПИКСАНОВЫМ

С Николаем Кирьяковичем Пиксановым я познакомилась в конце 1916 г. и была у него весной 1917-го, когда состояла слушательницей Бестужевских курсов. Но познакомилась не как курсистка, а как составитель именного указателя к книге А. Н. Пыпина «Очерки литературы и общественности при Александре I»¹, которую Николай Кирьякович редактировал по просьбе моей тетушки Веры Александровны Пыпиной. Составление именного указателя она поручила мне, научила пользоваться при этом карточной системой, и я, выполнив эту первую свою «научную работу для печати», отправилась с начисто переписанной рукописью на квартиру Пиксанова. Он жил на Петроградской стороне. Шла к нему не без страха, потому что перед этим присутствовала при разговоре по телефону с ним В. А. Пыпиной, которая просила, чтобы на титульном листе книги была выставлена моя фамилия как автора указателя.

– Этого никогда не делают, – отвечал Николай Кирьякович со свойственной ему твердостью тона и духа. Как ни упрасивала его моя тетушка, он остался неумолим.

Все же я была вознаграждена за свою работу: когда Пиксанов взял в руки мою рукопись, то рассыпался в похвалах почерку. Указатель был напечатан. И еще одной наградой были для меня строчки в поздравительной телеграмме, полученной от Николая Кирьяковича через 50 лет: «Помню вас молоденькой девушкой, когда в Петербурге вы помогли мне при составлении сборников статей академика Пыпина. . .»² (18 декабря 1966 г.).

Я была тогда на первом курсе, но, как и все бестужевки, с чувством внутренней свободы, порожденной во вчерашней гимназистке, которая не чувствовала над собой стука классной дамы карандашом по ее столу, с наслаждением бегала на все лекции, какие только хотелось. Кроме своих профессоров И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, А. И. Введенского, В. В. Петуховой и других, слушала Д. В. Айналова, Ф. Ф. Зелинского, С. Ф. Платонова, В. В. Сиповского и, наконец, незаконно посетила аудиторию, где читал лекцию о древней русской литературе Н. К. Пиксанов. После в Саратове я слушала этот же его курс и поражалась, до чего пасмурна была та петербургская комната,

---

¹ Пыпин А. Н. Очерки литературы и общественности при Александре I / предисловие и примечания Н. К. Пиксанова. Петроград, 1917.

² Телеграмма от Н. К. Пиксанова из Ленинграда в Саратов Н. М. Чернышевской от 18.12.1966 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3311.

в окна которой стучал монотонный осенний дождь, в сравнении с заливой солнцем аудиторией Саратова, где даже голос лектора звучал свободнее и выразительнее, когда он упоминал такие диковинные имена, как, например, Францель Венциан.

Многие бестужевки очень интересно рассказывают о преподавании литературы Николаем Кирьяковичем Пиксановым, приват-доцентом Петербургского университета, который в 1909 г. был приглашен на кафедру русской литературы Бестужевских курсов. «Выдающийся литературовед, историограф, талантливый организатор Н. К. Пиксанов ставил работу своих семинаристов на строго научную основу. Продуманная во всех деталях организация занятий – характерная черта его семинаристов», – пишут его ученицы¹.

Эту школу Пиксанова удалось пройти и мне, когда я училась в Саратовском университете (1918–1920 гг.) на педагогическом факультете (тогда историко-филологического факультета не существовало)². Николаем Кирьяковичем были организованы семинары о жизни и творчестве И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и по истории русского театра XVIII века. Занимались мы в медицинском корпусе университета, пропитанном запахом мертвецкой, помещавшейся наверху у профессора Стадницкого, но мы не обращали на это внимания.

Пиксанов щедро дарил слушателям недавно вышедшие свои работы: «Три эпохи», «Два века русской литературы», «Хронология русской литературы», Тургеневский и Некрасовский сборники (1915–1918 гг.), составленные, из работ его лучших учениц. Некрасовский сборник был подготовлен совместно с В. Е. Евгеньевым-Максимовым.

Обширную и глубоко содержательную лекцию (прочитанную при переполненной аудитории) Н. К. Пиксанов посвятил А. Н. Пыпину в его юбилей.

Вообще аудитории на лекциях Пиксанова были переполнены до отказа. В большинстве своем студенты состояли из молодежи, только что окончившей средние учебные заведения Саратова, но были и совсем взрослые люди, как например, учитель мужской гимназии будущий профессор А. П. Скафтымов, бывший член Ученой архивной комиссии историк саратовского края С. И. Быстров, журналист С. А. Белевитский (будущий сотрудник Гослитиздата) и многие другие.

Особенно взволновала нас первая организационная речь Николая Кирьяковича, в которой он заявил, что допустит к участию в своих семинарах только тех студентов, которые сдадут коллоквиум. Первый семинар был посвящен И. С. Тургеневу. По заданию руководителя

---

¹Сноска была в тексте Н. М. Чернышевской: *Ивлева, М. М., Цветова, М. С.* Преподавание литературы на историко-филологическом факультете // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Л., 1965. С. 95.

²Неточность: историко-филологический факультет Саратовского университета существовал в 1917–1921 гг.

мы должны были прочесть все романы Тургенева и помнить не только содержание и проблематику, но и имена действующих лиц. Если «Дворянское гнездо» и «Накануне» были известны мне еще по программе в гимназии, то «Новь» и особенно «Дым» странно и непривычно было читать впервые в обстановке Октябрьской революции, гражданской войны и строительства музея Н. Г. Чернышевского, в холодном и голодном его родном городе, когда рядом в семье рубили капусту и жаловались всем на «нашу интеллигенцию Нину, уткнувшуюся в книгу».

На коллоквиум собрались мы в полном составе. В аудитории яблоку негде было упасть, а наши сердца буквально выпрыгивали из груди от страха. Первый вопрос был задан одной заикающейся девушке, которая едва могла ответить, как была фамилия Елены – героини романа «Накануне». Продолжался коллоквиум с утра до самого вечера, когда уже зажгли свет, и мы из аудитории перешли в один из кабинетов другого корпуса. Я все ждала до самого конца, но меня Николай Кирькович почему-то не спросил. Так же он поступил и с С. И. Быстровым.

Итак, мы начали с тургеневского семинария (тогда говорили «семинарий», а не «семинар», как сейчас). Список тем был чрезвычайно разнообразен и интересен. Чудесно прошел вечер, на котором читала реферат на тему «Тургенев и театр» будущая артистка МХАТа Вера Бендина, в белом платье, с распущенными черными волосами. Творческая история романов Тургенева изучалась еще в те далекие годы, и в нашем воображении сплетались образы Рудина и молодого Бакунина, Базарова и провинциального врача. Под рукой была обширная литература из библиотеки профессора И. А. Шляпкина, только что переданной в Саратовский университет по его завещанию вместе с огромным рабочим креслом.

Свой реферат «Черты характера Тургенева» я читала в мае, когда у памятника Чернышевскому продавались ландыши и незабудки. В этот доклад был введен не только литературный материал, но и выдержки из неизданной переписки Тургенева с графиней Ламберт, с которой я ознакомилась в Петербургской Академии наук по поручению В. А. Пыпиной. Писать эту работу было для меня наслаждением. До сих пор хранится у меня тетрадка в обложке из тонкой желтой оберточной бумаги (в 1919 г. настоящих тетрадок не было). Было так смело и ново указать ответы на анкету о любимом изречении Тургенева и Маркса. . . Потрясающее сравнение!

Вместе с товарищами по Бестужевским курсам я могла бы повторить: «Особенно много мне дали семинары Н. К. Пиксанова. Сколько раз потом я с глубокой признательностью вспоминала этого талантливый руководителя, который так интересно и умно учил нас искать нужный

материал, собирать, систематизировать и анализировать его, выделить основное, существенное, обобщить и, наконец, сделать выводы»¹.

Летом 1919 г. Николай Кирьякович пригласил нас, своих учениц, на собрание, посвященное организации нового учебного года. На этот раз он остановился на творчестве И. А. Гончарова, ознакомил нас со списком тем, указал литературу и предложил записываться. Но прежде чем студенты записались, Пиксанов сказал: «А есть у меня еще одна тема, совсем особая. Она требует большого терпения, точности, усидчивости, библиотечных поисков, она может показаться скучной, но значение ее для литературы будет велико. Это – библиография писем Гончарова. Подумайте хорошенько, прежде чем взять на себя эту работу».

Тут во мне точно огонек зажегся. Я в тот же день подошла к Николаю Кирьяковичу и попросила: «Разрешите мне взять эту тему».

И он с большой радостью разрешил, сказал, чтобы я приходила к нему для консультации, затем направлял ход моих поисков, снабжая списками журналов, учил условным сокращенным их обозначениям, указывал библиотеки, где можно отыскать литературу. Я приходила к нему раз в неделю, докладывая о сделанном. Кроме университетской библиотеки, Пиксанов посоветовал мне обратиться в Институт Народного образования на Приютской (теперь Комсомольской) улице, директором которого он был. В первый же день, когда я пришла туда прорабатывать старые издания «Вестника Европы», мне оказал помощь замещавший библиотекаря А. П. Скафтымов.

Библиография писем Гончарова была закончена в том же 1919 г., и на первой же лекции нового учебного года Пиксанов рассказал о ней в аудитории, что было для меня высшей наградой. Работу эту он хотел напечатать, для чего ездил в Москву, но опубликовать ее тогда было невозможно. Лишь через 40–50 лет кто-то другой работал над библиографией Гончарова, когда я уже настолько отошла от этой темы, что даже не упоминала в переписке с Н. К. Пиксановым о своей «младенческой» работе. От нее осталось только светлое воспоминание и тот научный навык, который позже я применила в библиографических работах о Н. Г. Чернышевском, начиная с его «Летописи жизни», когда стала работать в Доме-музее Н. Г. Чернышевского.

Н. К. Пиксанова уже в те годы считали очень крупным библиографом (проф. А. Г. Фомин), а известный библиограф Книжной палаты Е. Шамурин в статье «Организация библиографического дела в РСФСР (1917–1927)» писал: «Музей им. Чернышевского в Саратове

---

¹Сноска была в тексте Н. М. Чернышевской: *Семашко, А. А.* Педагог и депутат // Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969. С. 113.

ведет серьезные работы по библиографии произведений Н. Г. Чернышевского и литературы о нем»¹. Речь идет о работах, начатых под руководством Н. К. Пиксанова. Поэтому нас всех очень опечалил переезд Николая Кирьяковича в Москву, куда он был переведен на кафедру русской литературы в университет. Состоялся наш прощальный вечер в здании Этнографического музея у профессора Бориса Матвеевича Соколова. Бывшие слушатели Пиксанова обращались к нему с теплыми задушевными речами. А он сделал нам неожиданный подарок: выступил со своей автобиографией, облеченной в форму интереснейших мемуаров.

После отъезда Пиксанова из Саратова осиротели не только его студенты, но и университет, осиротел Дом-музей Н. Г. Чернышевского и вся наша семья: ведь мы с мужем были учениками Н. К. Пиксанова, кроме того, муж был его сотрудником в кабинете русской литературы. На нашей свадьбе Николай Кирьякович произнес два тоста, в которых призывал любить литературу и служить памяти Чернышевского. Один из его тостов был посвящен моему отцу, с большими трудностями создававшему тогда музей Н. Г. Чернышевского. Н. К. Пиксанов с неослабевающим интересом относился к этому делу, бывал у нас в доме, знакомился с неизданным тогда архивом Н. Г. Чернышевского и оставил на докладной записке М. Н. Чернышевского на имя А. В. Луначарского строки, подтверждающие ценность музейных материалов (1921 г.). В дневнике М. Н. Чернышевского сохранились выражения горького сожаления об отъезде из Саратова крупной научной силы в лице Н. К. Пиксанова, морально поддерживавшего музей и его основателя.

После смерти М. Н. Чернышевского связь музея с Николаем Кирьяковичем не прерывалась. У нас завязалась переписка, продолжавшаяся с некоторыми перерывами до самых последних дней жизни ученого, когда 70-летние бывшие ученицы-бестужевки окружили его вниманием. Мы собирались в Саратове в библиотеке Дома-музея Н. Г. Чернышевского для составления приветствий Пиксанову. Нас было уже мало: из десяти саратовских бестужевок, взятых на учет Ленинградским комитетом, собралось всего пять: М. Н. Попова, О. А. Гиттерман, В. Е. Ломтева, А. А. Экстрем и Н. М. Чернышевская.

Большую роль в моей жизни Н. К. Пиксанов сыграл как зачинатель и вдохновитель краеведческого литературоведения. Еще в Саратове, в 1919–1921 гг., бывая у нас в доме как в будущем музее, Николай Кирьякович живо интересовался неизданными рукописями Н. Г. Чернышевского, хранившимися у нас, и подолгу беседовал с основателем музея – Михаилом Николаевичем Чернышевским – о биографии его отца, о семейной переписке и дневниках. Большое внимание Н. К. Пиксанов

---

¹Сноска была в тексте Н. М. Чернышевской: *Шамурин, Е.* Организация библиографического дела в РСФСР (1917–1927) // Библиография в СССР и книжные палаты. Харьков, 1928. С. 50.

уделял также записанным воспоминаниям моей бабушки Екатерины Николаевны Пыпиной о семейной старине и высказывался о необходимости устроить вечер чтения этих записей для студентов.

И хотя книга Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда»¹ вышла после отъезда Николая Кирьяковича из Саратова и стала библиографической редкостью, но уже в то время в Доме-музее Н. Г. Чернышевского была подготовлена почва для освоения литературно-краеведческой тематики, что сказалось и на библиографических работах, и на «Летописи жизни. . .» в ее первоначальной рукописи, и на трех изданиях книги «Н. Г. Чернышевский в Саратове» (1948–1952 гг.), и на книге для детей «Саратовский мальчик», выдержавшей пять изданий (1958–1971 гг.). Это сказалось и на исследовании памятных мест Н. Г. Чернышевского в родном городе и родном крае. Это отразилось, в частности, на двух изданиях путеводителя (1952–1953 гг.).

Влияние Н. К. Пиксанова на проблематику музейных изданий по литературоведческому краеведению зримо ощущается в предисловии к книге автора этих строк «Н. Г. Чернышевский в Саратове», где показывается, что «саратовские впечатления и наблюдения имели огромное значение для формирования характера и мировоззрения революционного демократа. Возникая на родной почве, они обобщались им и связывались с широкой картиной жизни всей страны. Во всех крупных беллетристических произведениях Н. Г. Чернышевского, а также в его мелких рассказах, “Автобиографии” и переписке встречается этот саратовский материал. Он просвечивает в его публицистических работах и особенно в статьях по крестьянскому вопросу»².

Н. К. Пиксанов справедливо восставал против областничества как литературно-политического явления. Он указывал, что оно потеряло свой смысл, но это не означает, что не следует изучать литературный вклад в историю города, края. Книга «Н. Г. Чернышевский в Саратове» построена по этому принципу. Будучи ученицей и последовательницей Н. К. Пиксанова, я продолжала его научно-методологические традиции.

После отъезда Николая Кирьяковича из Саратова наша переписка вливалась в меня новые силы к продолжению научной работы в том направлении, какое было получено на его семинарах и в беседах с моим отцом в стенах нашего дома.

Прежде всего, Николай Кирьякович позаботился о выполнении предсмертной просьбы моего отца: помочь опубликованию неизданных произведений Н. Г. Чернышевского. 5 мая 1925 г. Пиксанов с радостью извещает меня, что ему удалось найти издателя – («Московский рабочий») – для опубликования писем Николая Гавриловича к Некрасову,

---

¹Сноска была в тексте Н. М. Чернышевской: *Пиксанов, Н. К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. М.; Л., 1928.

²Сноска была в тексте Н. М. Чернышевской: *Чернышевская, Н. М.* Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1952. С. 3–4.

Добролюбову и Зеленому, и торопит: «Необходимо получить рукопись немедленно»¹.

С июня по сентябрь 1925 г. мы обменивались с Николаем Кирьяковичем, с одной стороны, материалами, с другой – сообщениями об их подготовке. Я сличала тексты с оригиналами, он – запрашивал сведения для комментариев и присылал корректуры. В музее одновременно готовились снимки для иллюстраций.

Наконец, книга вышла. Ее появление было для того времени событием в литературном мире, так как она представляла собой первое пореволюционное, научно проверенное документальное издание.

В дальнейшем Николай Кирьякович снова предлагал мне помочь в деле устройства в печать найденных в музейном архиве рукописей Н. Г. Чернышевского.

Большое место в нашей переписке занимали вопросы научной библиографии. Еще в 1927 г. Н. К. Пиксанов запрашивал меня о состоянии работы по составлению «Летописи жизни Чернышевского». «Этот замысел Ваш я особенно ценю», – писал он мне 3 декабря 1927 года².

Было у него большое желание приступить и к созданию общей библиографии о Н. Г. Чернышевском. Но тормозом в этой работе послужило то обстоятельство, что оказалась утерянной рукопись М. Н. Чернышевского, которую он отдал, будучи в Москве, одному ответственному лицу, обещавшему устроить ее в печать третьим изданием. Мы с Н. К. Пиксановым принялись за розыски рукописи. Вскоре к этим поискам присоединилась М. В. Нечкина, которой хотелось закончить издание юбилейного пятитомника избранных сочинений Н. Г. Чернышевского библиографическим томом вместе с «Летописью». Наши многолетние поиски оказались безрезультатными, так как ушел из жизни обладатель рукописи моего отца.

Наконец, наступил момент, когда нами было решено заново создать библиографию. И здесь сказалась географическая разобщенность наша с Николаем Кирьяковичем: она препятствовала постоянному и непрерывному общению. Переписываться с Пиксановым при страшной его занятости по всевозможным мелким вопросам, требовавшим немедленного совместного обсуждения, было просто невыполнимо.

Пришлось отказаться от составления библиографии литературы о Н. Г. Чернышевском. Обоим нам это было очень тяжело. «Очень я огорчен исчезновением рукописи М. Н. Чернышевского, – писал мне Николай Кирьякович 19 декабря 1927 года, – не хочется верить ее гибели»³

---

¹ Письмо от Н. К. Пиксанова Н. М. Чернышевской от 05.05.1925 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/438.

² Письмо от Н. К. Пиксанова Н. М. Чернышевской от 03.12.1927 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3284.

³ Письмо от Н. К. Пиксанова Н. М. Чернышевской от 19.12.1927 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3285.

Она нашлась через 30 лет.

Вместе с тем, Николай Кирьякович одобрил составление библиографии сочинений и писем Чернышевского, сообщил некоторые свои соображения, дал советы, предложил просмотреть эти работы.

Первое издание «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (подготовленное в Саратове) вышло в Москве в 1933 г. под редакцией Валериана Полянского (Павла Ивановича Лебедева-Полянского). По поводу выхода этой книги Н. К. Пиксанов писал мне 29 августа 1933 г.: «Поздравляю Вас и литературоведение с полезной работой»¹.

Наша литературная переписка с Николаем Кирьяковичем возобновилась в начале 50-х годов, когда я, будучи членом редколлегии Гослитиздата, принимала участие в подготовке полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. К этому времени литературным секретарем Николая Кирьяковича В. Э. Боградом была выполнена интересная работа «Забывтые тексты Чернышевского». Н. К. Пиксанов прислал мне ее при письме от 4 апреля 1951 г. с просьбой напечатать. Как редактор последнего, 16-го тома собрания сочинений Николая Гавриловича, по удивительному стечению обстоятельств проработавшая одновременно те же тексты в «Отечественных записках» 1853–1854 гг., я с большим удовлетворением дала ход присланной рукописи, опубликовав ее в 16-ом томе и использовав в «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., Гослитиздат, 1953).

В том же письме Н. К. Пиксанов спрашивал у меня, нет ли в Доме-музее сведений об отношении Добролюбова и Чернышевского с Гончаровым, творчеством которого он в то время занимался.

В 1958 г. было торжественно отмечено 80-летие Николая Кирьяковича Пиксанова. Я присутствовала в числе гостей на этом торжестве, выступала в Пушкинском Доме с чтением адреса. Затем состоялось наше свидание с Николаем Кирьяковичем у него дома; но оно было недолгим, потому что в соседней комнате лежала тяжело больная его жена Валентина Антоновна. Николай Кирьякович с удовольствием принял привезенную ему в подарок рукопись о двоюродной сестре Н. Г. Чернышевского Екатерине Николаевне Пыпиной и, достав папку с материалами о Пыпине из своей знаменитой картотеки, предложил мне с ней ознакомиться. Очень интересно было держать в руках эту драгоценную частицу огромной библиотеки Николая Кирьяковича.

Потом я предложила своему учителю на выбор несколько своих фотографий, и он выбрал ту, где я сижу с полуулыбкой за шахматами. Я напомнила ему о моей далекой свадьбе, на которой он присутствовал, о его выступлении тогда за столом.

---

¹Письмо от Н. К. Пиксанова из Ленинграда в Саратов Н. М. Чернышевской от 29.08.1933 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3288.

– Если вы еще будете мне об этом рассказывать, – сказал Николай Кирьякович, – то я заплачу.

Я тоже была взволнована и потому замолчала.

На прощанье Пиксанов подарил мне список своих печатных работ, опубликованный в Ленинграде к его 80-летию, с дарственной надписью: «Дорогой Нине Михайловне Чернышевской на добрую память о наших давних совместных литературных работах от Н. Пиксанова. 18. IV.1958».

После смерти Валентины Антоновны (2 июня 1962 г.) моя переписка с Николаем Кирьяковичем проходила при участии его второй замечательной спутницы жизни Марии Ивановны Колесниковой, принявшей на себя горячую заботу о здоровье Пиксанова, почти утратившего зрение.

В 1963 г. я узнала от профессора Е. И. Покусаева, возвратившегося из Ленинграда, что Николай Кирьякович выразил желание иметь рукопись моих воспоминаний, посвященных его 80-летию. Я послала рукопись и не могла не присоединить к ней следующих строк: «Перечитав ее перед отправлением, я снова перенеслась в те чудесные минувшие годы, которые были озарены Вашим присутствием в Саратове. Хотелось бы, чтобы эти страницы донесли до Вас из прошлого всю любовь и все уважение, которое Вы навсегда внушили Вашим ученикам».

«Получил Ваше письмо и “Воспоминания”, – отвечал Николай Кирьякович в письме от 6 июля 1963 г.¹ – Тронут и признателен за теплый тон воспоминаний. Вы сообщаете немало таких подробностей, которые я уже позабыл. Сберегу эти воспоминания в моем архиве; они ценны не только мне лично, но и как странички из культурной истории Саратова»².

В 1964 г. выпал случай опять обратиться к Николаю Кирьяковичу после того, как меня навестила в Переделкине бывшая бестужевка из Москвы Лариса Павловна Богословская. Узнав, что она написала работу о деятельности двух представительниц семьи Стасовых, которых можно рассматривать как прототипов образа Веры Павловны из романа «Что делать?», я посоветовала ей обязательно побывать у Николая Кирьяковича и попросить его ознакомиться с такой интересной работой³. Встреча наша с Богословской состоялась летом, а в ноябре М. И. Пиксанова-Колесникова извещала меня, что Лариса Павловна побывала у Пиксановых.

Этот случай (обращение к Николаю Кирьяковичу) очень сблизил нас с Л. П. Богословской. Поработав по совету Николая Кирьяковича в Пушкинском Доме над архивом Стасовых, она прислала мне вскоре

---

¹Здесь Н. М. Чернышевская ошиблась с датировкой письма, оно от 6 июня 1963 г.

²Письмо на почтовой карточке от Н. К. Пиксанова из Ленинграда в Саратов Н. М. Чернышевской от 06.06.1963 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3296.

³Вероятно, речь идет о работе: *Богословская, Л. П.* «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* М., 1974.

значительно дополненную свою рукопись. Эта работа принята к печати группой историков академика М. В. Нечкиной. Крестным отцом ее, конечно, был Николай Кириякович. А наша переписка с Ларисой Павловной, вдохновленная встречей с Пиксановым, длится многие годы. Мы опять чувствуем себя молодыми бестужевками, крепко спянными литературным благословением нашего учителя.

Несмотря на тяжелую болезнь (катаракту глаз), Николай Кириякович живо реагировал на присланную ему мою книгу «Повесть о Чернышевском». Под его диктовку М. И. Колесникова написала, что и письмо, и книга тотчас же были прочитаны Николаю Кирияковичу. Она сообщила в своем письме 29 ноября 1964 г. его мнение о книжке: «Написана живо, легким и доступным языком. Рассказ ведется просто и фактично. Для молодежи она служит полным ознакомлением, хотя книжка написана сжато, экономно. Он вынес впечатление, что Вам следует продолжать литературную работу»¹. Пиксанов одобрил также мое желание опубликовать воспоминания бабушки Е. Н. Пыпиной и просил написать, что в случае приезда в Ленинград его картотека и другие материалы – к моим услугам.

В 1965 г. Н. К. Пиксанов написал для Московского сборника о бестужевках справку о научных работах бестужевков-литературоведов за советское время. К этой справке он присоединил сведения и о моих работах, пользуясь библиографическим словарем К. Д. Муратовой² и моими дополнениями в переписке.

Из письма Пиксанова от 27 декабря 1965 г. видно, что большое письмо и пакет с перечнем моих работ были получены Николаем Кирияковичем. Там же он выражает готовность содействовать чем только может 3-му изданию «Летописи» Чернышевского (уже подготовленной и находившейся в рукописи), сообщает о получении 4-го сборника о Чернышевском, изданного Саратовским университетом, и благодарит за добрые упоминания о нем в моей статье «У истоков (к истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского)»³.

Были присланы мне и фотопортреты Николая Кирияковича и Марии Ивановны Пиксановых.

Накануне 90-летия со дня рождения Николай Кириякович прислал мне драгоценный подарок – свою книгу «Роман Гончарова “Обрыв” в свете социальной истории» с дарственной надписью: «Дорогая Нина Михайловна! Прочтите эту книгу, где много сказано о Чернышевском, и сообщите Ваше мнение. Ваш Н. Пиксанов».

---

¹Письмо от М. И. Колесниковой-Пиксановой из Ленинграда в Саратов Н. М. Чернышевской от 29.11.1964 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/3299.

²История русской литературы XIX века: библиографический указатель / под редакцией К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962.

³Письмо от Н. К. Пиксанова и М. И. Колесниковой-Пиксановой Н. М. Чернышевской от 27.12.1965 г. // МНГЧ. ОФ. № 7347/444.

Прочитав книгу, я послала автору письмо с отзывом, высказав впечатление от особенно поразившего меня анализа творческого портрета Веры, полностью раскрывшего для меня ее внутренний облик. Только у Н. К. Пиксанова можно найти такие сильные, поистине скульптурные характеристики литературных героев. Много, много духовного наслаждения дала мне эта книга, воссоздавшая с такой четкостью социальные и идейные борения 60-х годов XIX века. Еще многим она поможет понять, как важно изучать творческую историю классических произведений. В моем письме к Николаю Кирьяковичу отразилась лишь сотая доля того, что было пробуждено во мне как в читателе, исследователе и писателе его прекрасной книгой.

Юбилейные даты жизни Николая Кирьяковича я несколько раз отмечала в Доме-музее Н. Г. Чернышевского чтением докладов о нем и своих воспоминаний о саратовском периоде его жизни и деятельности.

90-летие Н. К. Пиксанова прошло торжественно в Пушкинском Доме. Мы, бестужевки, приняли большое участие в этом торжестве, переживали праздник нашего учителя и друга как большое событие в нашей собственной жизни, озаренной отрадным сознанием самого существования на нашей планете большого и нужного советской науке Человека.

Неожиданный уход его из жизни был для нас неутешным горем. Хочется оставить будущим поколениям память о нем как о светильнике советской науки, потому что его деятельность отразила и обогатила нашу великую эпоху, создавшую таких выдающихся деятелей социалистического просвещения.

Републикацию воспоминаний Н. М. Чернышевской подготовил старший научный сотрудник МУК «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского» П. П. Послушаев, орфография и пунктуация автора сохранены.

УДК 821.161.1.09-6+929[Буш+Чернышевская]

А. В. Зюзин

E-mail: ZyuzinAV@info.sgu.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

**ПИСЬМА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА БУША
НИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЧЕРНЫШЕВСКОЙ-БЫСТРОВОЙ
(ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)**

Аннотация. Статья посвящена письмам Владимира Владимировича Буша, ученого-литературоведа, фольклориста, этнографа, краеведа, библиографа, профессора и декана педагогического факультета СГУ (1924–1931 гг.) Нине Михайловне Чернышевской-Быстровой, директору Дома-музея Н. Г. Чернышевского (1924–1975 гг.).

Ключевые слова: В. В. Буш, Н. М. Чернышевская-Быстрова, эпистолярный, письма, Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Пыпин.

A. V. Zyuzin

Saratov State University

**LETTERS FROM VLADIMIR VLADIMIROVICH BUSH
NINA MIKHAILOVNA CHERNYSHEVSKAYA-BYSTROVA
(GENERAL CHARACTERISTICS)**

Abstract. The article is devoted to the letters of Vladimir Vladimirovich Bush, a scholar of literary criticism, folklorist, ethnographer, ethnographer, bibliographer, professor and dean of the pedagogical faculty of SSU (1924–1931) Nina Mikhailovna Chernyshevskaya-Bystrova to the director of the N. G. Chernyshevsky house-museum (1924–1975).

Keywords: V. V. Bush, N. M. Chernyshevskaya-Bystrova, epistolary, letters, House-museum of N. G. Chernyshevsky, N. G. Chernyshevsky, A. N. Pypin.

В научно-творческом наследии ученого-исследователя особое место занимает эпистолярный. Общение посредством писем, опосредованный диалог во времени приоткрывает творческую лабораторию ученого и круг его научных связей. Вопросы, затрагиваемые, обсуждаемые и решаемые в письмах, подчас имеют серьезное влияние на формирование научных изысканий, построение ученых гипотез, а порой и формирование мировоззрения поколений и выстраивание творческой биографии самих корреспондентов. Эпистолярный архив ученого-исследователя говорит о масштабе его личности и увлеченности научными идеями своих коллег по цеху. Как правило, в переписке исследователя отображаются многочисленные свидетельства внимательного изучения трудов своих предшественников, профессиональных контактов с представителями научного сообщества своего времени, суждения о концепциях и характеристики взглядов коллег.

В фондах Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского находится множество документальных и рукописных материалов, посвященных как собственно Н. Г. Чернышевскому, так и истории музея (Дома-музея / Музея-усадьбы) и его сотрудникам. В числе материалов основного хранения есть документы Нины Михайловны Чернышевской, многие годы возглавлявшей музей и сотрудничавшей с рядом ведущих ученых нашей страны и зарубежья по работе с творческим наследием Н. Г. Чернышевского и семьи Пыпиных. Среди многочисленных документов и материалов есть и эпистолярный архив Нины Михайловны Чернышевской-Быстровой. Для нашей работы важны письма Владимира Владимировича Буша, ученого-литературоведа, этнографа и фольклориста, краеведа и библиографа, общественного деятеля, профессора кафедры русской литературы Саратовского государственного университета (1924–1931 гг.) и декана

педагогического факультета СГУ, заведующего отделом редких и ценных книг и рукописей Фундаментальной библиотеки СГУ (1930–1931 гг.) [1].

К сожалению, доподлинно нам не известно общее количество эпистолярных свидетельств знакомства Нины Михайловны и Владимира Владимировича [2]. В музейном фонде хранится десять таких свидетельств, которые охватывают период с 1930 по 1933 год: 1930 – одно письмо, 1931 – шесть писем и два документа, 1932 – одно письмо и 1933 – два письма. Первое послание датировано октябрём 1930 года, последнее – 25 декабря 1933 года [3]. Следует отметить, что последнее письмо написано женой ученого Верой Николаевной Буш.

В корреспонденции Владимира Владимировича отражены вопросы научно-исследовательского характера, в том числе касающиеся творческого наследия Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина, работа Дома-музея Н. Г. Чернышевского и Института новой литературы (б. Пушкинский Дом), а также личные события.

Если в архивном фонде В. В. Буша (Российская национальная библиотека) [4] первое из сохранившихся писем Нины Михайловны датируется 1928 годом, а за 1930 год имеется два послания, то в архивном фонде Нины Михайловны (Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского) за 1930 год только одна корреспонденция, которую можно назвать скорее запиской. Приведем ее текст:

«Многоуважаемая

Нина Михайловна

Посылаю корректуры. Обязательно прошу вернуть их мне не позднее 10 часов утра 1 ноября.

Вл. Буш

1930 г.» [3, л. 1].

Из записки понятно, что речь идет об издании, в котором В. В. Буш является ответственным редактором, а Нина Михайловна – одним из авторов, представляющих свою работу для публикации. В этом году Нина Михайловна Чернышевская-Быстрова готовила к печати несколько работ. В данном случае речь идет о вычитке корректур двух ее работ: «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: (библиографический указатель)» и «Краткий обзор научной деятельности Дома-музея Н. Г. Чернышевского», подготовленных ею для второго сборника «Литературных бесед» Общества литературоведения при СГУ. Сборник, в который вошли статьи Нины Михайловны, был издан [5, 6].

Письма 1931 года более объемные, это связано прежде всего с тем, что В. В. Буш находится уже не в Саратове, а в Ленинграде, на новом месте работы в Институте новой литературы (б. Пушкинский Дом): «Вхожу в Ленинграде в работу в новой для меня обстановке. Работа в полной мере развернется в сентябре» [3, л. 3].

Вопросы, связанные с темой публикации творческого наследия Чернышевского, Буш затрагивает в письме-характеристике, в котором

сообщает Чернышевской-Быстровой о недавно вышедшем томе из 5-томного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского: «В Ленинграде я увидел 4-й т. Избр. Соч. Чернышевского под ред. Луначарского [7]. Увидел, обрадовался, а потом и опечалился. Все-таки жаль, что я не смог просмотреть корректуру. Там много ошибок и неудачных комментариев. И одна чрезвычайная конфузная вещь. Перепечатанная ст. Чернышевского об Островском в настоящее время считается ему не принадлежащей. Она¹ Автором этой статьи в настоящее время считается Добролюбов, в собрание сочинений которого она и включена в редакции Лемке [8].

Конечно, с такой трактовкой вопроса можно было не согласиться, но тогда в примечаниях надо было специально оговорить этот вопрос и осветить его. А так получается конфуз!!

Получили ли Вы этот том? И не подскажите ли мне, как мне бесплатно получить один экземпляр, поскольку один из участников» [3, л. 2, 3].

По просьбе Нины Михайловны Буш уточняет сведения для комментариев и летописи Н. Г. Чернышевского, над которой работает Чернышевская-Быстрова: «<...> моя справка в библиотеку Академии Наук по интересующему вас вопросу дает следующий “результат”. Ни статьи, ни журнала “Nord” – нет. Есть – “Ze Nord Journal international bruxeles”. Эта газета, издававшаяся в Брюсселе Н. П. Попенколем с 1855 г. до – установить не могли, но в библиотеке Академии Наук во всяком случае имеется ряд разрозненных комплектов с 1858 г. до 1876 г. / имеются гг.: 1860, 65, 66, 67–69, 70–76/.

О Попенполе есть статья у Брокгауза-Ефрона (Т. 47, стр. 22).

Вот эту справку дали мне в библиотеке Ак. Н. Если нужны какие-нибудь дополнительные сведения – напишите!

Из Вашего письма явствует, что Вы энергично работаете – было это мне как-то особенно приятно прочитать, ибо – почему-то субъективно – без всяких на то оснований я считаю музей им. Чернышевского и Вас в круге близких мне интересов <...>» [3, л. 14 – л. 15].

В письмах встречаются свидетельства научно-бытового характера жизни того времени, связанные с подготовкой и изданием сочинений Н. Г. Чернышевского: «Против Вашего обращения в соц./эк. сектор ГИЗ² а ничего не имею возразить.

Но мне хотелось бы в смысле денежного расчета иметь дело не с ГИЗ’ом, а с Вами, поскольку с самого начала издания я вел переговоры и работал именно с Вами, а не с ГИЗ’ом. Таким образом, я просил бы требовать деньги на Ваше имя с указанием расчета, а Вы уже выделили бы причитающуюся мне сумму и переслали ее сюда» (31 мая 1931 г.) [3, л. 5]; «За том сочинений Н. Г. Чернышевского я пока что не получил ни гонорара, ни “авторского экземпляра”. ГИЗ, очевидно, по своему обыкновению безобразничает» (27 июля 1931 г.) [3, л. 9 – л. 9 об.];

¹Зачеркнуто В. В. Бушем.

«За IV-й том Чернышевского до сих пор не получил ни денег, ни одного экземпляра книги. Если можете – закатите ГИЗ’у скандал. Это ведь, можно сделать от имени Музея. Работа была поручена Вам и персонально, и как возглавляющей музеей» (30 сентября 1931 г.) [3, л. 10 об.]

Поэтому к письму от 30 декабря приложена расписка:

«Расписка

Три тома (IV) избранных сочинений Н. Г. Чернышевского для передачи Влад. Влад. Бушу получил.

30/XII-1931 г.» [3, л. 20].

В письме от 7 января 1932 года Владимир Владимирович сообщает, что «получил и 2 экземпляра IV тома сочинений Чернышевского. Большое спасибо за все хлопоты» [3, л. 13].

А в мае 1933 года Владимир Владимирович благодарит Нину Михайловну за то, что прислала свой труд о Чернышевском: «Получил ваш новый труд: библиографическую канву Н. Г. Чернышевского. Приношу Вам за него большую благодарность» [3, л. 17]. К сожалению, это последняя работа, которую Буш будет с благодарностью принимать от Н. М. Чернышевской.

Тема наследия Н. Г. Чернышевского в письмах перекликается с темой наследия академика А. Н. Пыпина, двоюродного брата Н. Г. Чернышевского.

Владимир Владимирович живо делится научными новостями с нового места работы («Верстается моя книжка о литературном народничестве [9]. Наш Инст<итут> (б. Пушкинский Дом) сдал в печать 1-й № журнала [10]» [3, л. 3])¹ и обращается с просьбой о помощи: «Если вас не затруднит, хочу воспользоваться Вашим любезным предложением и просить Вас снять копии с писем и документов из пыпинского архива и прислать мне. Если можно – в ближайшее время. Для 2-го № журнала “Литература” /изд. И. Н. Л. И./² я пообещал статью о Пыпине. В 1-м № идет ст. о Миллере [11]» [3, л. 2 – л. 2 об.]. В следующем письме от 30 мая 1931 года В. В. Буш развивает комментарий по поводу своей просьбы и отклика на нее Нины Михайловны: «Письмо Ваше получил. Большое спасибо за хлопоты по снятию копий с писем Е. Н. Пыпиной»³.

Что касается до писем самого Пыпина, то я очень просил бы Вас заказать копии хотя бы с некоторых из них. Мне интересны всякие замечания его об его научных работах, отзывы о тех или иных обществах и литературных деятелях и т. п. Быть может, можно сделать просто некоторые выдержки из них.

¹В первом номере вышла статья В. В. Буша «Очерки по историографии русской литературы в классовом освещении».

²Второй номер журнала не вышел.

³Пыпина Евгения Николаевна (1835–1909) – сестра А. Н. Пыпина.

Я просил бы поручить это дело кому-нибудь за плату. Ведь это хлопотное дело. А Вы указали бы, что именно скопировать.

Издавать эти письма я не собираюсь – пока! Что Пиксанов¹ предлагает их издать – меня не смущает. Мне письма нужны для статьи о Пыпине, которую я обещал во 2-ой № журнала И. Н. Л. И., как продолжение статьи о Миллере (в общей серии очерков по историографии русской литературы в классовом освещении).

Здесь в И. Н. Л. И. я ближайшие дни сажусь за просмотр Пыпинского архива.

Ругаю себя, что не выкроил времени в Саратове для этого дела!» [3, л. 4 – л. 4 об.].

Следует отметить, что все письма так или иначе затрагивают пыпинскую тему. Нина Михайловна крайне заинтересована в том, чтобы Владимир Владимирович не только написал статью для издания «Литература» Института новой русской литературы, но и занялся материалами архива А. Н. Пыпина с научной точки зрения, подготовив ряд исследовательских статей и публикаций.

В письме от 14 июня 1931 года уточняется орфографический принцип копирования писем Пыпина: «Орфография мне на данном этапе – безразлична. Хотя в дальнейшем, возможно, потребуются новая. Таким образом, то, что Вы будете копировать в дальнейшем, я прошу делать по новой орфографии». [3, л. 6].

27 июля В. В. Буш сообщает: «Мне, Нина Михайловна, откровенно говоря, чрезвычайно совестно, что Вы для меня положили столько труда с копировкой писем Пыпина. Все, что можно будет сделать с компенсацией документов из Архива Н. А. Пыпиной² – сделаю. Черкните только что и какие именно документы Вы хотели бы иметь. Черкните это мне и одновременно еще раз от Вашего Музея в наш Институт официально.

Моя статья о Пыпине подвигается весьма туго. Как и вообще научная работа» [3, л. 9].

Стараясь выполнить просьбу Нины Михайловны, В. В. Буш держит интересующий директора музея вопрос на контроле, в письме от 30 сентября сообщает о пыпинском материале: «Письма в архиве Пыпина не могут найти. Обязательно разыщу и вопрос о передаче их Вам поставлю (отношение “Музея Чернышевского” – не получали)» [3, л. 10].

К сожалению, декабрьское письмо 31-го года и январское нового – 1932 года – полностью закрывают пыпинскую тему: «К статье о Пыпине, равно как и к обработке его писем не приступал. Нет совершенно времени» (20 декабря 1931 года) [3, л. 12]. «К сожалению, статью о Пыпине

¹Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) – литературовед, доктор филологических наук, профессор, сотрудник Пушкинского Дома, член-корреспондент АН СССР (1931), член Русского библиологического общества.

²Пыпина Наталия Александровна (1866–1932) – дочь А. Н. Пыпина. Ее письма хранятся в архиве А. Н. Пыпина в Пушкинском Доме.

придется отложить на неопределенный срок!» (7 января 1932 года) [3, л. 13].

Особо следует отметить желание В. В. Буша поспособствовать, оказать посильную помощь в представлениях широкой научной общественности трудов Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Он постоянно приглашает Нину Михайловну принять участие в каких-нибудь мероприятиях института: «Было бы хорошо, если бы Вы разок приехали с докладом о работе Музея или с каким-нибудь докладом или материалом о Чернышевском.

Доклады, которые будут делаться лицами, не принадлежащими к составу института, могут печататься в его изданиях. Так можно было бы завязать связь Саратовского музея с Институтом» [3, л. 3 – л. 3 об.]. О том же в письме от 30 мая 1931 года: «Было бы хорошо, если бы Музей им. Чернышевского прислал план своей работы издательской и по описанию архива в И. Н. Л. И. для установления конкретного контакта. А в дальнейшем было бы неплохо, если бы Вы приехали сюда с каким-нибудь докладом? Как Вы думаете?» [3, л. 5 – л. 5 об.]. В письме от 25 июля 1931 года: «Не дадите ли Вы заявки на сентябрь-декабрь – прочитать у нас в И. Н. Л. И. какой-нибудь доклад?» [3, л. 9 об.].

Когда Н. М. Чернышевской-Быстровой потребовалось представить «Отзыв» о ее научной работе, Владимир Владимирович с удовольствием ее поддержал, направив в Саратов следующий документ:

«Отзыв о научной работе Нины Михайловны Чернышевской.

Нина Михайловна Чернышевская-Быстрова является не только заведующей музеем им. Н. Г. Чернышевского, но и прекрасным знатоком литературного наследия Чернышевского. Ее перу принадлежит длинный ряд исследований, публикаций, библиографических работ о Ч-ом. Все работы отличаются большой вдумчивостью и тщательностью выполнения. Работы печатались в саратовских изданиях и в московских (ГИЗ'овское издание «Избранных сочинений», «Красная новь», «Литература и марксизм» и др.).

Ни одно крупное издание по Чернышевскому не обходится без того или иного участия в нем Н. М.

В Саратове она – активная участница Общества литературоведения в 1-м и 2-м выпусках изданий этого общества «Литературные беседы» также напечатаны ее работы. Большую ценность представляет ее работа по библиографии мемуаров о Чернышевском (2-ой в «Литературных бесед») [5].

Н. М. Чернышевская бесспорно имеет право быть членом С. Н. Р. И бесспорно должна быть отнесена ко 2-ой категории, т. е. к ученым достаточно себя выявившими в научной работе.

Вл. Буш

(б. проф. Сарат. Ун-та)

Ныне – ученый секретарь
Института Новой Литературы при Академии Наук)
16/V-31 г.
Ленинград» [3, л. 18 – л. 19].

Владимир Владимирович живо интересовался событиями саратовской жизни. Он просит Нину Михайловну сообщать ему об этом: «Черкните о саратовских литер.-делах и о себе» (25 июля 1931 г.) [3, л. 9 об.], «Как в Саратове? Как в Обществе литературоведения» (30 сентября 1931 г.) [3, л. 10 об.], «<...> что делается в Саратове?» (22 мая 1933 г.) [3, л. 16]. И она выполняла его просьбу. Он также не оставался в долгу и сообщал о своей «неустроенной» ленинградской жизни, в которой случались и положительные моменты, например: «Вера Николаевна с большим удовольствием работает в Институте Советского Права.

В течение года довольно часто бывал в театре. Смотрел “Горе от ума”, “Дон-Жуана”, “Егора Булычева” и “Интервенцию” (вчера!), “Ярость” и “Доходное место” и др. Теперь в кармане билеты на “Дни Турбиных”...» (22 мая 1933 г.) [3, л. 16].

К сожалению, в 1931–1932 годах начались так называемые чистки, которые не обошли стороной и В. В. Буша: «У нас в И. Н. Л. И. бурно развернулись чрезвычайно неприятные и “нехорошие” события. Горбачев – заместитель директора¹ – за протаскивание троцкистской контрреволюционной банды в своих работах исключен из партии и снят с работы.

Ряд других сотрудников, бывших литфронтовцев, подлежат «проработке». В связи с этим создается чрезвычайно напряженное положение в И. Н. Л. И.» (20 декабря 1931 г.) [3, л. 12]; «События в И. Н. Л. И. и общее положение на литературном фронте заставляют меня поставить перед собой ряд методологических вопросов прежде, чем снова пускаться в печатание» (7 января 1932 г.) [3, л. 13].

Приведем текст последнего письма от 25 декабря 1933 года:
«Дорогая Нина Михайловна.

Давно получил я Ваше письмо с горестным известием о смерти Самсона Ивановича². И не отвечал, по многим причинам, Нина Михайловна.

Я живо представил себе Ваше горе, всю остроту тяжелого и непопоряемого переживания. Найти в такой мере совершенно адекватное слово утешения трудно, почти невозможно. Если бы я был в Саратове,

---

¹Горбачев Георгий Ефимович (1897–1937) – литературовед, литературный критик, профессор, сотрудник Пушкинского Дома и Российской национальной библиотеки (зав. сектором обслуживания, главный библиотекарь отдела рукописей). Репрессирован, в 1937 году расстрелян, реабилитирован посмертно в 1958 году.

²Быстров Самсон Иванович (1884–1933) – источниковед, историк старообрядчества и сектанства в России, библиограф, действительный член Саратовской ученой архивной комиссии, сотрудник Фундаментальной библиотеки Саратовского университета и Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

я был бы у вас в эти тягостные для Вас минуты и наверное сумел бы дать Вам почувствовать все мое сочувствие. Какой-то писатель говорил, что близкие люди лучше всего понимают друг друга в молчании. Перед могилой Самсона Ивановича я с Вами молчал бы и Вы поняли бы все мое сочувствие к Вам. . .

Мне трудно подыскать слова и по другим причинам. В момент получения Вашего письма – у меня самого было горе, потрясшее меня до самого нутра: меня исключили из партии. Извините, что пишу Вам об этом. Два с половиной месяца длились апелляции. Я снова восстановлен. Очень прошу Вас в Саратове об восстановлении широко рассказывать и в первую очередь А. П. Скафтымову¹. Он был в Ленинграде и знает об исключении, но не знает о восстановлении. Жму Вашу руку. Быть может, черкнете мне опять.

Я был тронут, что в Вашем горе Вы обратились ко мне.

С сердечным приветом

Вл. Буш.

25/ХІІ-33 г.

Дорогая Нина Михайловна, примите мое искреннее сочувствие в Вашем горе.

Нам пришлось пережить весьма тяжелое испытание, хорошо, что кончилось, но в результате у Вл. Вл. сердечная астма. Сейчас лежит.

Вадя уже четыре месяца в туб. санатории. 30/ХІІ вернется, но дело у него не важно, все же t в z – 3 остается.

Будем надеяться, милая Нина Михайловна, что 1934 год у нас с Вами будет лучше. Искренне уважающая Вас

В. Н. Буш» [3, л. 21 – л. 22].

Это письмо многоплановое. Здесь и выражение сочувствия Владимира Владимировича по поводу кончины Самсона Ивановича Быстрова [12] – мужа и соратника по музейным делам Нины Михайловны и его близкого знакомого по работе в отделе редких и ценных книг Фундаментальной библиотеки Саратовского университета (Буш был заведующим отделом, а Самсон Иванович – сотрудником отдела по договору), и горечь переживания о своей судьбе – «исключение из партии», «апелляции» и восстановление в партии. Рассказ о влиянии всех этих событий и как результат – пошатнувшееся здоровье, о чем говорится в письме-обращении Веры Николаевны. К сожалению, не всем добрым пожеланиям из письма суждено было исполниться в 1934 году.

В музейном архиве больше нет корреспонденции от членов семьи Владимира Владимировича Буша, кроме этого письма Веры Николаевны.

---

¹Скафтымов Александр Павлович (1890–1968) – литературовед, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы в СГУ (1923–1931; 1944–1951) и в Саратовском пединституте (1932–1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1947).

Однако от его родственников известно, что Нина Михайловна несколько раз бывала уже у вдовы Владимира Владимировича, когда приезжала в Ленинград, но письменных свидетельств их общения не сохранилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зюзин, А. В.* Буш Владимир Владимирович // Литературоведы Саратовского университета, 1917–2017. Материалы к биографическому словарю / составители : В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под редакцией В. В. Прозорова. 2-е издание, с изменениями, дополненное. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2018. С. 62–64. ISBN 978-5-292-04456-7.

2. *Зюзин, А. В.* Письма Нины Михайловны Чернышевской-Быстровой Владимиру Владимировичу Бушу : (общая характеристика) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство «Техно-Декор», 2015. Вып. 20. С. 115–123. ISBN 978-5-9908612-3-7.

3. Письма В. В. Буша к Н. М. Чернышевской. Октябрь 1930 – Декабрь 1933 г. // Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (МНГЧ). Основной фонд (ОФ). № 5849/421. Папка 19.

4. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 117 : Владимир Владимирович Буш. Единица хранения 235 : Чернышевская-Быстрова Н. М. Письма В. В. Бушу.

5. *Чернышевская-Быстрова, Н. М.* Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : (библиографический указатель) // Литературные беседы : сборник статей и материалов / редакционная коллегия : В. В. Буш (редактор), А. П. Скафтымов, В. Я. Каплинский. Саратов : Издание Общества литературоведения при Саратовском государственном университете, 1930. С. 116–288.

6. *Н. Ч. [Чернышевская-Быстрова, Н. М.]* Краткий обзор научной деятельности Дома-музея Н. Г. Чернышевского // Литературные беседы : сборник статей и материалов / редакционная коллегия : В. В. Буш (редактор), А. П. Скафтымов, В. Я. Каплинский. Саратов : Издание Общества литературоведения при Саратовском государственном университете, 1930. С. 289–290.

7. *Чернышевский, Н. Г.* Избранные сочинения : в 5 томах / под редакцией А. В. Луначарского ; Комиссия ЦИК СССР по ознаменованию столетия со дня рождения Н. Г. Чернышевского и Коммунистическая академия СССР ; Институт экономики Академии наук СССР. Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. Т. 4 / подготовили к печати и снабдили примечаниями : Н. В. Богословский, В. В. Буш, Н. М. Чернышевская-Быстрова, П. А. Щелканов. XXXI, 582 с. : фронт., портр.

8. *Добролюбов, Н. А.* Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова : в 4 томах : с приложением 3 портретов Н. А. Добролюбова, его факсимиле и именованного алфавитного указателя ко всем 4 томам / под редакцией М. К. Лемке с его вступительными заметками к каждой статье Н. А. Добролюбова, примечаниями и биографическим очерком. Санкт-Петербург : С. А. Панафидина, 1911 (на обложке 1912). (Библиотека русских критиков ; 2).

9. *Буш, В. В.* Очерки литературного народничества 70–80-х годов. Ленинград ; Москва : ОГИЗ – Государственное издательство художественной литературы, 1931. 164 с.

10. Литература : журнал / под редакцией А. В. Луначарского. Ленинград, 1931. № 1. 200 с. (Труды Института новой русской литературы АН СССР).

11. Буш, В. В. Очерки по историографии русской литературы в классовом освещении : Ор. Миллер и его дневник // Литература. 1931. № 1. С. 90–108.

12. Захарова, И. Е. Страницы биографии Самсона Ивановича Быстрова // Вифлеем – Дом Хлеба : сборник для христианского чтения / Издаётся Балаковской общиной Русской Православной Старообрядческой Церкви по благословению священноиерея Вадима Коровина (г. Саратов). Балаково : Издание БО РПСЦ, 2012. Вып. 5 (Сентябрь). С. 45–50.

УДК 94(73)+929Линкольн

Он Оя

E-mail: oyaon@sapporo.ac.jp

Университет Саппоро, Япония

ОТНОШЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО К А. ЛИНКОЛЬНУ (В ОТДЕЛЕ «ПОЛИТИКА» В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННОК»)

Аннотация. В этой статье пересматриваются ленинские утверждения о том, что «Чернышевский был гораздо более последовательным и воинственным демократом» по сравнению с Герценом, который «колебался между демократией и либерализмом». Анализируется отношение Чернышевского к А. Линкольну. До сих пор данному вопросу не уделяется должного внимания. По времени эмансипация рабов в США и реформа освобождения крестьян в России продвигаются почти синхронно.

Автор статьи отмечает, что симпатии Чернышевского к Линкольну тесно связаны с его надеждой на либеральную реформу «сверху». Чернышевский был более гибким политическим мыслителем, чем мы привыкли считать. Например, когда республиканцы захватили власть, у него были сомнения в том, что президент Дж. Бьюкенен отменит рабство. Чернышевский ожидал восстания Дж. Брауна против рабства. Но когда А. Линкольн был избран президентом, Чернышевский остался с ним в надежде на то, что он возьмет на себя инициативу по освобождению рабов. Когда разразилась Гражданская война, он обратил внимание на массовое движение, поддерживающее войну, и признал значение Конгресса, который руководил президентом. Чернышевский уповал скорее на общественное мнение, которым движет съезд, а не на личную инициативу президента, так как больше доверял американской демократической системе, чем этой личной инициативе

Ключевые слова: Чернышевский, либерал, Линкольн, эмансипация, Ленин, рабство.

Он Оя

University of Sapporo (Japan)

N. G. CHERNYSHEVSKY'S RELATIONSHIP TO A. LINCOLN (in the section "Politics" in the magazine *Contemporary*)

Abstract. Lenin's theses, that "Chernyshevsky was a far more consistent and militant democrat" as compared with Herzen, who "vacillated between democracy and liberalism", is reexamined in this article by analyzing his attitude toward A. Lincoln. Even today this

issue has not been given an adequate consideration though the Emancipation of slaves in USA and the Russian Emancipation reform are almost synchronously advanced.

Author points out, that the sympathy of Chernyshevsky for Lincoln is closely connected with his hope on the liberal reform “from the top”, and that Chernyshevsky was more flexible political thinker than we accustom to regard. For example, when the Republicans grab the power, Chernyshevsky has little hope for President J. Buchanan of abolishing the slavery. Then Chernyshevsky expected J. Brown to revolt against the slavery. But when A. Lincoln was elected a President, Chernyshevsky stuck to him in the hope that he will take the initiative in emancipating slaves. As the Civil war broke out, Chernyshevsky fixed his eyes on a mass movement which supported the war, and recognized the significance of the Congress, which drove the President. At this point Chernyshevsky had much more hope for public opinion, which drives the Congress, than the personal initiative of the President. After all, he trusted American democratic system much more than the personal initiative of the President.

Keywords: Chernyshevsky, liberal, Lincoln, Emancipation, Lenin, slavery.

На одной из конференций «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» английским ученым Т. Д. Роллингом был поставлен вопрос об отношении Н. Г. Чернышевского к А. Линкольну [1]. К сожалению, изучение этого вопроса не получило дальнейшего развития.

Если сопоставлять почти синхронно проходившие два процесса – освобождение крестьян в России и эмансипацию рабов в Америке, – то вполне можно полагать, что Чернышевский ассоциировал Линкольна (великого эмансипатора) с Александром II (царем-освободителем). Вспомним, что когда был издан рескрипт Александра II об освобождении крестьян от 20 ноября 1857 года, Чернышевский писал: «С царствования Александра II начинается для России новый период, как царствования Петра» (V, 69). А победе Линкольна на президентских выборах Чернышевский придавал большое значение как «началу новой эпохи в истории Соединённых Штатов, дню, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа» (VIII, 353). В первые дни после этих событий Чернышевский надеялся и на Александра II, и на Линкольна.

После оглашения рескрипта Александра II Чернышевский активно включился в дискуссии по защите интересов крепостных крестьян, так как был уверен в том, что это их освобождение вполне возможно в данной политической обстановке. Это был вполне реальный, разумный шаг. И Чернышевский считал возможным максимально использовать эту ситуацию. А когда не было реальных перспектив, он откровенно говорил, что не нужно обольщаться иллюзиями. По этому поводу он написал: «Оставим надежды ребятам, взрослому человеку неприлично ожидать виноградных гроздей на терновнике» (V, 277).

Однако потом, поняв сущность «освобождения» крестьян в России «сверху», Чернышевский «раскаивался в своём прошлом неблагодарности» (V, 358). При этом больше он не надеялся на Александра II. Отношение Чернышевского к царю изменилось, он сменил оптимизм

на скептицизм, и его политическая позиция перешла от «реформенного курса к революционному курсу» [2, с. 72].

Нам известно, что к концу 1858 года он уже не надеялся на реформу «сверху» не только в России, но и в Америке, правда, до тех пор не поступило сообщение о победе Линкольна. До этого он уповал на радикалов. В отделе «Политика» ноябрьского номера «Современника» за 1859 год он сообщил о том, что в Америке произошло вооружённое восстание аболиционистов (т. е. противников рабства), которое возглавил Джон Браун. Отстаивая вооружённую борьбу против рабства, он напал на форт Гарперс-Ферри в штате Виргиния, в котором хранилось оружие. Восстание было быстро подавлено, но Чернышевский придавал ему особое значение. «По своему размеру случай этот вовсе не важен; но он очень многозначителен, как первый в своём роде» (VI, 453). Для Чернышевского Браун – «предводитель первых мучеников за дело негров в Соединённых Штатах». Он отмечал, что хотя «первая попытка была неудачна, как почти всегда бывают первые попытки . . . аболиционисты через несколько времени отомстят за первых своих мучеников» (VI, 453–454). И не только. В ноябрьском номере «Современника» в отделе «Политика» Чернышевский подробно познакомил читателей с личностью Брауна.

Примечательным фактом является то, что в «приложении» к отделу «Политика» Чернышевский поместил «Временную конституцию и постановление для народа Соединённых Штатов» – документ, созданный Брауном. Хотя та часть документа, которую опубликовал Чернышевский, была скудна, читателям было понятно, что Браун ненавидел рабство в Соединённых Штатах, называл его «самой варварской, беспричинной и неизвинительной войной» и «для освобождения невольников» организовал «военное общество» (Современник. 1859. Т. 78, кн. 11. Отдел «Политика»). Здесь сочувствие Чернышевского к этому радикалу очевидно. В данном случае он не возлагал никакой надежды на реформу «сверху», со стороны президента Д. Бьюкенена (J. Buchanan), «представителя крайней плантаторской партии» (VIII, 383).

Таким образом, к осени 1859 года Чернышевский разочаровался как в президенте США, так и в царском правительстве России. Победа Линкольна на президентских выборах возродила в нем надежду на возможность изменения ситуации. Естественно, возникает вопрос о том, как «изживший либеральные иллюзии» Чернышевский возвратился к прежнему курсу в разгар «периода революционной ситуации 1859–1862 гг.».

Так как вопрос об отношении Чернышевского к Линкольну напрямую связан, с одной стороны, с его надеждой на реформу «сверху», а с другой – с его «революционностью», нам предстоит проанализировать процесс его изменения под влиянием существующих условий.

Как было сказано, первое упоминание Чернышевского о Линкольне появилось в отделе «Политика» ноябрьского номера журнала «Современник» за 1860 год. Это было короткое сообщение о президентских выборах в США. Несмотря на скудность информации, Чернышевский придавал особое значение победе Линкольна на президентских выборах. Он был уверен в том, что по инициативе Линкольна начнётся дело освобождения. В то же время он не забывал отметить, что победа Линкольна «важна для всех наций», значение США быстро возрастает «в жизни целого человечества» (VIII, 353). Конечно, под словами «все нации», «целое человечество» он имел в виду прежде всего Россию и крестьянскую реформу.

Мы привыкли считать, что среди революционеров-демократов «Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом» [3, с. 94], тем не менее при первом сообщении о победе Линкольна, как мы видели, прежнее отношение Чернышевского к американскому президенту сильно изменилось, а к русскому царю – нет. Значит, можно сказать, что отрицательное отношение Чернышевского к реформе «сверху» было не категоричным, а условно тактическим, в зависимости от ситуации. Для него вооружённое восстание, революция сама по себе не являлись целью, а были только средством прогресса.

Таким образом, Чернышевский оказался более гибким человеком, чем принято считать. Тогда возникают следующие вопросы: как изменялось его отношение к Линкольну? На что надеялся Чернышевский после того, как потерял надежду на Линкольна? Внимательно проследим его публикации в отделе «Политика».

В публикациях отдела «Политика» ноябрьского номера за 1859 год доминировали бодрое настроение и оптимизм, которые чувствовались и в заметках декабрьского номера. Чернышевский продолжал рассчитывать на Линкольна и его партию, «стремящуюся к уничтожению невольничества» (VIII, 382).

Вместе с тем в связи с победой Линкольна возник вопрос об отделении южных штатов от Соединённых Штатов. Плантадоры южных штатов боялись, что он займётся уничтожением невольничества в масштабе всей страны. Поэтому южные штаты один за другим стремились к выходу из Соединённых Штатов, чтобы сохранить независимость и невольничество. Более того, южные штаты планировали создать новый Союз невольнических штатов. Южная Каролина объявила свою независимость от Соединённых Штатов.

Хотя, по мнению Чернышевского, «союз южных штатов не обладал бы никакой жизнённостью», он опасался, что нынешний президент Бьюкенен уступит им под угрозой распада Союза Соединённых Штатов. В то же время он боялся того, что южные штаты старались как можно скорее при президентстве Бьюкенена «кончить дело» – иными

словами, сохранить невольничество либо путем выхода из Союза, либо благодаря уступкам Вашингтона, полученным до того, как истечет срок президентства Бьюкенена. Поэтому для Чернышевского день 4 марта имел эпохальное значение. «В этот день вступит в должность новый президент, при котором федеральная власть будет враждебна плантаторам, между тем как теперь она благоприятствует им» (VIII, 383). Тут ещё сохраняется оптимистическое отношение Чернышевского к Линкольну.

Наступил новый 1861 год. Замечательно, что по мере того, как поступала подробная информация, анализ Чернышевского углублялся. По его мнению, среди республиканцев существует несколько фракций. С одной стороны – умеренные республиканцы, которые боялись, что центральное правительство может попасть в руки плантаторской партии и невольничество распространится по всей Северной Америке. Поэтому они, ограничивая ликвидацию невольничества только в нынешних свободных штатах севера и допуская его в южных штатах, пошли на компромисс. С другой стороны – аболиционисты, которые «давно готовы были бы вооружённою рукою провести законодательные меры против невольничества» (VIII, 389), т. е. развернуть войну против южных сепаратистов. Это была бы альтернатива – мирные уступки и военные решения.

Интересно, что Чернышевский познакомил читателей с ещё одним вариантом действий – мирным путем решения, который предложил до тех пор незнакомый читателям автор Джон Эббот. По его мнению, если южные штаты расторгнут Союз, тогда отменятся все союзные законы о выдаче беглых невольников, которые «толпами побегут» на север. Фактически рабство не состоялось бы. Поэтому, утверждал Эббот, «несомненно то, что расторжение Союза – значит освобождение невольников» (VIII, 392).

По всей видимости, Чернышевский был склонен к третьему варианту, предложенному Эбботом. А тогда каково его отношение к Линкольну? Чернышевский признал, что в данном случае – «выигрыш, очень важный», потому что «администрация Союза будет в руках партии, враждебной невольничеству». В то же время он отметил, что «степень власти президента настолько же ограниченнее власти первого министра в Англии или Бельгии» (VIII, 393). Более того, республиканцы не удерживают большинство в палате. Поэтому Чернышевский полагал, что «администрация Линкольна, если бы и хотела, не могла бы провести никакой меры против невольничества» (VIII, 395). Кроме того, так как Линкольн принадлежал к числу умеренных республиканцев, Чернышевский полагал, что он скорее склонен к компромиссу с Югом. Видно, что к этому времени Чернышевский уже не так надеялся на Линкольна. Он считал, что «компромисс был бы несравненно хуже всего – хуже междоусобной войны, ещё гораздо хуже мирного расторжения Союза» (VIII, 407). Для Чернышевского самым желательным вариантом было решение Эббота, а самым дурным – компромисс Линкольна.

Но события стали развиваться быстрее. На самом деле непосредственно после вступления Линкольна в должность президента южные войска напали на союзную армию в Чарльстонской гавани¹. Фактически уже началась гражданская война.

В февральском номере «Современника», который позволил цензор В. Бекетов 20 февраля, Чернышевский продолжал следить за ходом событий в Америке в надежде на скорейшую отмену невольничества. В преддверии Манифеста² он связывал американское дело с русским. «Пример Северной Америки – постоянная сила, которая должна будет или привлекать Европу на известный путь, или отталкивать от него. . . . Теперь пример подаётся не малочисленным племенем, а могущественною нацией, которая уже заняла одно из первых мест между всеми государствами по своей внешней силе» (VIII, 409–410). Он надеялся, что освобождение рабов в Америке послужит стимулом к русскому делу.

Чернышевский теперь обратил внимание не на радикалов вроде Джона Брауна, а на силу общественного мнения. Он написал, «как ограничена власть президента» в США, «охранение свободы мнений в них скоро привело бы к отменению невольничества» (VIII, 417). Разные стороны предлагали свой вариант компромисса. Чернышевский был уверен в том, что в случае компромисса «невольничество на Юге станет падать не так быстро», поэтому он был против него.

В мартовском номере за 1861 год Чернышевский коротко сообщил о вступлении Линкольна на пост президента. Но из-за нехватки информации он отложил подробности до следующего номера. В апрельском номере он увидел, что в Америке начинается «развязка». В отличие от предшествующего президента, поддерживавшего плантаторов, новый президент провозгласил войну. Решимость Линкольна опять восстановила веру Чернышевского в него, поскольку он был уверен, что «примирение ничего не решило бы». Раз началась война, уже нет смысла желать мирного решения, «совершенного признания отдельности» Юга, как утверждал Эббот. Однако сам Чернышевский признавал, что «в этом случае невольничество быстро стало бы исчезать в южных штатах мирным процессом» (VIII, 492). Так как возможность мирного решения исчезла, всё стало зависеть от успешного хода войны.

Линкольн призвал «народ к вооружению», «издана была прокламация президента» (VIII, 497). В данном случае речь идёт не о народном восстании, не о вооружённом восстании невольников, а о создании

---

¹Январский номер «Современника» был дозволен цензорами В. Бекетовым и Ф. Рахманиновым 29 декабря 1860 г., а сражение за форт Самтер вспыхнуло 12 апреля. Возможно, издание журнала было задержано до апреля, а потом Чернышевский вписал это сообщение.

²Следовало бы считать, что когда Чернышевский написал это, ему ещё не было известно об издании манифеста 19 февраля. Д. А. Милютин пишет, что «в Петербурге же и в Москве обнародование Манифеста последовало днем ранее назначенного числа, именно 5-го марта» [4, с. 64].

добровольческой армии. В майском номере Чернышевский обратил внимание на «великое народное движение», на энтузиазм и на митинги народа (VIII, 500). Конгресс единодушно вотировал за правительство, банкиры предлагали финансовую поддержку, толпа народа стремилась к походу. «Повсюду являются волонтёры», «повсюду народ горячностью отвечает на призыв» (VIII, 499).

Даже в июле, когда северные войска пережили временную неудачу в сражении в районе реки Булл-Ран, Чернышевский не сомневался в успехе дела, потому что на Севере «беспредельный патриотизм» народа, банкиров, конгресса и волонтёров горячо поддерживал правительство. Даже осенью, когда операции союзных войск велись «вяло», Чернышевский обратил внимание на Конгресс, который, повинаясь голосу народа, заставил президента подписать акт, постановлявший освобождение Севером захваченных в плен невольников. Однако «при своей чрезвычайной умеренности, Линкольн с трудом согласился на этот акт» (VIII, 555–556). Чернышевский теперь надеялся только на Конгресс, способный влиять на президента и на народ, который, в свою очередь, может воздействовать на высший законодательный орган.

Наступил новый, 1862 год. Чернышевский продолжал придавать большое значение Конгрессу, «который точнее всех других органов правительственной власти служит представителем общественного мнения» (VIII, 595). Поэтому он приветствовал то, что в Конгрессе «постоянно усиливается партия аболиционистов» (VIII, 595). И в то же время он оптимистически относился к ходу войны: союзные войска «теснят инсургентов» (VIII, 625). Весной 1862 года, когда союзные войска захватили узловой пункт железной дороги на юго-западе штата Теннесси, Чернышевский надеялся, что этот успех «значительно ускорит развязку войны» (VIII, 647). Раз началась война, всё будет зависеть от тактических успехов, от поддержки парламента, энтузиазма волонтёров, от общественного мнения, а не от инициативы президента. Поэтому Чернышевский обратил внимание не только на аболиционистов в парламенте, но и на общественное мнение, которое подталкивает их. «В массах усиливается мнение, принадлежащее аболиционистам» (VIII, 629).

К сожалению, нам неизвестно, как в дальнейшем складывалось отношение Чернышевского к Линкольну. Когда 22 сентября 1862 года Линкольн издал Прокламацию об освобождении рабов, Чернышевский был уже арестован и заключён в Петропавловскую крепость.

В заключение следует отметить, что хотя Чернышевский утратил надежду на президента Линкольна, он не потерял своего доверия к президентству как политическому учреждению США, как необходимому механизму, который двигает дело вперёд. Поэтому он обратил внимание на Конгресс, который заставил президента идти вперёд, и на общественное мнение как его двигающую силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Роллингс, Т. Д.* Полемический контекст : метафоры Чернышевского о Невском проспекте // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Типография «Техно-Декор», 2015. Вып. 20. С. 81–83.
2. *Икуо Исикава.* Герцен и Чернышевский. Токио, 1988. На японском языке.
3. *Ленин, В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Москва, 1967. Т. 1. XXIV. 662 с.
4. *Милютин, Д. А.* Воспоминания 1860–1862 / под редакцией Л. Г. Захаровой. Москва : Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1999. 558 с. (Российский архив). ISBN 5-86566-015-2.

УДК94(47)|1870/1880|+929Добролюбов

В. Л. Кириллов

E-mail: kirillov-msu@bk.ru

Государственный музей политической истории России, г. Санкт-Петербург

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О ДОБРОЛЮБОВСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 1871 года И «ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ПРОКЛАМАЦИИ» 1880-х годов: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. В статье рассматривается восприятие образа Н. А. Добролюбова революционно настроенной молодежью 1870–1880-х гг. в текстах. В качестве нового источника вводится текст речи студента А. Чарницкого, подготовленной для «добролюбовской демонстрации» 1871 г. в Санкт-Петербурге. Сравнение речи Чарницкого с «добролюбовскими прокламациями» 1881 и 1886 гг. показывает, что на рубеже 1860–1870-х гг. оппозиционные взгляды молодежи были ограничены рефлексией и пассивным сопротивлением, в то время как в 1880-е гг. они выражались в политической конфронтации с властью.

Ключевые слова: Н. А. Добролюбов, добролюбовские демонстрации, ГМПИР, студенчество, революционное движение.

V. L. Kirillov

State Museum of the Political History of Russia (St. Petersburg)

AN UNKNOWN SOURCE ON THE DOBROLYUBOV DEMONSTRATION IN 1871 AND THE “DOBROLYUBOV LEAFLETS” IN THE 1880s: GENERAL AND SPECIAL

Abstract. The article examines the perception of the image of N. A. Dobrolyubov by the revolutionary-minded youth in the 1870s and 1880s in texts related to the anniversaries of the critic's death and introduce a new source – the speech of a student A. Charnitsky, prepared for the Dobrolyubov demonstration in 1871 in St. Petersburg. A comparison of Charnitsky's speech with the Dobrolyubov proclamations of 1881 and 1886 shows that in the late 1860s – the early 1870s, the opposition views of young people were

limited to reflection and passive resistance, while in the 1880s they were expressed in direct political confrontation with the authorities.

Keywords: N. A. Dobrolyubov, Dobrolyubov demonstrations, the State Museum of Political History of Russia, students, revolutionary movement.

В ноябре 1861 г. в возрасте 25 лет ушёл из жизни один из ключевых сотрудников журнала «Современник» Н. А. Добролюбов. Он отличался слабым здоровьем и умер от туберкулёза. Мемуаристка А. Я. Панаева вспоминала, что в течение двух дней после смерти Добролюбова почтить его память приходило много публики, а затем, когда гроб понесли на Волково (Волковское) кладбище, его встретила во дворе дома большая толпа: «Вся улица была запружена народом, хотя для любителей торжественных похорон не на что было поглазеть, потому что не было никаких депутатов, ни венков». После похорон И. И. Панаев рассказывал жене: «Кладбищенский священник на прощанье сообщил мне и Некрасову, что около могилы Белинского осталось ещё одно место для литератора, точно приглашал кого-нибудь из нас поторопиться и занять эту могилу» [1, с. 313].

Участок Волкова кладбища, где был похоронен Добролюбов, за последнюю треть XIX века стал местом погребения известных писателей, деятелей культуры и получил название «Литераторские мостки». Именно сюда 17 ноября 1886 г. в 25-летнюю годовщину смерти Добролюбова устремились сотни студентов, чтобы почтить память культового критика. В историографии за событием закрепилось понятие «добролюбовская демонстрация», которое стало практически словарным определением [2, с. 189].

Демонстрация была организована петербургскими студентами из разных объединений – студенческих землячеств, экономического кружка Петербургского университета и др. Она с самого начала планировалась как политическое выступление, хотя, когда число возможных участников приблизилось к 1500 человекам, организаторы решили не произносить на панихиде речей и не придавать ей антиправительственного характера [3, с. 111–112]. Впрочем, событие получило политическую окраску, ещё не начавшись: Петербургское охранное отделение предупредило департамент полиции, что на кладбище может собраться до 1000 человек, которые «предполагают, после панихиды, произвести демонстрацию» [4, с. 161]. Таким образом, власти уже ожидали политического выступления.

17 ноября ещё до 11 часов утра на кладбище стали проникать студенты, но прибывший полицейский наряд выдворил их за ограду, а ворота заперли. Около часа дня у входа столпилось полтысячи человек, число которых продолжало расти. После переговоров к могиле Добролюбова пропустили ограниченную депутацию, чтобы она смогла возложить венки. Осознав, что полиция не пропустит большого числа людей, огромная

масса демонстрантов решила отслужить панихиду в Казанском соборе и двинулась в центр города. По пути их сначала попыталась остановить полиция во главе с градоначальником П. А. Грессером, а затем к ней присоединились казаки. Репрессии (обыски, исключение из учебных заведений и высылка из столицы) затронули несколько десятков участников демонстрации [3, с. 113–115; 4, с. 161–163].

Возможно, «добролюбовская демонстрация» осталась бы незначительным эпизодом общественного движения 1880-х гг., если бы к ней не были причастны будущие «вторые первоапрельцы» А. И. Ульянов, П. Я. Шевырёв, И. Д. Лукашевич, Р. А. Шмидова и др. Уже на следующий день они решили составить прокламацию с изложением протеста против действий властей. Её автором стал Ульянов [3, с. 115]. Прокламация «17 ноября в Петербурге» была размножена на гектографе в виде листовки и рассылалась по почте десятками, если не сотнями экземпляров [4, с. 163–164]. Один экземпляр, сохранившийся до наших дней, был нами обнаружен в фондах Государственного музея политической истории России [5, № 13921].

Там же хранятся ещё два документа, имеющие отношение к теме «добролюбовских демонстраций». В музейном каталоге они датированы 1886 г. и озаглавлены как «Текст речи, произнесённой на могиле Добролюбова Н. А. в связи с 25-летием со дня его смерти» [5, № 48442] и «Письмо Гайдебурову П. А. – издателю газеты “Неделя” о событиях у Волкова кладбища во время студенческой демонстрации, посвящённой памяти Добролюбова Н. А.» [5, № 48443], их автором был некий А. Чарницкий. Знакомство с текстами источников, однако, позволяет заявить об ошибке в их атрибуции. В действительности они связаны с менее известной добролюбовской демонстрацией 1871 г.

В отличие от 1886 г. демонстрация 1871 г. не получила отражения в мемуарных свидетельствах, в ней не участвовали известные деятели революционного движения. Скупые сведения о ней опираются на единственный введённый в научный оборот источник – дело канцелярии петербургского обер-полицмейстера «О сборище студентов на Волковом кладбище для совершения панихиды в память писателя Добролюбова». Агентурные донесения из него в 1940 г. опубликовал Г. Прохоров в сборнике «Шестидесятые годы» [6, с. 425–430].

Согласно этому источнику, в день годовщины 17 ноября 1871 г. на Волково кладбище пришло около 25 человек из разных учебных заведений – это был будничный учебный день и никакими происшествиями их визит не был отмечен. Чтобы поминки приобрели больший размах, студенты Петербургского университета, Медико-хирургической академии, Горного института и Технологического института стали распространять информацию, что «празднование» десятилетия со дня смерти Добролюбова состоится в воскресенье 21 ноября. Согласно агентурному

донесению от 19 ноября, «очень многие собираются на его могилу и намерены говорить речь» [6, с. 426–427].

21 ноября студенты стали собираться на панихиду с 11 часов утра. Агенты и пристав Шершов отмечали, что молодые люди приходили небольшими группами, к полутора часам пополудни их было около 60. На панихиде были местная полиция и, к удивлению студентов, учебное начальство. Именно поэтому, как догадался Шершов, примерно 30 студентов после панихиды долго оставались у могилы Добролюбова, ожидая ухода полиции и инспекторов. Но этого не произошло и около двух часов дня студенты разошлись – ни речей, ни манифестаций не было [6, с. 427–429].

Письмо Чарницкого Гайдебурову дополняет имеющиеся сведения о демонстрации. Об авторе ничего не известно; его фамилия – вероятно, Czarniecki и Czarnecki – указывает на польское происхождение (отметим, что пристав Шершов 17 ноября слышал польскую речь среди пришедших на кладбище студентов, преимущественно из Медико-хирургической академии [6, с. 427]). Чарницкий заранее готовился к панихиде и планировал произнести на ней многостраничную речь. О том, что полиция – как их назвал автор письма, «ангелы хранители русской мысли и всякого живого движения» – и «толпа начальствующих лиц» не дали этого сделать, студент решил рассказать известному редактору-издателю демократического направления, ссылаясь на знакомство с журнальными публикациями Гайдебурова и общим направлением «лучшего нашего органа» (подразумевалась газета «Неделя») [5, № 48443, л. 1].

Пересказ событий, упоминание десятилетия смерти Добролюбова и даты демонстрации (воскресного дня 21 ноября) подтверждают, что источник относится к 1871, а не 1886 г. Кроме того, текст речи пропитан риторикой 1860-х, а не середины 1880-х гг. Именно на этот аспект хотелось бы обратить внимание при сравнении речи Чарницкого с прокламацией Ульянова «17 ноября в Петербурге» и ещё одной «добролюбовской прокламацией», написанной в 1881 г. к другой годовщине смерти Добролюбова. Речь идёт о самарской прокламации неизвестных авторов, опубликованной в серии сборников «Литературное наследство» в 1936 г. Е. Кушевой [7, с. 586–588]. Указание в тексте, что прокламация издана в Харькове, было уловкой с целью запутать следы – её распространяли по Самарской губернии в конвертах с местным штампом.

Обстоятельства создания трёх рассматриваемых источников различны: прокламация 1881 г. была из Самары, остальные два текста петербургские; речь 1871 г. готовилась для устного выступления, прокламации 1880-х гг. первоначально написаны для тиражирования и распространения в письменном виде; прокламация 1886 г. вызвана конференцией с властью, а не написана исключительно по поводу годовщины смерти Добролюбова. Тем не менее во всех трёх текстах есть осмысление фигуры Добролюбова, которая заметна при сравнительном анализе.

Речь Чарницкого показывает, что он был знаком с публицистическим наследием Добролюбова и общей тенденцией литературных дискуссий шестидесятников, но допускал довольно нелепые ошибки, называя Чернышевского Николаем Григорьевичем, а близкого к их кругу поэта Михайлова Михаилом Львовичем [5, № 48442, л. 2, 6]. Похожая фактическая ошибка есть в прокламации 1881 г. – датой смерти Добролюбова указано 14 ноября [7, с. 587]. В комментариях к публикации Е. Кушева увидела в этой ошибке, а также в содержании прокламации в целом «отпечаток провинциализма» [8, с. 586]. Пожалуй, схожим образом стоит охарактеризовать и речь Чарницкого, в которой есть отстранённые рассуждения о «поборниках великих идей» начиная со времён Иисуса Христа, о Руси, которая после статей Добролюбова «наконец встрепенулась, как бы от долгого сна», и т. п. [5, № 48442, л. 1, 6].

Интересны источники информации, которыми пользовался Чарницкий, упоминая о смерти Добролюбова. Он сказал, что критик «умер со словами на устах “спасите Россию”» [5, № 48442, л. 6], а перед смертью даже участвовал в студенческих волнениях осени 1861 г.: «... при избиении студентов солдатами явился больной незабвенный Николай Александрович, который стал защищать студентов в стенах университета от неправильных нападков деспотизма...» [5, № 48442, л. 1, 6]. Если это не выдумки Чарницкого, то мы имеем дело с некой устной легендой о последних днях Добролюбова, которая в 1860-х гг. была распространена в молодёжной среде, но не сохранилась в письменных источниках.

Сравним эти сведения с реальными фактами. А. Я. Панаева общалась с Добролюбовым в конце его жизни и была свидетельницей его последних дней. Он тогда рассуждал о себе и близких людях, но политически значимого завещания «спасти Россию» не оставлял [1, с. 300–313].

Студенческие волнения в Петербургском университете проходили с середины сентября по середину октября 1861 г. [8, с. 58–82]. Добролюбов с 8–9 августа был в Петербурге и, судя по письму Н. А. Некрасову от 9 сентября, старался следить за общественной ситуацией в столице: «Здесь возникает, не знаю надолго ли, какое-то подземное действие, по городу бегают и рассылают листочки, напечатанные тайно и объясняющиеся без всяких церемоний. <...> У Михайлова был жандармский обыск с неделю назад; с тех пор я каждый день встречаю людей, уверяющих, что он арестован» [9, с. 161]. Можно достоверно сказать, что Добролюбов лично знал как минимум одного участника студенческих беспорядков – студента университета и сотрудника «Современника» И. А. Пиотровского, арестованного 12 октября [10, с. 606]. Но сам Пиотровский после смерти Добролюбова говорил, что умерший критик мог прийти на студенческие сходки только если бы был здоров [11, с. 49]. Должно быть, на фоне активного общественного движения 1861 г. смерть

Добролюбова в сознании молодёжи обросла легендарными подробностями, которые дошли и до Чарницкого.

Частое использование патетических приёмов не помешало Чарницкому уделить внимание основным философским и социальным идеям Добролюбова. Он вольно пересказал статьи «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ» и «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью», обратился к разбору Добролюбовым личности Петра I (подразумевается статья «Первые годы царствования Петра Великого») [8, № 48442, л. 4–5 об.]. Упоминание «тёмного царства» говорит о знакомстве со статьями «Тёмное царство» и «Луч света в тёмном царстве». В последнем случае Чарницкий под «тёмным царством» понимал крепостнические порядки: «... братья наши стонали под игом богатых, привилегированных сословий. Кровь их лилась по городам, сёлам и степям» [8, № 48442, л. 5 об.]. О литературном первоисточнике – образе высших сословий из произведений А. Н. Островского – не сказано ни слова.

Авторы прокламации 1881 г. в свою очередь использовали понятие «тёмное царство», чтобы агитировать за социальную борьбу, но признавали, что у Добролюбова таких призывов можно и не найти. «Пусть ничто, – писали они, – наружно не указывает на близость его к этой борьбе ... она – его слово, воплотившееся в дело, она триумф его учения, потому что для учения, признававшего “лучом света в тёмном царстве” протест угнетённой личности, протест угнетённой массы – триумф!» [2, с. 588]. В прокламации 1886 г. словосочетание «тёмное царство» встречается трижды в одном абзаце и также подразумевает общественный порядок в целом: «И это тёмное царство гнетёт нас и теперь, но мы уже не сомневаемся, что дни его сочтены. . . » [12, с. 379]. Обращение к этому фразеологизму – по сути, единственное наследие добролюбовских текстов в прокламациях 1880-х гг. Одним словом, для Чарницкого публицистика Добролюбова на рубеже 1860–1870-х гг. является ещё актуальным чтением, для молодёжи 1880-х гг. – лишь поводом поговорить о дне сегодняшнем.

Чарницкий критиковал власть, но делал это мимоходом, говоря об абстрактном «деспотизме»: «... представители деспотизма очень хорошо понимают, что их сила только и может держаться при забитости и давлении масс народных. . . » [8, № 48442, л. 2]. Среди оппонентов Добролюбова и его взглядов также названы западники, славянофилы, «метафизики-идеалисты», «тупое общество» в целом и, наконец, собирательный образ русских писателей: «... наша литература не приносит пользу народу в настоящее время ... разные Пушкины, Жуковские, даже Крылов и т. п. служили для высших классов, но не для народа. . . » [8, № 48442, л. 5 об.].

Авторы прокламаций 1880-х гг. предлагали более прямолинейную политическую картину. Согласно самарскому тексту 1881 г., «всякий

борец за народ и свободу – истинный ученик Добролюбова». Врагом прямо называлось правительство [2, с. 588]. Прокламация 1886 г. также говорит в первую очередь о позиции правительства, которое разогнало мирную демонстрацию: оно «не стесняется соблюдением хотя бы внешней формы законности для подавления всякого открытого проявления общественных симпатий и антипатий» [12, с. 380]. Ее авторы призывают к борьбе, самоорганизации, действию. Чарницкий же обращается к прошлому.

Это сравнение показывает серьёзные изменения, произошедшие в русском общественном движении за 1870-е гг. На рубеже 1860–1870-х гг. манифестация оппозиционных взглядов молодёжи была ограничена рефлексией и пассивным сопротивлением – задержаться у могилы чуть дольше, чем планировалось, написать письмо редактору газеты и т. п. После «хождения в народ», судебных процессов против народников и террористической борьбы «Народной воли» оппозиционность в 1880-е гг. выражается в прямой революционной конфронтации с властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панаева, А. Я.* Воспоминания. Москва : Правда, 1986. 280 с.
2. Добролюбовская демонстрация // Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград : энциклопедический справочник / главный редактор Б. Б. Пиотровский. Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. С. 189. ISBN 5-85270-037-1.
3. *Ольховский, Е. Р.* Добролюбовская демонстрация 1886 г. и её оценка современниками и в исторической литературе // Российские университеты в XIX – начале XX века : сборник статей. Воронеж : Издательство ВГУ, 1993. С. 106–127. ISBN 5-7455-0639-3.
4. Новые документы о Н. А. Добролюбове // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 145–170.
5. Государственный музей политической истории России. Фонд II.
6. Демонстрация на могиле Добролюбова в 10-летнюю годовщину его смерти // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / под редакцией Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1940. С. 425–430.
7. *Кушлева, Е.* Прокламация революционного кружка ко дню двадцатой годовщины смерти Н. А. Добролюбова // Литературное наследство. Москва, 1936. Т. 25/26 ; Чернышевский, Добролюбов, Писарев. С. 586–588.
8. *Гессен, С. Я.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. Москва : Всероссийское общество политических каторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. 144 с. (Научно-популярная библиотека по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях).
9. *Бушканец, Е. Г.* Об участии Н. А. Добролюбова в революционном подполье 1861 г. // История СССР. 1962. № 5. С. 160–163.
10. *Егоров, Б. Ф.* Пиотровский Игнатий Антонович // Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь. Москва : Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 606. ISBN 5-85270-256-0.

11. *Николадзе, Н.* Воспоминания о шестидесятих годах // Каторга и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 49.

12. 17 ноября в Петербурге // 1 марта 1887 г. : Дело П. Шевырѣва, А. Ульянова и др. / предисловие А И Елизаровой ; текст подготовлен к печати А. А. Шиловым. Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1927. С. 379–381.

УДК [37.018.11:028.01](470+571)|18|+929Чернышевский

Е. А. Рябошкарпова

E-mail: ekaterinaryaboshkapova@mail.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ МЕТОДИКИ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ К ЧТЕНИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается методика приобщения детской аудитории к чтению во второй половине XIX века. Анализируются развитие, социально-психологические функции и роль семейного чтения в обществе. Исследуются особенности формирования личности с помощью специально подобранной литературы, а также феномен «начитанности» ребенка на примере семьи Н. Г. Чернышевского.

Ключевые слова: семья, чтение, семейное чтение, детская аудитория, методика, художественная литература, библиотека, педагогика.

E. A. Ryaboshkapova

Saratov State University

THE FEATURES OF THE FAMILY METHODS OF COMMUNION CHILDREN TO READING IN THE SECOND HALF OF 19TH CENTURY

Abstract. This article considers the methods of introducing children's audience to reading in the second half of the nineteenth century. It analyzes the development of family reading, its socio-psychological functions and role for society. The article explores the ways to develop a personality and obtain family education through specially selected literature. The influence and popularity of the phenomenon of "well-read" child in Russia of that time is shown on the example of the N. G. Chernyshevsky's family.

Keywords: family, reading, family reading, children's audience, methodology, imaginative literature, library, pedagogy.

Проблема детского чтения возникла еще в XVIII в. Значительный вклад в ее развитие внес один из видных представителей русского просвещения Н. И. Новиков, который в своем трактате «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» большое внимание уделил эстетическому совершенствованию детей благодаря чтению и сочинению стихов [1].

В XIX в. к проблеме детского чтения, необходимого для просвещения ума и развития чувств, обращаются В. Г. Белинский, К. Д. Ушинский,

Н. Г. Чернышевский. Мировоззренческие, нравственные, культурные и образовательные принципы и ценности закладываются в дошкольном возрасте. Данные приоритеты определяют развитие и весь жизненный путь личности, поэтому особое внимание необходимо уделять становлению внутреннего мира ребенка. Лучшими учителями и наставниками являются, как правило, родители и художественная литература.

Постепенно семейное и детское чтение в XIX в. становится неотъемлемой частью жизни каждого взрослого и ребенка, важнейшим средством воспитания души подрастающего поколения. В педагогике детское чтение определяется как совокупность дифференцированных практик приобщения к материальной и духовной культуре, различающихся в зависимости от типа и вида издания, характера и назначения текста, его целей и задач, условий и факторов поддержки и развития чтения в том обществе, в котором происходит становление личности [2, с. 27].

Именно В. Г. Белинский создал демократическую теорию детского чтения, определяя литературу важным воспитателем детской аудитории: «Воспитание – великое дело: им решается участь человека . . . книги, которые пишутся собственно для детей, должны входить в план воспитания, как одна из важнейших его сторон» [3, с. 62]. Поэтому его можно считать основоположником педагогики детского чтения. Он признал литературу действенным средством социального, гражданского воспитания и разностороннего развития личности.

Влияние семьи на приобщение ребёнка к чтению также определялось в качестве не менее важного фактора. Семья как интегрированный социальный институт, включающий в себя биологическую, социально-экономическую, нравственную и духовную функции, в условиях альтруизма и взаимоуважения становится основой общественного развития. Традиции, мировоззренческие устои в совокупности являются призмой, через которую у ребёнка вырабатываются такие человеческие качества, как гуманность, ответственность и реалистичность восприятия окружающего мира, потому что «человеческое существование может подняться в своем развитии до уровня личности только в условиях социального окружения, через взаимодействие с этим окружением и присвоение того духовного опыта, который накоплен человечеством» [4, с. 99]. Хорошо подобранные книги выступают хранилищем и источником духовного опыта человечества, становятся одним из средств духовно-нравственного развития ребёнка в условиях семьи.

Чтение в семье имеет в России давнюю традицию. Для просвещенного сословия оно было естественным атрибутом духовного общения. В разных биографических источниках постоянно встречается информация о высокой роли традиции семейного чтения в духовно-нравственном становлении личности ребенка. Чтение вслух как обучающая стратегия представляет одну из самых распространённых практик читательской

культуры и семейного воспитания, что помогает ребёнку освоить грамоту, а родителям – пробудить у детей интерес и потребность в чтении [4, с. 99]. Выразительное чтение с листа или наизусть прививало детской аудитории понятие интонации, развивало способность чувствовать родной русский язык и уважать произнесенное слово. Многие представители того времени могли с удовольствием вспоминать о том, как «отец вечерами усаживал всю семью вокруг большого круглого стола, за которым обедали и пили чай, читал вслух и разъяснял непонятные места» [5, с. 31].

Эффективность воспитательного воздействия хорошей книги, по словам В. Г. Белинского, во многом зависит от целенаправленного руководства чтением, при этом важным критерием при выборе книг является художественность текста. Детское чтение должно быть литературным, а не представлять собой свод некоторых рассуждений о нравственности, фальши и лжи, поэтому нередко оно было подвержено родительской цензуре. Однако чтение в кругу друзей всегда оставалось максимально вольным. Главная особенность семейного чтения заключается в том, что именно родители занимаются настоящим духовным развитием своего ребёнка, формированием его высоких духовных и нравственных качеств. Этот фактор позволяет выделить семейное чтение как уникальную классическую методику воспитания подрастающего поколения.

Уровень развития книжной культуры родителей не только в дворянских, но и в простонародных семьях был в данный период достаточно высоким, что и обеспечивало успех домашнего воспитания. Особенно в дворянских семьях признавали благотворное влияние книги на детей. В усадьбных домах родители всегда создавали детям необходимые условия для формирования и закрепления привычки ежедневного чтения с раннего возраста. Домашнее чтение способствовало вдохновению, развитию творческих способностей, веры в идеалы, высоких помыслов и чувств, развитию любви к Отечеству, что было необходимо для государственности на протяжении всей российской истории. Семейное чтение являлось, по существу, важной общественной функцией.

Наличие библиотеки в доме играло не только социально-образовательную и культурную, но и экономическую роль. Мода на чтение качественной литературы способствовала разностороннему развитию интересов, творческих способностей, воспитанию гражданственности. Читающие родители стали образцом для своих детей. Книга воспитывала культуру чтения и развивала потребность в нем у младшего поколения.

В решении задач, связанных с воспитанием подрастающего поколения, Н. Г. Чернышевский важную роль отводил книге. Когда началось активное развитие художественной детской литературы, он посвящал свои работы не только читателям, родителям с целью воспитания вкуса

у них и детей, но и писателям, чтобы направить их творчество на реализацию потребностей детской и взрослой аудитории. Н. Г. Чернышевский ожидал от писателей простоты, искренности, занимательности. Данные требования необходимы для привития любви и интереса к чтению. Он считал образование «самым великим благом для человека», а литературу – самым действенным средством распространения образования. Когда человек читает, он совершенствуется, развивая привычку мыслить, расширяет объём своих знаний, нравственно улучшается [6, с. 79]. Самого философа и писателя можно считать великолепным образцом начитанного ребёнка, об этом свидетельствуют многочисленные подробные факты его биографии.

Мать Н. Г. Чернышевского была хорошо образованной женщиной, она «так любила читать, что про нее прямо можно сказать: она жила, не выпуская из рук книги» [7]. В своих воспоминаниях А. Н. Пыпин писал, что мать Н. Г. Чернышевского и её сестра читали все выпуски «Отечественных записок» со статьями В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Здоровая трудовая обстановка и любовь к литературе с детства прививали Н. Г. Чернышевскому крепкие моральные устои. В детские годы он особенно подружился со своей двоюродной сестрой Любенькой Котляревской, дочерью А. Е. Пыпиной. Она с рождения жила в доме Чернышевских. Будучи страстной любительницей чтения, она приохотила и брата к книгам. Отец Чернышевского Гавриил Иванович отмечал её хорошее влияние на общее культурное развитие мальчика. Бабушка Пелагея Ивановна всегда рассказывала внукам сказки, семейные предания, от неё Николай впервые услышал рассказы о былинных русских богатырях. В 13 лет юный Чернышевский уже приступил к переводам на русский язык книг, изданных на латинском языке, писал переводы «с греческого языка на российский», а в 1842 г. изучал французский и немецкий языки.

Историк Н. И. Костомаров считал библиотеку Г. И. Чернышевского богатой и замечательной, начиная с 40-х годов она постоянно пополнялась новейшей отечественной и иностранной литературой. Кроме книг и журналов в семье читали газеты «Московские ведомости» и «Саратовские губернские ведомости». Отсюда следует, что, воспитываясь в обстановке уважения и любви к книге и к чтению, Н. Г. Чернышевский стал страстным «пожирателем» книг. Его любимым русским поэтом был М. Ю. Лермонтов, стихотворения которого он знал наизусть еще с детства. Екатерина Николаевна Пыпина не раз вспоминала о том, что «Живописное обозрение» было любимым чтением в семье Чернышевских и Пыпиных [7].

Таким образом, влияние семейной методики приобщения детей к чтению играет существенную роль в воспитании младшего поколения в XIX в. Именно семья становится лучшим мотиватором для

развития патриотической, нравственно-духовной личности, обладающей грамотной речью, самостоятельностью и ответственностью. Постоянное присутствие книги в семье стало основой его развития как творческой, профессиональной личности с высокой гражданской позицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Колосова, Е. А.* Практики детского чтения : результаты комплексного исследования. Москва : Российская государственная детская библиотека, 2011. 117 с.
2. *Новиков, Н. И.* О воспитании и наставлении детей : для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия : публицистика. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 145 с. ISBN 978-5-4475-6047-8.
3. *Белинский, В. Г.* Собрание сочинений : в 9 томах. Москва : Художественная литература, 1976. Т. 3. 614 с.
4. *Пушкарёва, Н. Л.* Частная жизнь русской женщины XIX века. Москва : Ломоносовъ, 2012. 208 с. ISBN 978-5-91678-137-3.
5. *Рейтблат, А. И.* Чтение вслух как культурная традиция // Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении : историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. С. 30–35. ISBN 978-5-86793-138-4.
6. *Гриценко, З. А.* Детская литература. Методика приобщения детей к чтению : учебное пособие для студентов факультетов дошкольного воспитания высших педагогических учебных заведений. 3-е издание, стереотипное. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 312 с. ISBN 978-5-7695-5597-8.
7. *Богословский, Н. В.* Чернышевский. Москва : Молодая гвардия, 1955. 575 с.

УДК821.161.1.09-6+[Чернышевский+Федин]

С. Н. Рубцов

E-mail: Rubcov-82@mail.ru

ГУК «Государственный музей К. А. Федина», Саратов

ИЗВЕСТНОЕ – НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО (ВОСПОМИНАНИЯ А. Е. ФЕДИНА О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ)

Аннотация. Воспоминания Александра Ерофеевича Федина о Чернышевском могут стать основой для ряда исследовательских работ, посвященных последнему году проживания писателя в Саратове, его окружению и первым шагам по сохранению памяти о нем – созданию музея. Воспоминания Федина обращают внимание на некоторые особенности характера Чернышевского, например педантичность и нетерпимость ко лжи. Они придают эмоциональную особенность письму и характеризуют отношение к этому писателю жителей Саратова.

Ключевые слова: А. Е. Федин, Н. Г. Чернышевский, К. А. Федин, Н. М. Чернышевская, В. Г. Короленко, письмо, воспоминания.

S. N. Rubtsov

The Fedin State Museum, Saratov

**THE KNOWN – THE UNKNOWN LETTER
(A. E. Fedin's memoirs about N. G. Chernyshevsky)**

Abstract. Alexander Fedin's memoirs of Chernyshevsky can become the basis for a number of research works concerning the writer's last year in Saratov, his inner circle, and the first steps to preserve his memory – founding of a museum. The mundane observations by Fedin point out some features of Chernyshevsky's character, such as his pedantry and antipathy toward lying. They give an emotional feature to the letter and characterize the attitude of Saratov citizens to the writer.

Keywords: A. E. Fedin, N. G. Chernyshevsky, K. A. Fedin, N. M. Chernyshevskaya, V. G. Korolenko, letter, memoirs.

В 2018 г. в Государственном музее К. А. Федина в рамках проекта «Музей открывает фонды» была подготовлена выставка к юбилею Николая Гавриловича Чернышевского. На ней экспонировались часть переписки Константина Александровича Федина с Ниной Михайловной Чернышевской, книги с её автографом, графические работы к повести Федина «Старик»¹ и одноименному телефильму, снятому в 1968 г. Среди представленных экспонатов особое место было отведено двум письмам – К. А. Федина к Н. М. Чернышевской от 7 ноября 1939 г. с воспоминаниями его отца [1, с. 208–209] и Федина к сыну от 3 марта 1920 г. с отдельным листом воспоминаний «О Чернышевском Н. Г.» [2].

Воспоминания А. Е. Федина о Чернышевском были давно известны среди сотрудников музея, которые цитировали их фрагменты во время экскурсий. Но часть письма, посвященная Н. Г. Чернышевскому, никогда не публиковалась. Письмо К. А. Федина, присланное в Саратов в ноябре 1939 г., было процитировано Н. М. Чернышевской в 1959 г. во время торжественного вечера, посвящённого К. А. Федину [1, с. 206]. Предысторию появления этого письма Н. М. Чернышевская частично изложила в публикации 1972 г. [3, с. 179–182].

В письме 1939 г. К. А. Федин кратко описал историю знакомства А. Е. Федина и Н. Г. Чернышевского, а также свои воспоминания и детские впечатления от посещения с родителями Воскресенского кладбища и увиденной там часовни над могилой Н. Г. Чернышевского:

«Однажды летом 1889 г. в писчебумажный магазин П. Г. Бестужева, в Саратове, зашел пожилой человек строгого и сосредоточенного вида, с длинными волосами, в очках. Он попросил писчей бумаги. Приказчик подал ему один за другим два-три сорта бумаги, но не мог угодить. Покупатель был недоволен, собрался уйти, но к нему подошел другой приказчик, переспросил, в чем именно состоит желание, и сразу подал

¹Повесть К. А. Федина «Старик» была написана в 1928–1929 гг. (опубликована в 1930 г.) по сюжету рассказа Н. Г. Чернышевского «Покража».

тот сорт бумаги, который требовался. Покупатель был удовлетворен, признательно поблагодарил и простился.

Едва он вышел из магазина, как приказчика, отпустившего бумагу, спросили:

А ты знаешь, кто это был?

Нет.

Ведь это – Чернышевский. . .

И вот, любивший вспоминать этот случай былой бестужевский приказчик – мой отец, Александр Ерофеевич Федин, слегка растроганно и гордо добавлял:

Я долго все не верил, что со мной разговаривал сам Чернышевский. Он был знаменит, о нем в городе говорили. . . < . . . >

Когда я, маленький, в конце 90-х–начале 900-х годов бывал с родителями на Воскресенском кладбище, отец и мать подводили меня к могиле Чернышевского. Сквозь стекла маленькой часовни мы рассматривали венки, отец прочитывал надписи на лентах. Этим кончались наши хождения по могилам, наши «родительские». Часовня со стеклышками была нагробием особенного значения, особенной могилой особенного человека. Я, конечно, не понимал, что это был за человек, но наверно, именно тут впервые услышал слово – Чернышевский – и отсюда запомнил его навечно» [1, с. 208–210].

Воспоминания А. Е. Фебина, изложенные в письме к сыну, содержат поздние пометы К. А. Фебина, уточняющие некоторые даты и обстоятельства, описанные его отцом. Приводимый ниже фрагмент письма А. Е. Фебина публикуется впервые.

О Чернышевском Н. Г.

Я очень мало знаю и теперь трудно что-либо мне узнать, так как растерялись все знакомые и нет возможности воспользоваться какими-либо сведениями. При встрече первый раз по приезде его из Астрахани, куда он был, после 20-летней ссылки в Вилуйске, в Сибири, выслан, и в Астрахани жил около двух лет, был покупателем на почтовую бумагу в магазине Бестужева, где я служил. Это было приблиз<ительно> в 1887 или 8-м году¹, произошло так: впервые он покупал бумагу в магазине Болдырева, известный сорт, и когда она у них вся вышла, то он зашел к нам, и пришлось как раз принять его мне. Он спросил меня: «Есть ли бумага почтовая бол<ьшого> формата, гладкая без линий, № 22». У нас было несколько фабрик, о чем пришлось спросить его, какой он желает, он назвал не фабрику, а ее качество, а именно Экстра (такая была) и притом же спросил, будет ли одинакова № 22 и № 20. На это я сказал ему, что нет, тогда он вошел со мною в разговор и указал

¹На полях синим карандашом рукой К. А. Фебина сделана помета: «в 1889-м».

на неправильное отношение по продаже на магазин Болдырева, где его заверяли, лишь бы только продать, что бумага № 22 и № 20 одно и то же, и в выражении его было заметно нервное состояние. Когда я ответил на его опрос о качестве утвердительно, что эти два сорта бумаги очень различны, с пояснениями, почему именно, то он остался объяснением очень доволен и все время до своей кончины, которая последовала в 1889 год на¹ 64 г. жизни, был покупателем на эту бумагу, которую он употреблял для переписки<ки> всеобщей Истории Вебера. Но закончить ее не успел и был обложен книгами, лежа на смертном одре, с фотографии. Жил он в Саратове более года до своей кончины на Соборной площади в доме Смирнова на месте Никольских против Бульвара между домами Шмидт и Хован<ского>. Его приятелем был мой хороший знакомый, владелец книжного магазина Флегонт Васильевич Духовников, который писал заметки об Чернышевск<ом> в журнале «Киевская старина»². Но он тоже давно скончался и от него мне пришлось слышать, что Чернышевский был преподавателем в 1-й Саратовской мужской гимназии русского языка и характеризовал его, как славного доброго и идеального человека. Теперь в его доме на углу Гимназической и Большой Сергиевской ул. открыт музей его имени. Было предложение открыть в нем гимназию его имени, но почему-то не осуществилось. Вот все, что я мог сообщить, разве еще можно добавить, что во время переписки истории он в кабинет никого не впускал. Перепиской занималась у него племянница, а он прохаживался в халате, имея на руках кота, которого очень любил. Недавно, около двух лет, скончалась его супруга Ольга Сократовна, находясь на излечении в городской больнице, и на днях умерла его внучка замужняя от сыпного тифоза [2].

В письме имеется ряд ошибок, связанных с датой проживания Чернышевского в Саратове и возрастом, в котором он скончался. Есть также факты, которые требуют проверки. Согласно вышеприведенным воспоминаниям А. Е. Федина, Чернышевский жил в «доме Смирнова на месте Никольских против Бульвара между домами, Шмидт и Хованского», а Чернышевская утверждала, что это дом почтового чиновника А. М. Никольского [1, с. 211]. Косвенным свидетельством ошибочности ее мнения являются воспоминания В. Г. Короленко: «17 августа 1889 года, часов около 6 вечера, я позвонил у дверей деревянного флигеля во дворе, против общественного сада, в Саратове. В этом домике жил Чернышевский» [5, с. 59]. Безусловно, требуется привлечение дополнительных архивных источников, чтобы определить точное место расположения упоминаемых домов в 1889 г. и тем самым подтвердить или опровергнуть

¹Подчеркнуто синим карандашом К. А. Фециным. Н. Г. Чернышевский скончался на 62 году жизни.

²Подчеркнуто синим карандашом К. А. Фециным, сверху стоит кружочек с крестиком, синими чернилами сделана сноска: «Ошибка “Русская старина”».

устоявшуюся версию о доме Никольского. Интересным моментом является упоминание в письме А. Е. Федина племянницы писателя, которая участвовала в переписке перевода Чернышевским «Истории Вебера». Кто эта девушка – неизвестно. По-видимому, потребуется отдельное исследование, посвященное родственникам Чернышевского, которые в это время находились в Саратове или бывали здесь. Между тем и у Короленко читаем о загадочной родственнице: «В квартире Чернышевского, во второе мое свидание с ним, я встретил, кроме его жены и секретаря, еще молодую девушку, племянницу Чернышевского, знакомую моему брату. Она очень сердилась на последнего за то, что он не ответил на ее письмо, и часто возвращалась к тому вопросу» [5, с. 66]. Возможно, изучение деловых и творческих связей брата Короленко¹ в будущем позволит узнать имя племянницы, помогавшей Чернышевскому. Хотелось бы обратить внимание еще на один факт, имеющий отношение к созданию музея Н. Г. Чернышевского. В письме А. Е. Федина музей имени Чернышевского упоминается как уже состоявшееся учреждение. Настораживает дата письма – 3 марта 1920 г., т. е. почти за 7 месяцев до официального постановления о создании музея Чернышевского, вышедшего 17 сентября 1920 г. Как это объяснить? Музей существовал на общественных началах и был достаточно известен в городе или местными властями ему был присвоен особый статус? Это требует дополнительного исследования.

Подводя итоги, следует заметить, что, несмотря на небольшой объем воспоминаний А. Е. Федина о Чернышевском, они затрагивают ряд вопросов, решение которых возможно после тщательной работы с документальными источниками. Каждый из этих вопросов – точное место проживания Чернышевского в Саратове, его семейное окружение в 1889 г., уточнение событий, связанных с созданием музея – может стать отдельным исследованием, которое существенно расширит наши знания о последнем годе жизни писателя в Саратове и работе по сохранению памяти о нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чернышевская, Н. М.* Федин о Чернышевском (Из переписки 1926–1939) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы : межвузовский научный сборник / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1968. Вып. 5. С. 205–211.
2. Письмо А. Е. Федина К. А. Федину // Государственный музей К. А. Федина (Саратов) (ГМФ). Основной фонд (ОФ). 2099.
3. *Чернышевская, Н. М.* «За все, чем вы богаты!..» // Волга. 1972. № 2. С. 179–187.

---

¹Илларион Галактионович Короленко, с которым Н. Г. Чернышевский познакомился в Астрахани (1883–1889).

4. Письмо К. А. Федина Н. М. Чернышевской // ГМФ. ОФ. 5417.

5. *Короленко, В. Г.* Воспоминания о Чернышевском // Русское богатство. 1904. № 11. С. 4871. 1.

УДК 070(470.44-25)|1889|+929Чернышевский

Э. Б. Терещенко

E-mail: elmira.tereshhenkoaxmetova@mail.ru

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В САРАТОВСКИХ ГАЗЕТАХ 1889 ГОДА (НЕКРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Аннотация. Статья посвящена откликам современников на смерть Н. Г. Чернышевского, помещенных на страницах газет Саратовской губернии. Некрологические заметки в них в полном соответствии с требованиями жанра закрепляют высокий статус писателя в глазах провинциальной публики, дают оценку его выдающегося вклада в умственную жизнь Саратова и культуру России.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, некрологические заметки, провинциальная газета, «Саратовский листок», «Саратовский дневник».

E. B. Tereshchenko

Saratov State University

N. G. CHERNYSHEVSKY IN THE SARATOV NEWSPAPERS OF 1889 (obituary notes)

Abstract. This article considers the response of contemporaries to the death of N. G. Chernyshevsky on the pages of newspapers in the Saratov province. The obituary notes are in full accordance with the requirements of the genre and despite the censorship consolidate the high status of the writer in the eyes of the provincial public, give a detailed assessment of his outstanding contribution to the intellectual life of Saratov and Russian culture.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, obituary notes, provincial newspaper, *Saratov Leaflet*, *Saratov Diary*.

В июне 1889 года Н. Г. Чернышевский вернулся в родной Саратов, в котором не был 28 лет. Дом Чернышевских в то время был сдан в аренду на несколько лет присяжному поверенному А. А. Токарскому. Узнав о предстоящем возвращении писателя, он предложил вернуть дом бывшим хозяевам: «В конце мая Ольга Сократовна узнала, что Николаю Гавриловичу разрешено переехать в Саратов, и заявила, что она ищет квартиру. Я предлагал ей занять свой дом, но она наотрез отказалась, заявив, что средств у них нет, чтобы возратить затраченные мною на ремонт деньги, а одолжаться она не желает. “Притом же, – заявила она, – мы найдем квартиру дешевле, нас только двое, дом велик, и мы будем в барышах”» [1, с. 338]. Николай Гаврилович поселился

в небольшом двухэтажном доме почтового чиновника А. М. Никольского на улице Соборной (ныне не сохранился).

В последние месяцы жизни в Саратове Н. Г. Чернышевский продолжал много работать над переводом «Всеобщей истории» Вебера и подготовкой к печати материалов о Н. А. Добролюбова. Память и работоспособность писателя в тот период вызывали удивление у современников.

К тому времени его здоровье было уже подорвано, и в ночь на 17 октября 1889 года Н. Г. Чернышевский скончался от кровоизлияния в мозг. При кончине писателя присутствовали жена Ольга Сократовна, врачи М. И. Кротков и А. В. Брюзгин, А. А. Токарский, его квартирант Буковский [2, с. 116].

Весть о смерти писателя быстро разнеслась по всей России, и из разных её уголков начали поступать телеграммы, письма с выражением соболезнования по поводу горькой утраты. Все телеграммы адресовались О. С. Чернышевской или редакциям местных газет. Саратовские газеты получили строгое предупреждение от управления по делам цензуры о том, чтобы не печатать некрологов о Н. Г. Чернышевском [3, с. 196]. Но, несмотря на этот запрет, некрологические заметки все-таки были помещены в саратовских изданиях.

Эти заметки содержат много исторических подробностей, и к ним обращались исследователи биографии Чернышевского. Однако учтены и специально рассмотрены они были в статье А. И. Марынова и В. И. Бельмесова, опубликованной в 1971 году [4]. Нам предстоит вернуться к некрологическим заметкам о Н. Г. Чернышевском в саратовской периодике и взглянуть на них с точки зрения газетного жанра, привлечь новые публикации.

В библиографическом труде Т. С. Конкиной «Газетные публикации о Н. Г. Чернышевском в 1864–1889 гг.» [5, с. 61] был продолжен учет саратовских материалов, в которых речь шла о кончине Чернышевского. «В отличие от столичной прессы, – пишет Т. С. Конкина, – местные газеты в освещении смерти Н. Г. Чернышевского были лаконичны. “Саратовский дневник” опубликовал краткий некролог, в котором сообщались самые общие сведения из жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, не было упомянуто о годах его каторги и ссылки, о романе “Что делать?”, научных и публицистических произведениях» [5, с. 61]. В работе собраны некрологические заметки о Чернышевском, помещенные в газетах «Саратовский дневник», «Саратовский листок», хранящихся в фондах Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского [6]. Обновленный перечень газетных источников заставляет признать, что до сих пор нет ни одного современного исследования, содержащего обстоятельный и целостный анализ некрологических заметок о Чернышевском в саратовской периодике. Кроме того, в отдельных публикациях, так или иначе касающихся данного вопроса, допущены некоторые неточности.

Не претендуя на всеохватность темы, рассмотрим посмертный портрет писателя-демократа, представленный прежде всего на страницах газет «Саратовский листок» и «Саратовский дневник». На тот момент эти две газеты являлись ведущими периодическими изданиями в России, известными не только в Саратове. Их читали в Петербурге и Москве, Риге и Варшаве, Одессе и Харькове, а также во многих других крупных городах империи. Саратовские некрологические заметки о Н. Г. Чернышевском перепечатывались и газетой «Астраханский листок» [7, с. 123], их также пытались опубликовать В. Л. Поляков и М. И. Попов в казанской газете «Волжский вестник» [8, с. 102]. Помещение такого рода информации в данных органах печати сразу же сделало факт кончины Чернышевского общероссийской новостью.

Саратовские заметки о смерти литератора, пострадавшего от царского режима, были написаны с соблюдением жанровых особенностей некролога: избегая негативных оценок, авторы подводили итог жизни выдающегося человека. «Основное в некрологе – не личность, не его частная жизнь, а почти исключительно социальная полезность» [9, с. 124]. Газетный некролог в соответствии с принятым в прессе тех лет форматом невелик по объему и содержит информацию о времени и месте рождения, происхождении, учебе, основном роде деятельности. Приводятся названия произведений писателя, подробности его кончины, делается обобщающий вывод об общественной роли покойного.

17 октября 1889 года в дополнительных номерах газет «Саратовский листок» и «Саратовский дневник» были помещены сообщения, связанные со смертью Чернышевского: «С 16 на 17-е октября, в 12 ч. 37 м. ночи, скончался Николай Гаврилович Чернышевский. Панихиды в квартире покойного (против бульвара, д. Никольского, близ Армянской улицы) ежедневно в 10 ч. утра и до 7 вечера» [10, № 222, с. 2; 7, прибавление к № 222, с. 2]. В этих же дополнительных номерах саратовских газет появляются первые некрологические заметки о Н. Г. Чернышевском. Так, в одной из них, помещенной в 222-м номере газеты «Саратовский дневник» [10, № 222, с. 2], сообщалось о дате и месте рождения Н. Г. Чернышевского, его обучении в саратовской семинарии и Петербургском университете, о педагогической деятельности в Саратовской мужской гимназии, женитьбе на О. С. Васильевой. В некрологической статье «Саратовского листка» [10, № 226, с. 2], написанной известным журналистом Иваном Парфеновичем Горизонтовым, рассказывалось о защите Чернышевским диссертации: «Своею магистерскою диссертациею “Эстетические отношения искусства к действительности” Николай Гаврилович много наделал шума, который еще более увеличился, когда совет университета не удостоил его ученой степени. После “неудачного” дебюта в области науки покойный всецело посвятил себя журнально-литературной деятельности и своим непосредственным и живым участием в “Современнике” придал ему значительный интерес и обширное

распространение в тогдашней публике» [10, № 226, с. 2]. Некролог И. П. Горизонтова – ценное дополнение к известным воспоминаниям современников о Чернышевском. Журналист сообщал подробности последних дней жизни писателя: «Работал 14 часов в сутки без отдыха», а за «день до смерти, уже после приступа страшнейшего озноба, он диктовал более 16 страниц печатного текста, сам изумившись своей рабочей энергией» [11, прибавление к № 222, с. 3].

Похороны Н. Г. Чернышевского состоялись в присутствии многочисленной публики, после отпевания в Сергиевской церкви, на Воскресенском кладбище. До 20 октября включительно саратовские газеты ежедневно помещали короткие заметки о смерти и похоронах Чернышевского: в «Саратовском листке» извещали, что писателя «хоронили на 4-й день после смерти, дожидаясь приезда из Петербурга сына его, который мог прибыть только 20 числа утром» [11, № 226, с. 4]. «Саратовский дневник» более подробно описывал похороны: «К выносу гроба . . . в квартиру покойного собрались родственники, знакомые и почитатели усопшего. Много собравшихся стояли на дворе, так как квартира не могла вместить всех желавших проводить покойного» [10, № 226, с. 2].

По воспоминаниям современников, похороны представляли торжественное зрелище. Впереди ехал катафалк, покрытый бесчисленными венками. Его везли четыре лошади. Полиция заставила снять с венков ленты с такими надписями, как «Страдальцу», «Сеятелю великих идей», «Русские женщины – автору “Что делать?”». В 226-м номере газеты «Саратовский дневник» [10, № 226, с. 2] сообщалось, что на гроб Чернышевского были возложены металлические венки от редакции и сотрудников «Саратовского дневника», от саратовского литературного фонда; 21 октября была доставлена телеграмма из Одессы с просьбой возложить венок с надписью: «От почитателей и почитательниц Одессы»; далее говорилось, что гроб покойного несли на руках до Воскресенского кладбища, хотя погребение происходило «при серой и грязной погоде» [10, № 226, с. 2].

В числе тех, кто нес гроб, были самые близкие Чернышевскому люди: сын Михаил, А. А. Токарский, журналист В. Л. Поляк. Шли по улицам Немецкой (проспект Кирова), Александровской (М. Горького) и Московской. . . Интересно отметить, что среди желавших нести гроб были и женщины. По словам Михаила Николаевича Чернышевского, «в городе было очень грязно, а за городом и говорить нечего: грязь чуть не по колено. . .» (цит. по: [2, с. 137]). Он приводит любопытную деталь: «При выносе из церкви произошла некоторая особенность, мы выходили из церковного притвора на паперть, когда среди пения и плача, Ольга Сокрытова, не спускаящая глаз с лица Николая Гавриловича, воскликнула рыдающим голосом: “Толубчик, он слышит, он плачет; Миша, смотри – слеза!” . . . и действительно во внутреннем углу левого глаза проступила капля прозрачной жидкости» (цит. по: [2, с. 136]).

Н. Г. Чернышевского похоронили в семейном склепе, об этом подробно сообщается в письме А. Н. Пыпина: «Ход в склеп быт вырыт со стороны церкви (на Воскресенском кладбище не сохранилась. – Э. Т.), и спустили гроб легче, чем удалось нам спускать маменькин гроб (гроб А. Е. Пыпиной, матери А. Н. Пыпина. – Э. Т.). В склепе пришлось опустить в землю гроб Евгении Егоровны (матери Н. Г. Чернышевского. – Э. Т.); зарыли в землю и два маленьких гроба – Кагиной девочки Саши (дочери двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского Е. Н. Пыпиной. – Э. Т.) и Витин (третий ребенок Чернышевских. – Э. Т.); гроб Николая Гавриловича поставлен рядом с Гавриил Ивановичевым гробом. . .» [3, с. 136].

Через два дня после похорон Чернышевского в воскресных номерах саратовских газет были опубликованы фельетоны, содержание которых, как отмечали А. И. Марынов и В. И. Бельмесова, так или иначе связано с почившим писателем, хотя имя его не упоминалось [4, с. 262]. Автор фельетона в «Саратовском дневнике» С. С. Гусев, печатавшийся в местных газетах под псевдонимом «Слово Глаголь», напомнил о случившихся в Саратове кончинах горожан: «Умер состоятельный купец и оставил деньги на приют, умер писатель и ничего не оставил, кроме старого письменного стола и худых сапогов. Имущество писателя сделалось, конечно, частным достоянием его семьи, его жены, к которой перешла желчность и нервная развинченность мужа, и его сына, которому предстоит изыскать средства для сооружения подметок к отцовским сапогам. Между тем, вновь основанный приют процветал. . . Сын писателя не попадает в этот приют, потому что приют – для девочек, но попадает в другой, сооруженный главным образом на купеческие деньги. А что делается со вдовой – это неизвестно. . . Такова канва, на которой можно вышить удивительные узоры. Но самым крупным розаном в них должна быть . . . мысль, что приют-то перед глазами, а то доброе воздействие, которое оказывал писатель на умы – ущупай-ка его заскорузлыми руками, копающимися во всякой житейской дряни. . . Пусть никто не думает, однако, что я на что-то намекаю и кого-нибудь имею в виду. Тут не играет роль недавняя смерть писателя, у которого дети – слава богу – имеют сапоги. Это вообще» (цит. по: [4, с. 262]).

В несколько ином ракурсе рассматривал «тогдашнюю злобу дня» И. П. Горизонтов, сосредоточивший внимание на творческой способности человеческого сознания, на его взаимодействии с природой: «С появлением человека явилось сознание, а вместе с ним сразу все на земле и на небе осветилось блеском разума и смысла. . . ». Подразумевая под природой все пассивное, косное, противопоставляя ей человека с неутомимостью его исканий, автор фельетона с прискорбием констатирует: «Скончается ли выдающийся государь, умирает ли крупная в науке личность, сорвется с небосклона жизни какой-нибудь общественный

деятель, благотворитель, или человек мощного ума и глубокой интеллектуальной силы – природе все равно, и только одни люди поймут и оценят все значение тяжелых потерь и горестных утрат» (цит. по: [4, с. 262]).

В 227-м номере «Саратовского листка» появилась перепечатанная из «Гражданина» статья, которая начиналась с вопроса: «Что сделал Чернышевский на своем веку?» [11, № 227, с. 1]. В ней более содержательно рассмотрен творческий путь Чернышевского, упоминаются его научные и публицистические труды, роман «Что делать?». В статье приводился краткий перечень его экономических трудов: «Устройство быта помещичьих крестьян», «О поземельной собственности», «Суеверия и правила логики», «Экономическая деятельность и законодательство», «Капитал и труд», «Очерки политической экономии по Миллю», «Кредитный рубль» и др.

Некрологические заметки о Чернышевском саратовские газеты продолжали печатать до конца ноября 1889 года.

1 ноября 1889 года в 234-м номере газеты «Саратовский листок» помещена заметка А. И. Розанова под названием «Воспоминания одного из товарищей по семинарии Чернышевского», которая освещает годы учебы писателя в саратовской семинарии.

В 241-м номере этой же газеты был опубликован очерк К. Федорова «Последние ученые и литературные труды Н. Г. Чернышевского». Здесь подробно рассказано о последних днях жизни писателя, о его научной и литературной работе в этот период, а также были опубликованы псевдонимы Чернышевского: «Все последние сочинения и переводы покойного печатались под псевдонимами Андреев и Старый Трансформист. Под псевдонимом Андреев напечатано следующее: одиннадцать томов “Всеобщей истории” Вебера, изд. Солдатенкова в Москве, “Гимн Девы Неба”, “Русская Мысль”, I и II кн. 1889 г., и еще одна большая научная статья в “Русских Ведомостях”; под псевдонимом “Старый трансформист” была напечатана только одна статья – это “Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь”, “Русск. Мысль”, кн. IX, 1888 г.» [12, с. 2]. Отсылка по поводу поэмы «Гимн Деве Неба» (Русская Мысль. 1885. Кн. 7) дана с ошибкой.

28 ноября в 255-м номере газеты «Саратовский листок» публикуется письмо Ольги Сократовны Чернышевской: «Не имея возможности лично или письменно отвечать на все полученные мною и получаемые до сих пор выражения соболезнования по случаю кончины дорогого и незабвенного супруга моего, Николая Гавриловича Чернышевского, решаюсь посредством уважаемой газеты вашей, выразить всем лицам, удостоившим меня своим вниманием, мою искреннейшую и глубочайшую благодарность. Примите уверения и пр. Ольга Чернышевская» [11, № 255, с. 2].

Содержание и форму любого «журналистского» некролога на смерть литератора при известной predeterminedности оценок его

личности и творчества всегда важно соотносить с его прижизненными публикациями. Однако в последние месяцы жизни Н. Г. Чернышевского в родном городе сведения личного характера в саратовскую печать из-за цензуры не проникали. Лишь в 152-м номере «Саратовского листка» за 1889 год была опубликована рецензия В. Б-шева (И. И. Барышева) на одиннадцатый том перевода «Всеобщей истории» г. Вебера. Автор данной статьи высоко оценивал достоинства исторического труда и сделанных к нему дополнений.

В конце XI тома, отмечает И. И. Барышев, переводчиком г. Андреевым были сделаны два приложения к переводу: «Почтенный переводчик в предисловии к этому говорит, что, так как очерк России от начала царствования Иоанна Грозного до конца царствования Михаила Федоровича, находящийся в XI томе, чрезмерно краток, то он и заменил его рассказом, заимствованным из “Истории в жизнеописаниях главнейших ее деятелей” Н. Костомарова. “Понятное дело, что XI том, – пишет автор рецензии, – от этого много выиграл и нельзя не быть благодарным г. Андрееву за это”» [11, № 152, с. 4]. Чернышевский из-за цензуры подписывался псевдонимом «Андреев».

В дни траура по Н. Г. Чернышевскому не менее содержательными и многочисленными были выступления и другой провинциальной газеты – «Астраханского справочного листка». Этой теме была посвящена статья Н. С. Травушкина [13]. Как отмечал автор, память о Н. Г. Чернышевском была близка астраханцам, «и, видимо, газете окраинной, “Астраханскому листку”», как попросту его называли, где можно было с дозволения местного цензора печатать то, что другим не удавалось. «Можно думать, здесь сказалось благоприятным образом то обстоятельство, – пишет Травушкин, – что астраханским губернатором был тогда князь Л. Д. Вяземский, по словам “благородный человек”, откровенно Чернышевскому покровительствовавший, принимавший его по-домашнему, беседовавший с ним “об ученых вопросах, и о всяческих делах”» [13, с. 123]. Как было упомянуто выше, некрологические заметки саратовских газет перепечатывались и данной газетой.

На протяжении двух месяцев саратовские газеты не менее десяти раз привлекали внимание своих читателей к личности Н. Г. Чернышевского. Из публикаций видно, что газета «Саратовский листок», в отличие от «Саратовского дневника», пыталась более подробно осветить весь жизненный и творческий путь писателя. Однако информация о его политической деятельности, годах каторги и ссылки в этих двух саратовских изданиях просто замалчивалась, чего нельзя было сказать об астраханской газетной периодике. Как отмечал Н. С. Травушкин, в «Астраханском листке» прямо было сказано о репрессиях, которым подвергся критик и публицист: «Но деятельность Н. Г. была неожиданно прервана: на Чернышевского был сделан донос, которым он обвинялся в тяжких политических преступлениях. Николай Гаврилович был

по суду сослан в каторгу на 12 лет. С конца 70-х годов он жил в Восточной Сибири (Вилуйске) на поселении . . . Последнее произведение его перед ссылкой в С.-Петербурге было “Что делать?”» [13, с. 124]. И это, по мнению исследователя, считалось смелым поступком, так как заглавие запретного романа, сведения о политической деятельности Н. Г. Чернышевского цензоры всегда вычеркивали.

Появление многочисленных некрологических заметок о Чернышевском в местной прессе можно рассматривать, с одной стороны, как свидетельство вовлеченности Саратова в общественную жизнь России, а с другой – как желание воздать должное своему земляку Н. Г. Чернышевскому. В саратовских некрологах прозвучала высокая оценка выдающегося вклада писателя в духовную культуру России. Этот аспект изучения газетных откликов на смерть Чернышевского имеет не только историко-фактографическую, но и практическую значимость для воссоздания общероссийского и регионального культурного контекста эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Токарский, А. А.* Н. Г. Чернышевский (по личным воспоминаниям) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : в 2 томах / общая редакция Ю. Г. Оксмана. Саратов : Саратовское книжное издательство, 1959. Т. 2. С. 329–356.
2. *Лебедев, А. А.* [Последние месяцы жизни Н. Г. Чернышевского] // Н. Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников / составлено Н. М. Чернышевской. Саратов : Саратовское областное государственное издательство, 1939. С. 116–127.
3. *Федоров, К.* Последние ученые и литературные труды Н. Г. Чернышевского // Саратовский листок. 1889. № 241. С. 2.
4. *Марынов, А. И., Бельмесова, В. И.* Отклики саратовских газет на смерть Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы : межвузовский сборник научных трудов / под редакцией Е. И. Покусаева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1971. Вып. 6. С. 260–264.
5. *Конкина, Т. С.* Газетные публикации о Н. Г. Чернышевском в 1864–1889 гг. // Пропагандист великого наследия : сборник научных трудов и материалов / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательский центр «Наука», 2011. Вып. 4. С. 49–67.
6. Музей Н. Г. Чернышевского. Основной фонд № 3842/32, № 3842/33, № 3842/36, № 3842/45.
7. *Травушкин, И. С.* Н. Г. Чернышевский в годы каторги и ссылки. Москва : Художественная литература, 1978. 349 с.
8. *Бушканец, Е. Г.* Друзья последних дней // Саратовские друзья Чернышевского : сборник / под общей редакцией И. В. Пороха. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1985. С. 102–108.
9. *Спачиль, О. В.* Дореволюционная пресса Кубани об А. П. Чехове : два некролога // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 3 (182). С. 122–128. ISSN 2410-3489.
10. Саратовский дневник. 1889. № 222, 226, 228.

11. Саратовский листок. 1889. № 152, 222, 226, 227, 229, 241, 255, 234.
12. *Травушкин, Н. С.* Астраханская газета о днях траура по Чернышевскому // Пропагандист великого наследия : сборник статей / ответственный редактор А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. Вып. 1 : Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского. С 122–127.
13. *Чернышевская, Н. М.* Н. Г. Чернышевский и Саратов. 3-е издание, уточненное и дополненное. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1978. 191 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
I. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ	5
Манова Е. Н. Из истории Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского: становление и научно-исследовательская работа (1920-е годы)	5
Прозоров В. В. Чернышевский как лидер общественного мнения: реальность мифа	13
Он Оя. Критика Н. Г. Чернышевского против «либералов» с точки зрения разума	20
Целовальникова Д. Н. Мнемонический текст о Н. Г. Чернышевском в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского	27
Бессчетнова Е. В. Эстетика жизни Н. Г. Чернышевского и К. Н. Леонтьева	36
Гапоненков А. А. Программа «честного журнала» (к вопросу о сотрудничестве Н. Г. Чернышевского с «Русской мыслью»)	44
Джаррис М. Утопизм и гендер в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»	51
Алдошина Н. Б. Н. Г. Чернышевский и А. В. Дружинин о романе Е. Тур «Три поры жизни»	57
Калашников М. В. «Юмор смеется сам над собою»: к вопросу об особенностях юмора Н. Г. Чернышевского	66
Баранова А. С. Н. Г. Чернышевский об актуальных проблемах образования	74
Щербакова Г. И. Обращение «Вестника Европы» к опыту Петровских реформ в журнальных дискуссиях 1870-х годов	82
Перевалова Е. В. «Искусство действительности»: творчество художников-передвижников в оценке консервативной печати (по материалам газеты «Московские ведомости»)	92
Никанорова Е. И. Исторические картины Нижегородского края в русском травелоге С. Кельцева «Из поездки на Урал»	101

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	107
Борисов Ю. Н. Из филологического наследия: Н. К. Пиксанов о Н. Г. Чернышевском	107
Пиксанов Н. К. Разум и сердце Чернышевского: психологи- ческая характеристика	112
Чернышевская Н. М. Встречи с Николаем Кирьяковичем Пиксановым	130
Зюзин А. В. Письма Владимира Владимировича Буша Нине Михай- ловне Чернышевской-Быстровой (общая характеристика)	140
Он Оя. Отношение Н. Г. Чернышевского к А. Линкольну (в отделе «Политика» в журнале «Современник»)	150
Кириллов В. Л. Неизвестный источник о добролюбовской демон- страции 1871 года и «добролюбовские прокламации» 1880-х годов: общее и особенное	157
Рябошкапова Е. А. Особенности семейной методики приобщения детей к чтению во второй половине XIX века: на примере семьи Н. Г. Чернышевского	164
Рубцов С. Н. Известное – неизвестное письмо (воспоминания А. Е. Фе- дина о Н. Г. Чернышевском)	168
Терещенко Э. Б. Н. Г. Чернышевский в саратовских газетах 1889 года (некрологические заметки)	173

Научное издание

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 22

Редактор *Е. А. Малютина*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Корректор *Т. К. Певная*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10.69 (11.5). Тираж 100. Заказ № 77-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.